

Научно-теоретический и информационно-методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВД

№ 2 (81)
2017

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 января 2000 г.

Регистрационный номер ПИ 77-1448

Главный редактор:

К. А. Плясов, к.ю.н., доц.

Заместители главного редактора:

А. Ю. Терехов, к.ю.н.
А. С. Ханахмедов, к.ю.н.

Редакционная коллегия:

А. И. Овчинников, д.ю.н., проф.
В. Я. Любашиц, д.ю.н., проф.
Г. Г. Небрятенко, д.ю.н., доц.
П. П. Баранов, д.ю.н., проф.
Н. Л. Бондаренко, д.ю.н., проф.
А. В. Варданян, д.ю.н., проф.
А. В. Ендольцева, д.ю.н., проф.
А. Н. Ильяшенко, д.ю.н., проф.
О. В. Химичева, д.ю.н., проф.
В. Н. Григорьев, д.ю.н., проф.
Н. В. Павличенко, д.ю.н., проф.
В. И. Третьяков, д.ю.н., проф.
С. А. Синенко, д.ю.н., доц.
А. Я. Гришко, д.ю.н., проф.

Учредитель и издатель:

федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес редакции:

344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8(863) 207-86-35

Электронная почта:
ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала:
periodika.ruimvd.ru

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Свиридова М. В.** «Электронное правосудие» как поиск механизмов обеспечения современной российской демократии: проблемы и противоречия законодательства 5
- Ильяшенко А. Н., Лозовский Д. Н.** Обеспечение государственной защиты членов судейского сообщества: вопросы теории и практики 10
- Стругова Е. В., Ханахмедова Л. В.** Взаимодействие государства и церкви в России: историко-теоретический аспект 15
- Цымлянская О. А.** Правовые основы реализации государственных и муниципальных закупок в рамках противодействия коррупции 22

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Осяк А. Н., Корчагина К. А.** Некоторые особенности общественных отношений, складывающихся в процессе реализации института дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел 28

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

- Шматов М. А., Шматов В. М., Дмитриенко С. А.** Привлечение в процессе предварительного следствия педагогов и психологов для проведения с несовершеннолетними следственных и иных процессуальных действий (по материалам Следственного комитета Российской Федерации) 33
- Бабкин Л. М., Булатецкий С. В., Лыткин Н. Н., Родин А. Е.** Координирующая роль Международной ассоциации прокуроров в борьбе с преступностью 37
- Горбанев В. М., Щербаченко А. К., Бардадым И. С.** Личностные характеристики преступников, совершающих мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи 44

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Давыдов М. В., Харыбин А. Ю.** Вопросы совершенствования законодательной регламентации производства проверки показаний на месте при расследовании преступлений 48

Выпускающий редактор:
А. А. Тарареева

Над выпуском работали:
А. А. Тарареева,
Е. Е. Пелехатая

Индекс по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
80032

По вопросам оформления
подписки обращаться:
тел.: 8 (495) 680-90-88,
8 (495) 680-89-87;
e-mail: public@акс.ру

Сдано в набор
05.06.2017

Подписано в печать
29.06.2017

Выход в свет
30.06.2017

Формат 60x84/8
Объем 16,25 п.л.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печл. – 15,11.
Тираж 300 экз.
Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83.

Цена по подписке по каталогу
Агентства «Книга-Сервис» –
1178 рублей (2 номера).

Шараева Я. А. Процессуальные сроки и порядок их исчисления в уголовно-процессуальном праве России	54
Рябко Н. В. К вопросу о понятии, целях и принципах назначения наказания	59
Акиев А. Р. Структура главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних	64
Просочкин А. М. Мелкое хищение становится преступлением: уголовный закон меняется, но вопросы остаются	71
Теунаев А. С.-У. Детерминанты преступности субсидирования агропромышленного комплекса	76
Буткевич С. А. Сущность инноваций и их влияние на развитие общественных процессов: социально-правовая и криминологическая оценки	82
Столповский А. М. Зарождение и развитие отечественного уголовного законодательства в сфере защиты банковской тайны	89
Колосович М. С. Проблемы реализации гласности предварительного следствия Советской России довоенного периода	95

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мельник С. В., Мальбин Д. А. Иск о вступлении во владение в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации	102
Захарова Г. С., Киреева Ж. Б. Неустойка: некоторые вопросы теории и практики	107
Михайлов С. В., Пономарева Н. В. К вопросу о выборе способа защиты вещных прав субъектов предпринимательской деятельности	111

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Кравченко А. В., Еременко Т. Е. Моделирование личностно-профессиональной надежности участковых уполномоченных полиции	116
Солдатова Н. В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов-юристов: профессионально-прикладной компонент	120
Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Перспективные направления лингвистической подготовки юристов: новые формы интеграции лингвистики и права	125

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL STUDY OF THE STATE AND LAW

Sviridova M. V. «Electronic justice» as the search of mechanisms of the modern Russian democracy support: problems and contradictions of legislation	5
Ilyashenko A. N., Lozovsky D. N. Providing of state protection of the judicial community members: problems of theory and practice	10
Strugova E. V., Khanakhmadova L. V. The interaction of Church and State in Russia: historical and theoretical aspect	15
Tsymlyanskaya O. A. Legal basis for the implementation of state and municipal procurement within combating corruption	22

ADMINISTRATIVE LAW

Osyak A. N., Korchagina K. A. Some peculiarities of public relations in the process of implementation of the Institute of disciplinary responsibility of the Internal Affairs bodies	28
---	----

CRIMINAL PROCEDURAL LAW AND CRIMINOLOGY

Shmatov M. A., Shmatov V. M., Dmitrienko S. A. Involvement of teachers and psychologists to conduct with minor investigatory and other procedural actions in the process of preliminary investigation (according to the materials of the Investigative Committee of the Russian Federation)	33
Babkin L. M., Bulatetsky S. V., Lytkin N. N., Rodin A. E. The Coordinating role of the International Association of prosecutors in the fight against crime	37
Gorbanev V. M., Shcherbachenko A. K., Bardadym I. S. Personal characteristics of criminals of the offender associated with the use of the cellular	44

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Davydov M. V., Kharybin A. Yu. Questions of improvement of the legislative regulation of production of check of indications on a place in the investigation of crimes	48
Sharaeva Ya. A. Procedural deadlines and the procedure for their calculation in the criminal procedural law of Russia	54
Ryabko N. V. About the concept, the purposes and principles of sentencing	59
Akiev A. R. The chapter on crimes against the family and minors	64
Prosochkin A. M. Petty theft becomes a crime: criminal law changes, but questions remain	71
Teunaev A. S.-U. Determinants of crime of agro-industrial complex subsidizing	76
Butkevich S. A. The essence of innovation and its impact on the development of social processes: social and legal and criminological assessments	82
Stolpovsky A. M. The origin and development of domestic criminal legislation in the sphere of banking secrecy protection	89
Kolosovich M. S. Problems of realization of publicity of the preliminary investigation in Soviet Russia of pre-war period	95

CIVIL LAW STUDIES

Melnick S. V., Malbin D. A. Claim for possession in the Civil code of the Russian Federation	102
Zakharova G. S., Kireeva Zh. B. Penalty: some questions of theory and practice	107
Mikhailov S. V., Ponomareva N. V. To the question of the protection of material rights of business entities	111

Kravchenko A. V., Eremenko T. E. Modeling of personal and professional reliability of the divisional inspectors	116
Soldatova N. V. Formation of foreign language communicative competence of law students: professional and applied component	120
Brusensky L. A., Kulikova E. G. Promising areas of language training for lawyers: new forms of integration of linguistics and law	125

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).
9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Автору статьи по его запросу может быть предоставлена рецензия.
13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34.096
ББК 67.0

© 2017 г. М. В. Свиридова,

юрист, секретарь судебного заседания Таганрогского городского суда Ростовской области.
E-mail: marishkaauto@inbox.ru

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ» КАК ПОИСК МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается ряд юридических проблем, связанных с частичным введением программы «Электронное правосудие» и ее несогласованностью с действующим законодательством. Автор устанавливает, что информатизация предполагает не только доступ к информации о деятельности органов власти и управления, но и переход от традиционного процесса отправления правосудия к системе электронного как одного из современных механизмов развития демократии.

Ключевые слова: электронное правосудие, правовое государство, судебная система, коллизии законодательства, судебная власть, информационные технологии, правовое государство, буква и дух закона.

M. V. Sviridova – Lawyer, Court Clerk of the Taganrog City Court in Rostov Region.

«ELECTRONIC JUSTICE» AS THE SEARCH OF MECHANISMS OF THE MODERN RUSSIAN DEMOCRACY SUPPORT: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF LEGISLATION

The article discusses a number of legal problems related to the partial realization of the state program «e-justice», which does not comply with the current legislation. Despite examples of existing conflicts and contradictions in the legislation, new production format includes mechanisms for the introduction of democracy in judicial system of Russia. The study showed that the procedure Informatization involves not only access to information about the activities of the judicial system, and the transition from the traditional justice system are modern, as one of the mechanisms for the development of democracy.

Key words: electronic justice, legal state, the judiciary, conflict of laws, the judiciary, information technology, legal state, the letter and spirit of the law.

Российская Федерация в соответствии с Конституцией является правовым, демократическим государством [1, с. 5], однако до сих пор ведутся дискуссии по проблемам его идейно-теоретического обоснования, не определены парадигмы дальнейшего развития, правовые механизмы их обеспечения. Это актуализирует вопросы, связанные с реформой суда как главного гаранта правового государства. Закрытость судебной системы приводит к недоверию со стороны граждан, при этом введение современных информационных технологий в значительной степени способно снизить их количество. О. А. Левченко отмечает, что «в условиях требований, предъявляемых к стране национальными интересами, судебная власть в силах внести значительную лепту в гармонизацию общественных отношений и укрепление национального единства путем последовательного строитель-

ства правового государства и укрепления принципа верховенства власти» [1, с. 243]. Судебная власть в правовом государстве предназначена для защиты и обеспечения справедливости, гуманизма, воспитания правовой культуры, правового сознания населения и т. д., что должно осуществляться в повседневной деятельности судов.

Информационные технологии изменили не только жизнь общества, власти и управления, но и функции, поставив во главу угла задачу поиска механизмов электронной демократии, способствующих установлению партнерских отношений между человеком, институтами гражданского общества и государством. Проект «Электронное правосудие», который планируется завершить к 2020 году, является высокотехнологичным и масштабным по своему формату. Его цель – реализация фундаментальных изменений в сфере

правосудия, защиты прав и законных интересов граждан, укрепление таких правовых ценностей, как законность, справедливость и правопорядок, которые по смыслу заложены в основу судебной системы как важнейшего элемента правового государства. Институт электронного правосудия возник на основе синтеза технологических, правовых и институциональных изменений, произошедших в постиндустриальном обществе, включая материальное и процессуальное законодательство. Как указывает В. В. Глоба, «система функционирования электронного государства, и в частности электронного правосудия, в России базируется на следующих принципах: открытости, обеспечения права на доступ к информации о деятельности судов, транспарентности» [3, с. 122], что должно найти отражение в законодательстве, обеспечивающем ответственность органов государственного управления.

В основу реформирования российской системы правосудия положены:

- принципы, указанные в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [4];
- международный опыт соблюдения демократических процедур и стабилизации общественной жизни;
- юридическая техника разработки правовых и законодательных актов ее обеспечения.

Следовательно, решение поставленных в программе задач может стать основой укрепления идеи правового государства, в котором свобода получения, передачи и распространения информации о деятельности судов будет способна обеспечить соблюдение прав граждан в демократическом государстве.

Программа «Электронное правосудие», включая электронное общение и обмен данными, доступ к информации судебного характера, направлена на повышение его качества и эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечение доступности и открытости посредством формирования стабильной и единообразной судебной практики, что позволит укрепить авторитет судебной власти у населения. Условием конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе может стать ее техническое обеспечение, независимость, качество исполнения решений и проводимых экспертиз и т. д., что, с одной стороны, расширит конституционно-правовые обязанности

судов по реализации национальных интересов [5; 6], а с другой – обеспечит защиту права и законных интересов граждан.

Частичное внедрение программы «Электронное правосудие» показало, что в ней существует ряд юридических проблем, порожденных несогласованностью с действующим законодательством. Так, например, представление копий документов в электронном виде не исключает права суда требовать представления оригиналов этих документов в соответствии со ст. 75 АПК РФ [7]. В настоящее время документы все чаще создаются в электронной форме, например платежные поручения, выполненные в системе «Банк – клиент». Исходя из действующего законодательства трудно ответить на вопрос о том, что считать оригиналом документа, а что – копией. Создание электронных документов с использованием различного рода приложений вызывает необходимость внесения уточнений в соответствующие нормы права, регулирующие этот процесс. Таким образом, на сегодняшний день законодатель не разъяснил в полном объеме особенности работы с документами, переданными посредством электронного документооборота.

М. М. Курячая справедливо отмечает, что «электронная система разрешения споров включает в себя: руководство процессом и судебным разбирательством; оборот судебных документов; доступ к судебной информации; судебные извещения; правовой поиск; внутренние судебные процедуры» [8, с. 52–54], но сама по себе технологическая модернизация судебного процесса должна быть исключительно подчинена достижению целей правосудия. Главной задачей внедрения информационных технологий является не только право подачи документов в электронном виде, но и возможность получить информацию о наличии, состоянии и движении гражданских дел, времени судебного заседания, об объявленных перерывах в заседаниях по конкретному судебному разбирательству, а также обжаловать решение суда в случае нарушения закона.

В процессе отправления судопроизводства оцениваются письменные доказательства, свидетельские показания, представленные путем использования систем видео-конференц-связи, в совокупности и взаимосвязи с другими доказательствами по делу (ст. 71 АПК РФ) [7]. Копии таких документов неза-

медлительно направляются в суд, рассматривающий дело, по факсимильной связи или по электронной почте, а также иными не запрещенными законом способами передачи документов. При этом вещественные доказательства не могут быть представлены для осмотра посредством использования систем видеоконференц-связи и представляются в суд для исследования в соответствии с требованиями ст. 162 АПК РФ [7]. Возможность обжаловать определение об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования видео-конференц-связи отсутствует (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13.08.2015 по делу № А64-2117/2015) [9, с. 5].

Все новеллы, связанные с формированием электронного правосудия, направлены на оперативное получение и передачу информации. Однако скоростная передача данных, упростив судопроизводство, с одной стороны, с другой стороны, осталась прежней. Для создания электронного документа необходимо сначала напечатать его традиционным способом, а затем отсканировать в формате PDF. В результате электронная форма документа выполняет лишь «транспортную» функцию для кратковременного существования процессуальных документов, что, впрочем, не способствует улучшению качества всего производства по делу, поэтому дела, как и прежде, формируются на бумажных носителях.

Одним из набирающих популярность элементов электронного правосудия у участников судопроизводства является использование систем видеоконференц-связи. В Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ст. 158), Кодексе административного судопроизводства РФ (ст. 152), а также в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 169) уже содержатся указания на возможность отложения судебного заседания в случае возникновения технических неполадок, в том числе и в работе видеоконференц-связи. Какой бы ни была замечательной идея формирования видеоконференц-связи, необходимо учитывать скорость передачи данных, а соответственно, и скорость Интернета, которая на сегодняшний день не всегда находится на должном уровне, что может стать причиной увеличения сроков рассмотрения дела по существу. На сегодняшний день Арбитражный процессуальный кодекс РФ содер-

жит сложно выполняемые элементы электронного правосудия. К таковым относится выдача исполнительного листа, когда последний может направляться судом для исполнения в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 3 ст. 319 АПК РФ).

При формировании новой модели судебной системы следует учитывать сроки формирования дела и его движение в процессе рассмотрения дела по существу, поскольку сроки, установленные действующим законодательством, не предусматривают такого понятия, как электронное дело, что связано с его формированием в электронном виде. Как уже отмечалось, формирование дела в электронном виде – процесс трудоемкий и занимает много времени с учетом того, что объем дела не должен превышать 100 листов. Также должен сохраняться и бумажный носитель, формируемый в соответствии с существующими требованиями, что усложняет работу специалистов, которые и без того перегружены действующей системой. Расширение границ правосудия с учетом внедрения современных технологий требует увеличения штата сотрудников, имеющих специальное образование, деятельность которых будет непосредственно связана с электронным оборудованием по формированию документов.

Следует обратить внимание на очевидную недоработку законодателя, ставшую фактором увеличения сроков рассмотрения дела по существу, – отсутствие единой доступной для суда сводной базы данных Росреестра, налоговых служб, миграционной службы и других государственных органов, запросы в которые направляются почти по каждому делу. При этом получение ответов занимает иногда длительный промежуток времени. Более того, на направление этих запросов ежедневно тратятся значительные денежные средства, которое при создании подобной базы были бы снижены, как и уменьшены сроки на подготовку к судебному разбирательству, а равно рассмотрение дела по существу. Это только первые, очевидные промахи законодателя при внедрении системы «Электронное правосудие».

Наиболее глобальной проблемой, с которой может столкнуться реализация проекта «Электронное правосудие» в своем стремлении к открытости судебного процесса, – коллизии законодательства. Так, в ст. 24 Кон-

ституции РФ указывается, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Однако все данные, предоставляемые сторонами в процессе судебного разбирательства, по результатам рассмотрения дела объединяются, изучаются в совокупности и отражаются в решении суда, которое подлежит опубликованию в системе Интернет.

Доступ к вынесенным решениям не ограничен, и, следовательно, они становятся общедоступными. Более того, в решениях указываются адреса и иные данные участников процесса, у которых в настоящее время не берется подписка о разрешении опубликования решений судов, что может привести к нарушению ст. 23 Конституции РФ, закрепляющей право на тайну личной жизни. Таким образом, использование, распространение информации о частной жизни лица без его согласия становится допустимым [10]. Особое внимание следует уделить законодательству о персональных данных, под которыми понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [10]. Неправомерный доступ и использование информации о частной жизни лица влекут за собой уголовную ответственность по ряду статей Уголовного кодекса РФ, например ст. 138 (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений), ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации) и др.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что постепенный ввод в эксплуатацию программы «Электронное правосудие» должен повлечь за собой изменения в Федеральном законе «О персональных данных» [10], ст. 9 которого устанавливает обязательное письменное согласие субъекта персональных данных на обработку его персональных данных. В ст. 7 указанного закона закреплено, что иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом. Публикация судебного акта по гражданским или адми-

нистративным делам, не вступившего в законную силу, может нарушить право граждан на тайну жизни, что приведет к нарушению не только норм российского законодательства, но и международного права. Несмотря на приведенные примеры возникновения коллизий, новый формат правосудия предполагает поиск механизмов обеспечения современной российской демократии, эффективных управленческих решений для повышения доверия общества, юридических и физических лиц к нему.

В настоящее время остро стоит вопрос о доверии граждан Российской Федерации к суду и судебной системе как механизмам обеспечения современной демократии и правового государства. В анализируемой сфере это означает, что нужны не только технологические, но и организационно-правовые, управленческие решения для претворения в жизнь мероприятий по переходу от технократических рамок информатизации судов к построению электронного правосудия, адекватного нынешнему этапу преобразования общественных отношений. Необходимо устранение коллизий в законодательстве, уменьшение количества «серых» секторов, синтез которых способен не только создать правовой коллапс, но и отбросить прогрессивные идеи на несколько этапов назад.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что перспективы развития системы правосудия в Российской Федерации связаны с использованием возможностей информационных технологий, обеспечивающих открытость и доступность для граждан правосудия. Это будет способствовать развитию демократии, гражданского общества, построению правового государства, защите прав и свобод человека. Реформирование системы правосудия позволит обеспечить реализацию принципов правового государства, развитие институтов гражданского общества, формирование правовой культуры и правового сознания личности и общества, а в целом создание системы общественного контроля органов государственной власти, включая судебные. Концепция «электронного правосудия», порожденная информатизацией общественных отношений, может повысить качество судопроизводства, ускорить разрешение споров по существу, упростить документооборот, а также повысить доверие граждан к правосудию.

Заявленные политические цели и задачи, претворяясь в жизнь, не всегда соответствуют возложенным на них ожиданиям, что обусловлено как правовыми коллизиями, способствующими формированию «серых» секторов, противоречащих букве и духу закона, так и ростом правового нигилизма, проблем, связанных со злоупотреблением правом. В условиях информатизации обществен-

ных отношений развитие российской демократии, правового государства сопряжено не только с обеспечением права на доступ к информации о деятельности всех органов власти и управления, включая судебные, но и с переходом от традиционного процесса отправления правосудия к системе электронного правосудия как одного из современных демократических институтов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Левченко О. А. Суд как главная гарантия правового государства // Инновационная наука. 2016. № 5-2 (17).
3. Глоба В. В. Электронное правосудие // Инновационная наука. 2015. № 1.
4. Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы: Федер. целевая программа. URL: <http://consultant.ru>
5. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>
6. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20.09.2012 № 1735-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 01.10.2012. № 40. Ст. 5474.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Парламент. газ. 2002. № 140–141.
8. Курячая М. М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7.
9. Канцер Ю. Плюсы и минусы электронного правосудия // ЭЖ-Юрист. 2016. № 5.
10. О персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015) // Парламент. газ. 2006. № 126–127.

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation // Collected legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. № 31. Art. 4398.
2. Levchenko O. A. Court as the main guarantee of a legal state // Innovative science. 2016. № 5-2 (17).
3. Globa V. V. E-justice // Innovative science. 2015. № 12.
4. Development of judicial system of Russia for 2013–2020: Federal target program. URL: <http://consultant.ru>
5. On providing access to information on activities of courts in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 22 December 2008 № 262-FL. URL: <http://consultant.ru>
6. On approval of the Concept of the Federal target program «Development of judicial system of Russia for 2013–2020»: decree of the Russian Federation Government from 20.09.2012 № 1735-p // Collected legislation of the Russian Federation. 01.10.2012. № 40. Art. 5474.
7. Arbitration procedure code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-FL (as amended on 30.12.2015) (with amendments and additions which entered into force on 01.01.2016) // Parliamentary newspaper. 2002. № 140–141.
8. Kuryachaya M. M. E-justice as an essential element of electronic democracy in modern Russia // The Constitutional and municipal law. 2013. № 7.
9. Cancr Yu. The Pros and cons of e-justice // EZh-Yurist. 2016. № 5.
10. On personal data: Federal Law of the Russian Federation of 27.07.2006 № 152-FL (edition of 21.07.2014 (with amendments and additions which entered into force on 01.09.2015) // Parliamentary newspaper. 2006. № 126–127.

© 2017 г. А. Н. Ильяшенко,

заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе
доктор юридических наук, профессор.
E-mail: ailyashenko@mail.ru

Д. Н. Лозовский,

профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент.
E-mail: dlozovsky@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ЧЛЕНОВ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматривается современное состояние института государственной защиты представителей судейского корпуса в России. Авторами анализируется правовая основа обеспечения безопасности указанных лиц. В ходе анализа правоприменительной практики выявлены проблемы, возникающие при осуществлении данной деятельности, предложены пути их решения.

Ключевые слова: государственная защита, судья, обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.

A. N. Ilyashenko – Deputy Head on Scientific Work, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

D. N. Lozovsky – Professor, Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

PROVIDING OF STATE PROTECTION OF THE JUDICIAL COMMUNITY MEMBERS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The article discusses the current state of Institute of the state protection of judges and jurors in Russia. The authors analyze the legal basis for security of those individuals. During the analysis of law enforcement practice problems that arise during implementation of the activity are revealed, the ways of their elimination are offered.

Key words: state protection, a judge, ensuring the safety of participants in criminal proceedings.

Обеспечение личной безопасности судей при осуществлении ими своих полномочий в последние годы имеет особое значение.

Как верно указывают Г. П. Афонькин и Т. В. Астишина, «в настоящее время проблема обеспечения безопасности судей приобретает все большую актуальность в условиях роста особо тяжких преступлений, совершаемых в связи с их служебной деятельностью. В целях уклонения от уголовной ответственности подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и иные заинтересованные лица готовы совершать в отношении них новые преступления, в том числе особо тяжкие» [1, с. 3].

Правовую основу деятельности по организации и осуществлению мер безопасности в отношении судей и присяжных заседателей составляют:

– Федеральный закон от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – Федеральный закон № 45-ФЗ) [2];

– постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 года № 900 «Об утверждении перечня категорий государственных и муниципальных служащих, подлежащих государственной защите» (далее – постановление Правительства РФ № 900) [3];

– постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 года № 890 «О порядке финансирования и материально-технического обеспечения мер государственной защиты, предусмотренных в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, денежное содержание которых осуществляется за счет средств Федерального бюджета» (далее – постановление Правительства РФ № 890) [4];

– постановление Правительства РФ от 27 октября 2005 года № 647 «О возмещении вреда судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов и членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью»

(далее – постановление Правительства РФ № 647) [5];

– постановление Правительства РФ от 17 июля 1996 года № 831 «О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите» (далее – постановление Правительства РФ № 831) [6];

– приказ МВД России от 21 марта 2007 года № 281 «Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» (далее – приказ МВД России № 281) [7].

В соответствии со ст. 1 Федерального закона № 45-ФЗ государственная защита судей и присяжных заседателей состоит в осуществлении уполномоченными на то государственными органами предусмотренных законом мер безопасности, обеспечении правовой и социальной защиты при наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц в связи с их служебной деятельностью, а также членов их семей, на которых может быть оказано воздействие с целью воспрепятствования законной деятельности субъектов государственной защиты.

Для защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества органами, обеспечивающими безопасность, с учетом конкретных обстоятельств могут применяться следующие меры безопасности:

1) личная охрана, охрана жилища и имущества;

2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;

3) временное помещение в безопасное место;

4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;

5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;

6) переселение на другое место жительства;

7) замена документов, изменение внешности.

В 2009–2013 годах меры государственной защиты использовались для обеспечения безопасности 1 548 представителей судейского сообщества. Более трети от общего числа

примененных мер безопасности приходится на личную охрану, охрану жилища и имущества [8, с. 45].

При осуществлении личной охраны возникают проблемы с выполнением защищаемым лицом требований органа, обеспечивающего безопасность.

Согласно ст. 14 Федерального закона № 45-ФЗ защищаемому лицу могут быть даны определенные предписания, соблюдение которых необходимо для его безопасности, в ст. 17 указано, что защищаемое лицо обязано в том числе выполнять данные законные требования. В то же время судья обладает специальным статусом, предусмотренным законодательством [9]. Особенности правового положения и статус судьи обеспечиваются государственными гарантиями его независимости: определенными законом процедурами осуществления правосудия, несменяемостью судьи, порядком приостановления и прекращения полномочий и его правом на отставку, неприкосновенностью судьи и др. Следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом № 45-ФЗ договор между защищаемым лицом и органом внутренних дел не составляется (в отличие от государственной защиты лиц, указанных в Федеральном законе № 119-ФЗ).

Представляется возможным закрепить необходимость выполнения судьями требований органов, обеспечивающих государственную защиту, в ведомственных нормативных актах судебных органов, например в Кодексе судебной этики. Данная новелла позволит повысить эффективность взаимодействия судей и оперативно-разыскных частей по защите, не умаляя их гарантии независимости, закрепленные в законодательстве. В частности, целесообразно указать следующие обязанности защищаемых лиц:

1. Не планировать выход и пребывание вне места временного и постоянного проживания в период с 22.00 до 07.00 ежедневно без наличия веских обстоятельств. Выход защищаемого лица в указанное время согласуется заранее с сотрудником органа, осуществляющего меры безопасности.

2. Не препятствовать нахождению сотрудников, осуществляющих меры безопасности, в помещениях либо транспортных средствах, а равно иных местах, где сотрудники не могут осуществлять визуальный контроль за окружающей защищаемое лицо обстановкой.

3. Не требовать от сотрудников, осуществляющих меры безопасности, раскрытия любых сведений, касающихся их организации, осуществления и планирования, проведения мероприятий по контролю лиц, находящихся в непосредственной близости от защищаемого лица либо вызывающих подозрение и т. д., за исключением случаев экстренной необходимости при угрозе жизни и здоровью защищаемого лица. В данном случае информация может быть доведена только по решению самого сотрудника.

4. Не требовать от сотрудников, обеспечивающих меры безопасности, совершения каких-либо действий, если они прямо не связаны с пресечением совершения преступления/правонарушения и признаются сотрудником обоснованными.

5. Не нарушать общественный порядок и не вступать в конфликтные ситуации с гражданами при применении мер безопасности.

6. Максимально ограничивать круг встреч с лицами, не входящими в число близких родственников, и не раскрывать сведения о сотрудниках, осуществляющих меры безопасности, в том числе не сообщать информацию об их ведомственной принадлежности.

7. Не сообщать кому-либо сведения о своем текущем местонахождении при применении мер безопасности, в том числе сотрудникам правоохранительных органов, не задействованным в их осуществлении.

8. Планировать все свои перемещения только с предварительного уведомления сотрудника, осуществляющего меры безопасности. Выезд за пределы населенного пункта производить после согласования с органом, осуществляющим меры безопасности.

При выдаче оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности необходимо учитывать морально-психологическое и психическое состояние защищаемого лица, так как постоянное нахождение человека в стрессовой ситуации сопряжено с нарушением психической устойчивости, что в определенной ситуации может привести к искажению действительности и неправильному восприятию окружающей ситуации. На основании вышеизложенного при осуществлении данной меры защиты лицу необходимо обеспечить психологическую поддержку [10].

Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах – довольно доступная как в организационном, так и в материальном плане мера защиты, широко распространенная на практике.

Закрытие информационных источников, содержащих установочные и иные данные на защищаемое лицо, позволяет пресечь возможность их получения и использования в противоправных целях преступниками. Помимо этого, в ходе оперативно-разыскного обеспечения осуществления данной меры защиты оперативным подразделениям представляется возможность отследить и зафиксировать факты обращения за получением подобной закрытой информации, а также выявить круг лиц, являющихся угрозоносителями, и принять необходимые меры по их нейтрализации.

Замена документов – мера безопасности, которая весьма редко применяется на практике, однако эффективность ее использования подтверждается продолжительным международным опытом. Однако при ее практической реализации могут возникнуть проблемы, связанные с тем, что новые документы не позволяют их владельцу (защищаемому лицу) в полной мере быть участником гражданско-правовых отношений. Поэтому при реализации данной меры защиты сотрудники, обеспечивающие ее, должны заранее учитывать возможность возникновения проблем гражданско-правового характера и рассматривать пути их наиболее вероятного разрешения.

Крайне редко на практике используется такая мера, как перевод на другую работу. Это связано с особым порядком назначения на должность судьи, предусмотренным законодательством. Следует согласиться с мнением ряда ученых о том, что «алгоритм действий по переводу защищаемого лица на другую работу не выработан и носит декларативный характер» [8, с. 46].

В ходе деятельности по обеспечению государственной защиты судей сотрудники правоохранительных органов сталкиваются и рядом других проблем.

1. Сложности, связанные с финансовым обеспечением данной деятельности. Согласно постановлению Правительства РФ № 890 обеспечение мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья судей и присяжных заседателей, а также сохранности их имущества осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации за счет средств, выделяемых на содержание органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов, федеральных органов государственной охраны, Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских фор-

мирований и органов, в которых предусмотрена военная служба.

В данной ситуации у подразделений, осуществляющих государственную защиту судей, отсутствует возможность планирования расходов, им приходится сталкиваться с конкуренцией иных оперативных подразделений при распределении денежных средств. Необходимо отметить, что обеспечение безопасности лиц, указанных в Федеральном законе от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ [11], осуществляется за счет Государственной программы обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно изменить источник финансирования государственной защиты судей (присяжных заседателей), предусмотрев данные расходы в рамках вышеуказанной программы.

2. Возникают затруднения при оперативном сопровождении обеспечения безопасности членов судейского сообщества. Проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении данной категории лиц допуска-

ется только при их непосредственном согласии, однако практика показывает, что инициативу они проявляют крайне редко.

3. Обеспечение безопасности лиц согласно Федеральному закону № 45-ФЗ осуществляет система соответствующих правоохранительных органов (органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, таможенных органов, органов государственной охраны, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы). На наш взгляд, назрела необходимость создания единого органа, в полномочия которого будет входить обеспечение безопасности всех категорий лиц. Это позволит решить многие проблемные вопросы (обеспечение штатной численности, процессуальные аспекты назначения и отмены мер государственной защиты и др.), будет способствовать повышению эффективности деятельности государства в данном направлении.

Литература

1. Афонькин Г. П., Астипшина Т. В. Правовые, организационные и тактические вопросы обеспечения оперативными подразделениями органов внутренних дел государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: учеб.-практ. пособие. Домодедово, 2013.

2. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федер. закон Рос. Федерации от 20 апр. 1995 г. № 45-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.

3. Об утверждении перечня категорий государственных и муниципальных служащих, подлежащих государственной защите: постановление Правительства Рос. Федерации от 31 дек. 2004 г. № 900 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 2. Ст. 158.

4. О порядке финансирования и материально-технического обеспечения мер государственной защиты, предусмотренных в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, денежное содержание которых осуществляется за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства Рос. Федерации от 31 дек. 2004 г. № 890 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 2. Ст. 154.

Bibliography

1. Afonkin G. P., Astishina T. V. Legal, organizational and tactical issues of operational divisions of bodies of internal affairs providing of state protection of judges, officials of law enforcement and supervisory bodies: study and practical manual. Domodedovo, 2013.

2. About the State Protection of Judges, Officials of Law Enforcement and Supervisory Bodies: Federal Law of the Russian Federation dated 20.04.1995 № 45-FL // Collected of legislation of the Russian Federation. 1995. № 17. Art. 3534.

3. About approval of the list of categories of state and municipal employees subject to state protection: order of the Government of the Russian Federation dated 31.12.2004 № 900 // Collected of legislation of the Russian Federation. 2005. № 2. Art. 158.

4. About the procedure for financing and logistical support for state protection measures provided for judges, law enforcement and supervisory officials, whose monetary content is financed from the federal budget: order of the Government of the Russian Federation dated 31.12.2004 № 890 // Collected of legislation of the Russian Federation. 2005. № 2. Art. 154.

5. About compensation to the judges, officials of law enforcement and supervisory bodies or members of their families of damage caused by the destruction

5. О возмещении судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов или членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью: постановление Правительства Рос. Федерации от 27 окт. 2005 г. № 647 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 44. Ст. 4568.
6. О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите: постановление Правительства Рос. Федерации от 17 июля 1996 г. № 831 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 31. Ст. 3723.
7. Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких: приказ МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 // Бюл. нормативных актов федер. органов исполнительной власти. 2007. № 47.
8. Лебедев А. В., Фомичев Д. В., Васильев Э. А. Вопросы обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите (дискуссионные вопросы) // Науч. портал МВД России. 2015. № 2.
9. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Рос. газ. 1992. 29 июля.
10. Психологическое сопровождение мер безопасности в отношении защищаемых лиц, имеющих социально-личностные и психические расстройства: учеб.-метод. пособие / сост. В. Е. Петров. Домодедово, 2015.
11. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон Рос. Федерации от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Рос. газ. 2004. 25 авг.
12. Дмитриева А. А. Проблемы применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников процесса в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2015. № 2.
13. Дмитриева А. А. К вопросу об основных направлениях повышения эффективности государственной защиты и безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2015. № 4.
- or damage to their property in connection with their official activities: order of the Government of the Russian Federation dated 27.10.2005 № 647 // Collected of legislation of the Russian Federation. 2005. № 44. Art. 4568.
6. About the procedure for issuing weapons to persons subject to state protection: order of the Government of the Russian Federation dated 17.07.1996 № 831 // Collected of legislation of the Russian Federation. 1996. № 31. Art. 3723.
7. About approval of the Administrative Regulations of the Ministry of the Interior of Russia on the execution of the state function of providing, in accordance with the legislation of the Russian Federation, state protection of judges, law enforcement and controlling officials, the safety of participants in criminal proceedings and their relatives: order of the Ministry of the Interior of Russia dated 21.03.2007 № 281 // Bulletin of normative acts of the federal bodies of executive power. 2007. № 47.
8. Lebedev A. V., Fomichev D. V., Vasilev E. A. Questions of ensuring the safety of persons subject to state protection (discussion questions) // Scientific portal of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 2.
9. About Status of judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation dated 26.06.1992 // Russian newspaper. 1992. June 29.
10. Psychological support of security measures in relation to protected persons with social and personal and psychiatric disorders: guidance manual / compiler by V. E. Petrov. Domodedovo, 2015.
11. About the State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings: Federal Law of the Russian Federation dated 20.08.2004 № 119-FL // Russian newspaper. 2004. August 25.
12. Dmitrieva A. A. Problems of applying state protection measures and ensuring the safety of participants in the process at the stage of initiating criminal proceedings // Society and Law. 2015. № 2.
13. Dmitrieva A. A. To the question about the main directions for increasing the effectiveness of state protection and the security of participants in criminal proceedings // Bulletin of the Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 4.

© 2017 г. Е. В. Стругова,

доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (910) 504-22-58.

Л. В. Ханахмедова,

доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (905) 691-53-89.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу развития государственно-церковных отношений в России за период от принятия христианства до начала XXI века. Отмечается, что в настоящее время в России формируется новый подход в вопросах взаимодействия государства и религиозных организаций, в частности Русской православной церкви.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, власть, взаимодействие, духовные и нравственные ценности, религиозные организации.

E. V. Strugova – Assistant Professor, Department of Government and Civil-Legal Disciplines, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD in Law.

L. V. Khanakhmedova – Assistant Professor, Department of Government and Civil-Legal Disciplines, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD in Law.

THE INTERACTION OF CHURCH AND STATE IN RUSSIA: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

The article is devoted to the analysis of the development of state-church relations in Russia for the period from the adoption of Christianity to the beginning of the 21st century. It is noted that at present a new approach is being formed in Russia in the issues of interaction between the state and religious organizations, in particular, the Russian Orthodox Church.

Key words: state, Russian Orthodox Church, power, interaction, spiritual and moral values, religious organizations.

Влияние религиозного фактора на национальное и мировое развитие приводит к осознанию необходимости изучения религиозных процессов, их положительных и отрицательных ресурсов, воздействия на формирование определенных ценностных установок, духовные устои общества, общественную жизнь в целом.

Закрепление Конституцией Российской Федерации светского характера государства абсолютно не свидетельствует о том, что оно не взаимодействует с религиозными объединениями. Во-первых, государство закрепляет в правовых предписаниях гарантии гражданам реализации права на свободу совести и вероисповедания. Во-вторых, сама система взаимоотношений между государственными институтами власти и религиозными объединениями не изолирована от иных

общественных отношений, являясь ее частью, испытывая на себе влияние различных социальных процессов. Более того, религиозные объединения – это часть, институты гражданского общества, и верующие или неверующие – граждане государства.

На протяжении многовековой российской истории Русская православная церковь (далее – Церковь) была самой масштабной, имеющей колоссальное влияние на общество религиозной организацией, выполняя значимую роль в общественной жизни. Православной церковью приобретен большой опыт осознания государственно-церковных отношений, их реализации в практической жизни на различных этапах исторического развития России.

Необходимость преодоления духовно-нравственного кризиса общества предпо-

лагает постановку вопроса о национальных, в том числе религиозных, традициях и ценностях, которые стали бы ядром духовного возрождения страны [8, с. 2–3].

Взаимодействие между государством и Церковью в ходе всей истории развития было весьма непростым и изменчивым. Изначально государственность Древней Руси строилась в духе традиций Европы. Это было определено логикой внутреннего развития, а также наличием близких отношений с государствами Запада. Русь обладала всеми условиями, которые предполагали формирование русского общества как союза свободных граждан. В русском обществе господствовал дух свободы. В 988 году на Руси принимается христианство, а именно – христианство восточного типа. В дальнейшем данное событие станет одним из доводов, при помощи которого будет объясняться переход Руси на восточное направление государственного и общественного функционирования. Несомненно, западное христианство являлось действенной мерой от установления государственного деспотизма, но следует отметить, что Русь приняла христианство, когда находилась уже на весьма высоком уровне развития. Она представляла собой государственную систему со своими сформированными обычаями, традициями, моделями взаимоотношений на различных уровнях. Более того, русская Церковь в ту эпоху создавалась как организация, идейно и в некоторой степени юридически независимая от государства, хотя и нацеленная на власть и вступившая с ней в отношения «симфонии» [10, с. 94–95].

Первыми русскими митрополитами были греки. Именно они привнесли абсолютно новые для русского человека понятия о государстве, власти правителя, законе, Церкви. Знание и опыт священнослужителей в церковных и государственных делах снискали им большой авторитет в глазах как русских князей, так и русского народа. Так, начиная с Владимира, князья стали их приглашать к общей работе по устройству государственной власти. При этом и митрополиты нуждались в поддержке князей в делах Церкви, а именно в распространении христианства, обеспечении духовенства, в создании школ, строительстве церквей и т. п. [6, с. 24].

Возможности государства и Церкви были не равны, так как Церковь выступала в роли организации, более сильной, чем государст-

во. Она не смешивалась с государством и не вмешивалась в дела государства, равно как и государство – в дела Церкви.

По мнению Г. П. Федотова, Церковь стояла выше государства. В ее распоряжении находились средства, при помощи которых она влияла на государственную власть, требуя от князей повиновения христианским принципам верности по отношению к себе. В то время христианская православная Церковь не была ограничена территорией какого-либо одного государства. Расстояние, которое отделяло Киев от Константинополя, формировало чувство вселенской Церкви. Верховному иерарху в Константинополе русские князья вынуждены были подчиняться [17]. Вместе с тем власть в Древней Руси не была единой, князю приходилось делить ее с вече, боярами, дружиной.

Таким образом, восточное христианство было этицизировано, то есть нацелено на власть государственную, характер которой как Византийского государства был ближе к восточно-деспотическому. Эта форма упрочилась и в жизни Церкви, в ее суждении о государственной власти.

Совершенная Петром Первым радикальная реформа русской Церкви была напрямую связана с реформой государственной. Петр превратил Церковь в одно из государственных учреждений, абсолютно подчинив ее государству.

Своеобразным моментом политической атмосферы общественной жизни России во второй половине XIX века стало осознание обязательности взаимодействия самодержавия и Церкви. В этот период были сформированы три основных идейно-политических направления – либералы, консерваторы и радикалы.

Так, Б. Н. Чичерин утверждал, что Церковь, являясь свободным союзом, несомненно, отличается от государства, однако она имеет признаки, которые роднят ее с гражданским обществом. Церковь стоит с гражданским обществом на одной платформе, но, тем не менее, противоположна ему, так как в гражданском обществе господствует частный интерес, в Церкви – всеобщий [13, с. 305].

С критикой бытующих отношений между Церковью и государством выступали радикалы. Так, в частности, Н. П. Огарев считал, что государство не должно вмешиваться в церковные дела, а Церковь реально использует

власть для того, чтобы ее политика была реализована. Революционные демократы желали построения в России светского государства. По утверждению М. А. Бакунина, государство есть инструмент недозволенного угнетения народа, призывая к его уничтожению. Основной задачей он считал необходимость борьбы с религией, более того – упразднения Церкви и государства как главных орудий угнетения [5, с. 274].

Наиболее вызывающую критику государства, Церкви и их взаимоотношений можно найти у марксистов. Так, В. И. Ленин многократно подчеркивал необходимость изучения религиозного вопроса, противоречащего политической линии марксизма. Однако, несмотря на резкий характер критики религии, В. И. Ленин отмечал, что борьба с ней должна вестись только идейными средствами, но в советский период его установками пренебрегали.

Февраль 1917 года обеспечил Русскую православную церковь новым и неожиданным для нее положением: впервые со времен Петра I она освобождалась от подчинения государству. Впервые за сотни лет, с весны 1917 года, православные епископы стали избираться самими верующими на епархиальных съездах.

Так, в январе 1918 года Совнаркомом был принят Декрет о свободе совести, который отделял Церковь от государства. Данный декрет давал каждому человеку право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Однако, как нам известно, в большей степени это было закреплено юридически, фактическая же ситуация выглядела по-другому, особенно в последний период эпохи большевистского управления страной. Период с 1970 по 1985 год характеризовался сокращением количества церквей, которые закрывались по необходимости (например, деревня прекращала существование). Снижалась посещаемость храмов из-за того, что умирали немолодые люди, а основная часть населения страны выросла в эру строгой антирелигиозной пропаганды.

В годы перестройки, начавшейся в 1985 году, политика государства по отношению к Церкви претерпела значительные изменения: открывались новые храмы, возвращались монастыри (Киево-Печерская лавра, Оптина Пустынь и др.). С началом подготовки к тысячелетию Крещения Руси в 1988 году увеличи-

лось количество приходов, были переданы отобранные раньше храмы, разрешалось открывать воскресные школы. Рейтинг Церкви повышался. В марте 1989 года, впервые в истории советской страны, церковные деятели стали депутатами Верховного Совета СССР.

В конечном счете было констатировано, что Церковь начала весьма тесно сотрудничать с государством. Пик в отношениях был достигнут в 1997–1998 годах, когда возник вопрос о необходимости принятия новой редакции закона о свободе совести, в которой государство закрепляло юридически особое место Русской православной церкви в жизнедеятельности российского общества [6, с. 25–26].

В 80–90-х годах XX столетия произошли значительные изменения в государственном и внутрицерковном законодательстве, весьма четко определив и закрепив правовой статус Русской православной церкви, которая является одной из крупнейших религиозных организаций в России по числу своих приверженцев. Распад Советского Союза привел к тому, что Церковь оказалась чуть ли не единственным объединением граждан, разрешенным официально и оформленным юридически. Это объединение значительно усилило свой статус в России, сохранило принципы внутреннего управления и структуру. Данное положение стало возможным в том числе потому, что Церковь всячески содействовала принятию политических решений институтами государственной власти Российской Федерации.

На сегодняшнем этапе развития страны Церковь активно сотрудничает с большим количеством государственных институтов. Однако она не принимает публичных, властных решений, которые можно назвать политическими. Решения Церкви нередко облечены в императивную форму по отношению к ее членам. Однако эти решения не имеют той властной составляющей, которая опирается на возможность применения законного насилия в случае их неисполнения.

Церковь может рассматриваться как некий институт, взаимодействующий с различными институтами государства по самому разному кругу вопросов. Данные вопросы отражают как степень правового регулирования статуса религиозных организаций, так и практических сторон функционирования Церкви в России.

Более того, когда Церковь взаимодействует с институтами государства, она может кос-

венно использовать ресурсы иных институтов политической системы, например партий, общественных организаций и т. п.

По мнению Л. Филиатова и Р. Лункина, характер отношений государства и Церкви со временем изменяется – функции государственных институтов претерпевают изменения, меняется и правовой контекст взаимодействий. При анализе правовой области взаимодействия Церкви и институтов государственного управления выделяются два проблемных аспекта, а именно: в каком контексте воспринимаются религиозные организации государством и как ощущает себя в правовом государственном пространстве сама религиозная организация [12, с. 35].

Известно, что Церковь весьма активно участвовала в формировании правовой зоны, которая регулирует деятельность религиозных организаций (так, для доработки проекта Закона о свободе совести в составе рабочего комитета Государственной Думы принимали участие и представители РПЦ. Они участвовали также в комиссии Правительства РФ по улучшению налогового законодательства). Следовательно, «религиозное законодательство» сформировано в том числе при определенном участии религиозных организаций и частично отражает их мнения.

Как было указано выше, одним из первых законодательных актов, который изменил государственно-церковные отношения в начале 90-х годов XX века, стал Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», замененный в 1997 году федеральным законом с таким же названием [1]. Для Церкви он означал увеличение ее прав и ограничение возможностей государства по осуществлению контроля за ее работой. Данный закон впервые обозначил линию, отражающую абсолютно иные потенциалы в деятельности Церкви. Так, она попыталась опосредованно повлиять на содержательную сторону закона, который регламентировал ее статус в государстве, и делала это открыто, апеллируя к руководству страны (Поместный собор 1990 года выступил с заявлением в связи с подготовкой проекта закона, в котором содержались четкие поправки к этому документу [4, с. 18–22], а патриарх лично принял участие в его обсуждении [2, с. 4–14]). Дальнейшее развитие законодательного процесса в данной сфере общественных отношений шло в направлении включения в российскую пра-

вовую систему либеральных норм европейского права. Таким образом, Русская православная церковь впервые прямо участвовала на всех этапах разработки нового закона и сумела оказать влияние на государственные институты. Как и требовалось Церкви, закон сформировал определенные условия для ее дальнейшего развития, лимитировал масштабы деятельности миссионеров иностранных государств, создал барьеры на пути вторжения иностранных религиозных организаций в Россию.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [1] государство относится уважительно к нормам религиозных организаций, но только в том случае, если нет противоречия светскому законодательству России. Мы делаем вывод о том, что деятельность Церкви регламентируется еще и различными внутренними правилами самой Церкви, то есть локальными актами. Данные правила не могут быть отменены, во всяком случае властью поместной Церкви [11, с. 23].

Б. С. Мартынов отмечает, что церковное законодательство собственного церковного происхождения настолько сохранило свою силу, насколько оно не устарело, не изменено или не отменено. В новых государственно-правовых условиях положение Церкви в государстве в целом определяется все-таки современным государственным законодательством, и государство всегда выражает свое отношение к чему-либо в виде законодательной базы [9, с. 41].

Представляется необходимым в контексте данного вопроса остановиться на социальной концепции Церкви, которая выражает официальную позицию Московского патриархата в области взаимоотношений с государством и светским обществом.

Еще в начале 90-х годов XX века Русская православная церковь осознала необходимость выработки концепции, отражающей церковный взгляд на проблемы государственно-церковных отношений. И в 1994 году Священным Синодом создается рабочая группа для подготовки проекта данного документа [14], который был рассмотрен и одобрен 19 июля 2000 года и назван следующим образом: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Утвержден этот документ был Юбилейным Архиерейским собором

2000 года, который постановил: утвердить Основы социальной концепции Русской православной церкви, которые излагают основные положения ее учения по вопросам, связанным с церковно-государственными отношениями и по определенным современным общественно значимым проблемам, считать, что данный документ отражает официальную позицию Московского патриархата в области взаимоотношений с государством и светским обществом [16].

Как позитивный аспект в Основях социальной концепции Церкви отмечается, что значительные средства выделяются государством на возрождение церковных культовых сооружений. Количество вновь возводимых храмов растет с каждым годом. Государственными службами охраняется Патриарх Московский и всея Руси. На федеральном, региональном и муниципальном уровнях регулярно проводятся различные мероприятия, в которых принимают участие как представители властных структур, так и церковных. Здесь могут приниматься документы, которые связаны с различными аспектами взаимодействия власти различного уровня и Церкви.

В частности, Церковь создала ряд отделов и комиссий, подчиненных Синоду, и из 16 данных органов 6 функционируют по взаимодействию с государственными институтами [15].

Церкви не возбраняется выражать свое мнение по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики государства. Вместе с тем в соответствии с Основами Церковь должна следить за состоянием души своей паствы, а не организации государства. Поэтому Церковь считает невозможным стать начинщиком изменения формы правления, то есть она не отдает предпочтения какому-либо строю, существующему в государстве, той или иной политической доктрине.

Церковь не может выполнять функции, которые принадлежат государству. Государство в свою очередь не может вмешиваться в жизнь Церкви, в ее вероучение, духовную деятельность, кроме случаев, предполагающих осуществление полномочий Церковью как юридическим лицом, когда она вступает в необходимые отношения с государством и его органами.

По мнению В. А. Корнева, призвание Церкви – по возможности участвовать во всех

областях человеческой жизни, объединив с представителями государственной власти все усилия. Однако государство не должно диктовать Церкви свои правила в ее общественной деятельности, вовлекать в те сферы жизнедеятельности, где она не может трудиться из-за канонических и других причин. Так, недопустимо участие священнослужителей в предвыборной агитации, поддержке на выборах отдельных политических организаций или кандидатов, выдвижение кандидатур. Однако они вправе участвовать в выборах, изъявляя свою волю, как и другие граждане России [7, с. 32–33].

Согласимся с утверждением С. П. Донцева, который констатирует, что взаимодействие Церкви и государства приводит к тому, что Церковь может являться и объектом государственной политики, подчиняющимся государственным законам, регулирующим вопросы религиозных организаций, и субъектом политической сферы, а именно тем началом, которое активно и способно оказывать влияние на деятельность институтов государства, а также участвовать в формировании и изменении законодательства [3, с. 43]. На данном этапе своего развития Церковь не представляет свое существование отдельно от государства, не находится в оппозиции к нему. Об этом свидетельствует тот факт, что при Правительстве РФ работает Комиссия по вопросам религиозных объединений, которая имеет весьма автономные взгляды на вопросы взаимоотношений с религиозными организациями, в частности с Русской православной церковью.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что без совместных усилий всех ведущих субъектов политического и социального действия российское общество не сможет достичь состояния духовно-нравственной солидарности и сопричастности общей судьбе. Один из таких субъектов – это Русская православная церковь, которая является особым субъектом, хранящим и приумножающим духовные традиции народа. Взаимодействие Церкви с государством вытекает из общей ответственности их перед народом. В настоящее время Церковь после десятилетий вынужденной социальной изоляции в советское время принимает деятельное участие в развитии социума, становится активным субъектом его социокультурной жизни, меняется функциональное содер-

жание, социальное значение, механизмы ее деятельности.

Представляется, что одним из решений, которое позволило бы Церкви и государству взаимодействовать максимально эффективно, может стать решение о принятии концепции,

которая определяла бы способы, методы взаимоотношений между государством и религиозными организациями, механизмы реализации этих отношений, устанавливая их правовые границы.

Литература

1. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон Рос. Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
2. Алексей II. Выступление на заседании Верховного Совета СССР в Кремле при обсуждении законопроекта «О свободе совести и религиозных организациях» от 26 сентября 1990 года // Журн. Моск. патриархии. 1991. № 1.
3. Донцев С. П. Русская Православная Церковь и государство в политической системе современной России // Право и политика. 2007. № 6.
4. Заявление Поместного собора Русской Православной Церкви в связи с публикацией проекта Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» // Журн. Моск. патриархии. 1990. № 9.
5. История России: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М., 2006.
6. Корнев В. А. Развитие церковно-государственных отношений в России // История государства и права. 2011. № 1.
7. Корнев В. А. Сотрудничество Русской Православной Церкви и государства в сфере общественно-политической практики // История государства и права. 2012. № 15.
8. Лановенко А. А. Социально-исторический процесс взаимодействия государства и церкви: современный социокультурный подход: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.
9. Мартынов Б. С. Правовое положение Русской Православной Церкви и религиозных организаций в Российской Федерации // История государства и права. 2011. № 14.
10. Муравьев А. В. Церковь и государство в византийском представлении // Отечественные записки. М., 2001.
11. Русская Православная Церковь и право: коммент. / отв. ред. М. В. Ильичев. М., 1999.
12. Филатов Л., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неод-

Bibliography

1. On freedom of conscience and on religious associations: the Federal law of the Russian Federation from 26.09.1997 № 125-FL // Collected legislation of Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465.
2. Alexy II. Speech at the meeting of the Supreme Soviet in the Kremlin during the discussion of the draft law «On freedom of conscience and religious organizations» of September 26, 1990 // Journal of the Moscow Patriarchate. 1991. № 1.
3. Doncev S. P. The Russian Orthodox Church and the state in political system of modern Russia // Law and politics. 2007. № 6.
4. The statement of the local Council of the Russian Orthodox Church in connection with the publication of the draft USSR Law «On freedom of conscience and religious organizations» // Journal of the Moscow Patriarchate. 1990. № 9.
5. The History of Russia: textbook. 3rd edition, revised and enlarged / by A. S. Orlov, V. A. Georgiev, N. G. Georgiev, T. A. Sivokhina. Moscow, 2006.
6. Kornev V. A. The Development of Church-state relations in Russia // History of state and law. 2011. № 1.
7. Kornev V. A. Cooperation of the Russian Orthodox Church and the state in the sphere of socio-political practice // History of state and law. 2012. № 15.
8. Lanovenko A. A. Socio-historical process of the interaction of Church and state: abstract of dis. ... PhD of Sociological. Moscow, 2012.
9. Martynov B. S. The Legal status of the Russian Orthodox Church and religious organizations in the Russian Federation // History of state and law. 2011. № 14.
10. Muravyov A. V. Church and state in the Byzantine representation // Notes of the Fatherland. Moscow, 2001.
11. The Russian Orthodox Church and law: a Review / ed. by M. V. Il'ichev. Moscow, 1999.
12. Filatov L., Lunkin R. Statistics of Russian religiosity: magic of figures and ambiguous reality // Sociological researches. 2005. № 6.
13. Chicherin B. N. General state law. Moscow, 2006.

нозначная реальность // Социол. исслед. 2005. № 6.

13. Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М., 2006.

14. Архиерейский Собор РПЦ 29 ноября – 2 декабря 1994 г.: документы. Доклады. М., 1995. URL: <http://sobor.patriarchia.ru/db/document/2761637/>

15. Межрелигиозный совет России. Информация. URL: <http://interreligious.ru/materials/>

16. Об основах социальной концепции Русской Православной Церкви: докл. митрополита Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422562.html>

17. Федотов Г. П. Россия и свобода // Нов. журн. Н.-Й., 1945. № 10. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fedotov/_RosSvob.php

14. The Council of bishops of the Russian Orthodox Church, 29 November – 2 December 1994: documents. Reports. Moscow, 1995. URL: <http://sobor.patriarchia.ru/db/document/2761637/>

15. The interreligious Council of Russia. Information. URL: <http://interreligious.ru/materials/>

16. On the basis of social concept of the Russian Orthodox Church. The report of Metropolitan Kirill, Chairman of the Department for external Church relations of the Moscow Patriarchate bishops Council. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422562.html>

17. Fedotov G. P. Russia and freedom // New journal. New York, 1945. № 10. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fedotov/_RosSvob.php

© 2017 г. О. А. Цымлянская,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: ipidorfii@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Статья посвящена проблеме преодоления коррупционной составляющей в рамках осуществления государственных закупок, которая вызывает снижение эффективности регулирования экономики, значительно уменьшает поступления в бюджет. Исходя из анализа имеющихся правовых документов, характеризующих контрактные обязательства, отмечается необходимость упорядочения законодательной базы сегмента государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, коррупция, правонарушения, законодательство, рыночная экономика.

О. А. Tsymlyanskaya – Associate Professor, Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

LEGAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT WITHIN COMBATING CORRUPTION

The article is devoted to the problem of overcoming corruption in the framework of public procurement, which causes a decrease in the efficiency of regulation of the economy significantly reduce revenues. Based on the analysis of existing legal documents describing the contractual obligations, highlighted the need to streamline the legislative framework of public procurement segment.

Key words: public procurement; corruption, offense, the law, market economy.

Поступательное движение российской экономики невозможно без оптимизации правопорядка, обеспечивающего ее рыночное развитие. При этом правовое регулирование экономики должно иметь антикоррупционную составляющую, с одной стороны, исключая неоправданное администрирование бизнеса, а с другой стороны, не позволяющую приводить к ущемлению общегосударственных интересов. Нарушение этих интересов может обернуться экспоненциальным ростом правонарушений в хозяйственной сфере.

Выполнение задач, стоящих перед Российским государством, существующим в условиях бюджетного дефицита, усиливает значимость рационального использования бюджетных средств и контроля за ними со стороны правоохранительных органов в рамках институционально-правового поля.

Значительное место в сфере государственного регулирования занимает реализация государственных и муниципальных закупок. Увеличение нарушений при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспече-

ния государственных и муниципальных нужд может быть без труда верифицировано.

По предварительным данным Счетной палаты Российской Федерации за 2016 год, было выявлено 3 825 нарушений законодательства, из них 23,5 %, или 899, составляют нарушения в области государственных закупок и превышение объемов бюджетных ассигнований, на которые заключаются контракты [6].

Безусловно, актуальным является обращение к анализу правовых основ реализации государственных и муниципальных закупок в рамках противодействия коррупции ввиду возможности более рационального использования государственных средств и стимулирования предпринимательства.

Несмотря на то, что значительное число авторов обращаются к данной теме, во многом законодательно не урегулированной остается проблема коррупционных правонарушений в системе государственных закупок. Нормы, которые регламентируют основы контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок, постоянно коррек-

тируются и неоднозначно толкуются, вызывая негативные тенденции в реализации публичных интересов.

На основе ст. 2 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] к законодательству о контрактной системе в сфере закупок в России относится традиционно Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс РФ, Бюджетный кодекс РФ, сам Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ и другие федеральные законы, регулирующие данные отношения. В течение 2016 года редакция указанного закона обновлялась восемь раз, учитывая, что он вступил в силу только с 1 января 2014 года, придя на смену Федеральному закону от 21.07.2015 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», когда характер государственных закупок был видоизменен на федеральную контрактную систему. Деятельность, связанная с закупками государственных организаций, регламентируется также Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ [2].

Оба этих закона направлены на уменьшение коррупционности в области государственных закупок. Работа в данном направлении продолжается. В частности, в июле 2015 года Президентом РФ подписан Федеральный закон от 13.07.2015 № 227-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”», введивший запрет на государственные закупки у компаний, зарегистрированных в оффшорных зонах.

На усовершенствование системы закупок направлено принятие 3 июля 2016 года поправки в федеральные законы от 18.07.2011 № 223-ФЗ и от 05.04.2013 № 44-ФЗ, на основе государственных и муниципальных унитарных предприятия должны создать контрактную службу и зарегистрироваться в Единой информационной системе.

Нивелировать отрицательный эффект от коррупции в госзаказе призваны и подзаконные акты. Хотя и здесь возникают проблемы, число принятых подзаконных актов в 2016 году к закону о государственных закупках приблизилось

к семидесяти, что не может не влиять на трудности в их исполнении.

С 2017 года вступило в силу постановление Правительства РФ от 03.11.2015 № 1193 «О мониторинге закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3], направленное на повышение прозрачности и обоснованности расходов государственных заказов. С этой же целью принято постановление Правительства РФ от 22.08.2016 № 835 «Об утверждении Правил проведения обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в соответствии с которым закупка подлежит обязательному общественному обсуждению, если государственная закупка осуществляется на сумму, превышающую 1 млрд руб., что должно осуществляться путем проведения конкурентных процедур.

Генеральным прокурором РФ Ю. Чайка в июле 2016 года издан приказ, утверждающий план борьбы с «откатами» и коррупцией в госзаказе. Речь в нем идет об усилении контроля со стороны Генпрокуратуры и Минэкономразвития России за осуществлением контрактной системы; к контролирующим органам отнесены также Федеральная антимонопольная служба, Минфин России, Федеральная служба безопасности РФ, Следственный комитет РФ и МВД России. В плане намечена тенденция к ужесточению ответственности за нарушения в области государственных закупок, вводу уголовной ответственности за их нарушения, обязательности проверки аффилированности, раскрытия субподрядчиков в крупных заказах [1].

Президент РФ В. В. Путин на заседании Совета по противодействию коррупции отметил: «Нужно совершенствовать такой антикоррупционный механизм, как изъятие и обращение в доход государства имущества, которое приобретено на незаконные или сомнительные деньги, в том числе с учетом международных норм» [5].

Изменения, регламентирующие «ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок», в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ внесены уже в 2017 году, в частности в ст. 107, и вступили в силу с 8 апреля 2017 года.

Сокращение коррупции в конкурсной системе государственных закупок определяется и зарубежным законодательством. Большинство стран руководствуются прежде всего Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции. Она действует с 2005 года и включает в себя меры по предупреждению коррупции, противодействию вовлечению в преступную сферу, международное сотрудничество и возвращение активов. В соглашении дается характеристика коррупции в разных отраслях как уголовно наказуемого злоупотребления влиянием в корыстных целях и незаконного обогащения. Однако следует отметить, что в Российской Федерации статья 20 данной конвенции не ратифицирована.

Рынок стран Европейского сообщества регламентирован директивами. Этот законодательный акт становится основой для принятия мер в национальных законодательствах в установленные сроки.

Страны Европейского сообщества руководствуются принципом равенства сторон в осуществлении конкурсных торгов, таким образом стираются границы и реализуется принцип свободной конкуренции при размещении государственных заказов. Но при этом существуют жесткие правила отбора поставщиков, прежде всего учитываются нормативы, связанные с охраной окружающей среды.

В 2014 году Европейским парламентом и Советом ЕС были пересмотрены основные директивы, регулирующие область государственных закупок, и приняты директивы, содержащие новые правовые нормы (директива 2014/24/ЕС по государственным закупкам, директива 2014/25/ЕС по закупкам в водном, энергетическом, транспортном секторах и секторе почтовых услуг, директива 2014/23/ЕС по заключению концессионных контрактов), с целью упростить процесс государственных закупок, уменьшить документооборот за счет использования электронного оборота. Акцент в них также был сделан на привлечении малого и среднего бизнеса, составляющего значительную долю на европейском рынке.

Что касается России, то ее национальная правовая система определяется во многом нормами международного правотворчества. Страны Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), так же как и западноевропейские страны, внедряют электронную

платформу, окончательный переход на которую планируется в 2018 году, однако на пути создания единой системы государственных заказов в ЕАСТ стоят административные препоны. Помимо этого, имеет место технологический фактор, затрудняющий использование единых реестров субъектов государственных закупок, введение цифровой подписи. И, наконец, как между странами, так и внутри России реформа государственных закупок проходит крайне непоследовательно и неоднозначно.

Существует мнение о том, что число нарушений, затрагивающих правоотношения, связанные с закупками, остается неизменным или даже растет, что признается на самом высоком правительственном уровне. К их числу следует отнести: предоставление не указанных в контрактах работ, услуг или оборудования; необоснованное замедление сроков контрактов; нарастание задолженности заказчиков из-за невыполнения принятых обязательств; осуществление сговора в системе госзакупок. Например, в 2016 году по сравнению с 2015 годом число сговоров, выявленных Федеральной антимонопольной службой, возросло на 28, 4 % и составило 298, затронув жизненно важные потребности общества в области здравоохранения, образования, дорожного строительства, гособоронзаказа, а также такие знаковые объекты, как космодром Восточный.

Показательной следует признать ситуацию, сложившуюся в августе 2016 года, когда производители одежды для МВД России, Федеральной таможенной службы и Федеральной службы безопасности участвовали в восемнадцати открытых аукционах, где суммарное число заказа составило около 3,5 млрд руб. и заявки подали более 40 компаний, а ценовые предложения определялись только одной фирмой [9].

По-прежнему имеют распространение деяния, касающиеся предоставления приоритетного права избранным компаниям и создания препятствий другим субъектам бизнеса за счет невыполнимых условий осуществления государственного заказа, причем это затрагивает не только контракт, но и рамки поставки заказа и его технического содержимого. В итоге поставщиками государственных товаров и услуг становятся менее конкурентоспособные производители, зачастую это одна организация. Большинство контрактов по освоению

средств из бюджета предлагается заранее выбранным субъектам. Для получения преференций компании используют понятие «прочие» способы закупки, дозволенные по закону государственным компаниям, в результате чего они превышают более половины всех закупок, под которыми скрываются традиционные закупки.

Возникают проблемы оценки государственных закупок ввиду отсутствия информации о сопоставимых сделках, ясности в определении оправданности сделки.

Коррупционные проявления в сфере реализации государственных и муниципальных закупок вызывают серьезную озабоченность, что связано с нарастанием их масштабов, особой социальной опасностью, когда преступные деяния связаны с должностными лицами высокого ранга, разрушением конкурентного механизма рыночной экономики, увеличением транзакционных издержек, сокращением доходной части бюджета и т. д.

Для уменьшения негативных проявлений при осуществлении государственных закупок и противодействия наращиванию коррупционных проявлений необходимы: ужесточение мер контроля и, прежде всего, привлечение к уголовной ответственности (в настоящее время уже введенной) за нарушения при государственных закупках; обеспечение открытости контрактной системы, в том числе государственных корпораций и организаций с государственным участием.

Государственные и муниципальные унитарные предприятия, осуществлявшие закупки в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ, в котором отсутствовали требования к способам закупок, а следовательно, и конкуренция, перешли на контрактную основу с начала 2017 года.

Еще в 2015 году, как отмечалось выше, фирмы потеряли возможность осуществлять государственные закупки из офшорных зон. Правительство РФ в определении работ законодательно установило для них предел, превышение которого возможно только путем использования собственных ресурсов, в результате чего уменьшилось количество фирм-посредников.

Целый ряд законодателей и чиновников восприняли эти действия как фактор, ослабляющий коррупцию. Например, заместитель генерального директора Национальной ассоциации институтов закупок М. Семенова

указала: «Закон о контрактной системе госзакупок, пришедший на смену закону о госзаказе, стал большим шагом вперед» [1]. В Минэкономразвития России поддерживают данную позицию, директор Департамента развития контрактной системы М. В. Чемерисов отметил эффективную работу контрольных органов, нейтрализацию подложных банковских гарантий. Этой позиции придерживается и представитель Агентства стратегических инициатив (АСИ) в г. Москве М. Волков, одобряя закон в новой редакции как позволяющий нивелировать ценовые факторы в заказах на проектирование, сделать заказчиков более дисциплинированными [4].

В качестве положительных изменений также следует выделить:

- сокращение демпинговых операций, когда конкурс выигрывала компания, занижавшая цену на основной товар, а необоснованный доход она получала за счет высокой цены на комплектующие изделия;

- наличие общественной экспертизы при контракте более 1 млрд руб., что исключает приобретение предметов роскоши отечественными чиновниками;

- исключение контрактов с родственниками заказчика;

- внедрение электронных торгов для всех государственных закупок с целью увеличения прозрачности их осуществления, анонимности заявок, доступности, а следовательно, уменьшения коррупции [7].

Однако следует отметить, что консенсусная позиция в определении результатов внедрения системы контрактной системы в России в области государственных и муниципальных заказов не достигнута. Существует мнение о том, что система, направленная на снижение коррупционной стороны государственных закупок, не срабатывает. Так считают представители бизнеса, государственных органов и участники закупок. Руководство Счетной палаты обращает внимание на необоснованность частых изменений в законодательстве и предлагает ввести мораторий на внесение изменений в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

Первый заместитель Председателя Правительства РФ И. Шувалов отметил, что попытка реализации главной цели государственной контрактной системы, а именно создания прозрачной системы госзакупок оказалась неудачной, Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ не ликвидировал многие недостат-

ки предшествующего ему Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ. Как считает эксперт ООН по публичным закупкам О. Анчипкина, ужесточение контроля привело к обратному результату. Невозможность выполнить возросшие и ужесточенные требования не уменьшает, а увеличивает размеры коррупции, порождает стремление уйти в тень. При этом и контролирующие органы зачастую не могут следовать букве закона из-за постоянных изменений и запутанности норм.

Заместитель министра связи М. Евраев отмечает, что после изменений в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ доходная часть не только не увеличилась, но и уменьшилась ввиду роста необоснованных критериев при осуществлении конкурсного производства. Права предпринимателей не защищены, как правило, участник конкурса, следующий букве закона, должен уменьшать цену практически на 80 %, при этом он не застрахован от расторжения контракта в одностороннем порядке по желанию заказчика и рискует оказаться в списке недобросовестных поставщиков.

Значительное недовольство вызывают правотворческие изменения со стороны представителей государственных унитарных предприятий, которые должны перейти на новые правила закупок с жесткими нормативами, требующими огромного массива информации для заполнения графиков закупок и приводящими к потере оперативности в деятельности организаций. Вызывают нарекания также изменения, касающиеся опубликования информации, когда, по сути, исчезает понятие коммерческой тайны. Представителями государственных компаний в качестве недостатка отмечают сжатые сроки проведения конкурсных процедур, не позволяющие должным образом подготовить докумен-

тацию (длительность периода не должна превышать 20 дней).

Рамки настоящей статьи не позволяют охватить все аспекты обширной проблемы реализации государственных и муниципальных закупок. Однако, подводя итог, можно утверждать, что для сглаживания противоречий в рассматриваемой сфере, уменьшения уровня коррупции, а также с целью реализации основной задачи Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ – ликвидации непрозрачных закупок, увеличения конкурентоспособности, консолидации со стороны бизнеса и государства – необходимо:

- правовую базу в части ужесточения ответственности дополнить предупредительными мерами, так как упреждающий характер должен заключаться в снижении уровня коррупции за счет детального описания конкурсного процесса;

- затормозить внесение изменений в законодательство, в связи с которыми система нормативных правовых актов в сфере государственных закупок становится излишне сложной, запутанной для реализации;

- уменьшить число подзаконных актов, регламентирующих процесс планирования, заключения, исполнения и оплаты государственных контрактов;

- создать законодательную основу для механизма определения добросовестности поставщиков государственных заказов.

От решения указанной проблемы зависит достижение главной цели – удовлетворения потребностей членов общества за счет эффективного использования бюджетных средств. При этом важно иметь в виду, что нормотворческая деятельность должна быть согласована на всех уровнях власти и учитывать критический анализ уже существующей практики.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон Рос. Федерации от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

2. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федер. закон Рос. Федерации от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

3. О мониторинге закупок товаров, работ,

Bibliography

1. About contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs: Federal Law of the Russian Federation from April 05, 2013 № 44-FL. URL: <http://consultant.ru>

2. On procurement of goods, works, services by separate types of legal entities: Federal Law of the Russian Federation of 18 July 2011 № 223-FL. URL: <http://consultant.ru>

3. About the monitoring of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: Res-

услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: постановление Правительства Рос. Федерации от 3 нояб. 2015 г. № 1193. URL: <http://consultant.ru>

4. О праве беспорочного списания денежных средств со счета гаранта: письмо Министерства экономического развития Рос. Федерации от 28 июля 2016 г. № Д28и-1951. URL: <http://garant.ru>

5. Генпрокуратура предложила искать конфликт интересов в закупках // Вед. 2016. 1 авг. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/08/01/651194>

6. Латухина К. Глава Счетной палаты Голыхова рассказала Путину о 899 нарушениях в сфере госзакупок. URL: <https://rg.ru/2017/03/03/>

7. Недостигнутые цели. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/31/662993-sistema-goszakupok-ne-reshila>

8. Путин потребовал бороться с коррупцией конфискациями имущества. URL: <https://trud.ruhttp://www.trud.ru/article/26-01-2016/1333465>

9. Фейнберг А. Глава ФАС заявил о «картелизации» российской экономики 1 марта 2017 года. URL: https://www.facebook.com/civil.zakupki/?ref=page_internal&hc_ref=PAGES_TIMELINE&fref=nf

olution of the Government of the Russian Federation from 3 November, 2015 № 1193. URL: <http://consultant.ru>

4. On the right indisputable writing off of money resources from the account of the guarantor: Letter of the Ministry of economic development of Russia dated 28 July 2016 № Д28и-1951. URL: <http://garant.ru>

5. Prosecutors offered to seek a conflict of interest in procurement // Vedomosti. 1 August 2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/08/01/651194>

6. Latukhina K. Head of the accounting chamber Golikova reported on 899 violations in public procurement. Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2017/03/03/>

7. Unmet goals. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/31/662993-sistema-goszakupok-ne-reshila>

8. Putin demanded to fight corruption confiscation of property. URL: <https://trud.ruhttp://www.trud.ru/article/26-01-2016/1333465>

9. Feinberg A. The Head of the FAS said “cartelization” of the Russian economy on March 1, 2017. URL: https://www.facebook.com/civil.zakupki/?ref=page_internal&hc_ref=PAGES_TIMELINE&fref=nf

© 2017 г. А. Н. Осяк,

начальник кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: osannik@ Rambler.ru

К. А. Корчагина,

старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: twins.86.2@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматривается понятие дисциплины и законности в органах внутренних дел, необходимость их соблюдения и укрепления среди личного состава. Раскрываются процессуальные аспекты применения процедур дисциплинарных взысканий, вносятся предложения по совершенствованию федерального законодательства о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: дисциплина, законность, органы внутренних дел Российской Федерации.

A. N. Osyak – Head, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

K. A. Korchagina – Senior Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

SOME PECULIARITIES OF PUBLIC RELATIONS IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article discusses the concept of discipline and legality in law-enforcement bodies, the need for compliance and strengthening among the personnel. Reveals the procedural aspects of the application of the procedures of disciplinary sanctions, makes suggestions to improve the Federal law on service in internal Affairs bodies of the Russian Federation.

Key words: discipline, rule of law, law-enforcement bodies of the Russian Federation.

Повышение среди личного состава органов внутренних дел (далее – ОВД) служебной дисциплины (далее – дисциплина) и законности выступает одним из приоритетных направлений, обозначенных МВД России, государством в целом. Правовой сущностью специфики государственной службы, основополагающим принципом функционирования ОВД, определяющим условия для эффективного государственного управления и обеспечения его авторитетности, является законность.

Сотрудник ОВД (далее – сотрудник), обеспечивая правоохранительные задачи, обязан использовать средства, выполнять процессуальные действия, предписанные либо допускаемые законами и иными нормативными правовыми актами, а также соблюдать правовые запреты и ограничения. «Формирование системы профилактики и предупреждения корруп-

ционных и иных правонарушений среди сотрудников, направленной на укрепление служебной дисциплины и законности в служебных коллективах...» – цель реализации кадровой политики в системе МВД России, определенная в Концепции кадровой политики МВД России (на период до 2020 года). Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ на 2016 год подчеркнул, что вопросы противодействия коррупции «действительно волнуют общество. Коррупция – препятствие для развития России». Дестабилизация нравственно-правовых, организационных основ прохождения службы, дискредитация МВД России в обществе, снижение уровня доверия граждан – возможные последствия нарушений сотрудниками ОВД законности и дисциплины, что является недопустимым. Свое мнение по вопросу доверия гра-

ждан выразил Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию РФ на 2017 год: «Можно ли достойно развиваться на зыбкой почве слабого государства и управляемой извне безвольной власти, потерявшей доверие своих граждан? Ответ очевиден: конечно, нет». Вместе с тем он также отметил, что «общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы все это ни исходило, и все больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение». Подчеркиваем, что сотрудник должен быть образцом строгого соблюдения законности и дисциплины.

Толковые словари русского языка дают следующее толкование понятия «дисциплина»: обязательное для всех членов какого-либо коллектива подчинение установленному порядку, правилам [1]; выдержанность, привычка к строгому порядку [2]. В Федеральном законе от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» фиксируется понятие дисциплины, которая определяется как «соблюдение сотрудником установленных... порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав» [3]. Также понятие «дисциплина» достаточно емко закрепляется и в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел РФ (далее – Дисциплинарный устав) [4], однако не охватывает важного момента, отраженного ранее в Положении о службе в органах внутренних дел РФ (далее – Положение о службе) [5], в котором устанавливалось, что «...нарушением сотрудником органов внутренних дел служебной дисциплины признается виновное действие (бездействие)... если за указанное действие (бездействие) законодательством Российской Федерации не установлена административная или уголовная ответственность». На наш взгляд, следует поддержать представленное в научной литературе суждение о том, что обозначенное дополнение являлось отражением принципа прав человека *Non bis in idem*, который предписывает запрет двух взысканий за одну провинность. Изложение рассматриваемой дефиниции в новой редакции (с учетом вышесказанного) будет способствовать достижению главных целей дисциплинарной практики в ОВД, ее оптимизации [6].

Дисциплина в служебной деятельности невозможна без обеспечения единоначалия и

соблюдения субординации, применения к сотрудникам поощрительных мер за добросовестную службу, установления порядка привлечения к дисциплинарной ответственности, которая должна быть соразмерна совершенному проступку (вплоть до увольнения со службы). Суфийская притча гласит: «...Однажды лошадь подумала: “Почему я должна подчиняться?” И она стала возить повозку, когда, куда и как ей вздумается. Человек продал лошадь кому-то, кто стал держать ее в очень жесткой узде. Далее повозка решила: “Буду отстаивать свою независимость. Захочу – мои колеса будут крутиться, а захочу – и не будут. Иногда буду скрипеть, иногда – нет. И я буду ослаблять и зажимать мои гвозди, когда захочу”. Повозку, утерявшую надежность, пустили на дрова». Дисциплинарная ответственность – одно из действенных средств укрепления дисциплины, оказывающее воспитательное и превентивное воздействие. От качества организационно-практических мероприятий по профилактике нарушений дисциплины и законности зависит уровень их соблюдения сотрудниками, эффективность профилактической работы.

Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ закрепляет основные права (ст. 11), обязанности (ст. 12) сотрудника, требования к служебному поведению, ограничения и запреты, связанные со службой в ОВД. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [7] также устанавливает требования, предъявляемые к сотруднику полиции и его поведению (ст. 27). Дисциплинарный устав определяет перечень обязанностей сотрудника по соблюдению и поддержанию дисциплины, возлагает персональную ответственность на руководителя за ее нарушения во вверенном подразделении. Однако некоторые ученые разделяют точку зрения о недопустимости привлечения руководителя к ответственности по указанному выше основанию, за исключением случаев, когда ее низкий уровень предопределен личной служебной деятельностью (бездеятельностью) данного руководителя и когда налицо факты умышленного допущения сокрытия нарушений дисциплины подчиненными. В поддержание приведенной точки зрения приводится аргументация, основанная на том, что эта норма предоставляет возможность привлекать к дисциплинарной ответственности субъектов управления, не соотнося их служебную деятельность с

конкретными нарушениями дисциплины подчиненными [8]. На наш взгляд, рассматриваемая норма целесообразна, логична и не требует внесения изменений и дополнений. Во-первых, одним из основных принципов службы в ОВД и основой дисциплины является единоначалие и субординация. Единоначалие предполагает централизацию у руководителя функций управления, установление за исполнение принятых решений личной ответственности, отсутствие дисциплины зачастую свидетельствует о его безответственности. Во-вторых, осознавая возложенную персональную ответственность, руководитель будет больше уделять внимания организованности, состоянию и превенции нарушений дисциплины и законности, проявлять требовательность к подчиненным исходя из содержания присяги, уставов, приказов и интересов службы. Дисциплинарная ответственность несет в себе воспитательную, стимулирующую функции, выступает критерием оценки служебной деятельности, но и может снизить уровень воспитательного процесса, когда наложение дисциплинарной ответственности является нецелесообразным и незаслуженным, поскольку служебный коллектив должен осознавать, что этому способствовали объективные обстоятельства. При этом имеют значение и такие факторы, как своевременность, гласность (принцип гласности обеспечивает воздействие на личность сотрудников, в силу чего приходит осознание необходимости прилагать усилия и вносить вклад в осуществление общей цели коллектива – повышения авторитета среди сослуживцев).

Расширенный перечень взысканий и поощрений в ОВД имеет отличие от закрепленных Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [9] по отношению к гражданским служащим, Трудовым кодексом РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ [10] по отношению к работникам. Это определено целями, характером службы в ОВД как особом виде государственной службы, связанном с обеспечением жизни и здоровья граждан, их прав и свобод, безопасности государства, общественного порядка и законности. В частности, Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ, Положение о службе устанавливают такие виды взысканий, как строгий выговор, перевод на нижестоящую должность в ОВД, не предусмотренные по

отношению к гражданским служащим и работникам. По отношению к работникам, вместе с тем, не предусмотрено и предупреждение о неполном должностном соответствии. Исходя из анализа ст. 13 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ дисциплина в ОВД должна соблюдаться личным составом не только в служебное, но и во внеслужебное время, в этом и выражается еще одна особенность статуса сотрудника. Если говорить о трудовой дисциплине, то она поддерживается, не выходя за рамки той организации, где работник осуществляет свои трудовые обязанности.

Статья 51 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, глава 6 Дисциплинарного устава определяют порядок наложения на сотрудников дисциплинарных взысканий, ст. 51.1 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ устанавливает порядок наложения на сотрудников взысканий за коррупционные правонарушения. Приказом МВД России от 06.05.2013 № 241 «О некоторых вопросах применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации» [11] устанавливается Перечень руководителей (начальников) системы МВД России и соответствующих им прав по применению мер поощрения и наложению дисциплинарных взысканий в отношении подчиненных сотрудников.

Рассмотрим некоторые проблемы применения на практике норм, содержащихся в ст. 51 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Необходимо напомнить, что законодательством предусмотрены письменные и устные дисциплинарные взыскания, которые имеют различия по существу и правовой регламентации.

Более подробно необходимо остановиться на рассмотрении вопроса об учете дисциплинарных взысканий в виде устного замечания или выговора. Согласно ч. 13 ст. 51 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ в материалы личного дела сотрудника заносятся дисциплинарные взыскания, налагаемые в письменной форме. Об обязанности учета устных дисциплинарных взысканий в обозначенном законе умалчивается. Также в ст. 55 Дисциплинарного устава прямо оговорено, что подлежат учету и заносятся в личное дело все дисциплинарные взыскания, за исключением объявленных устно. Вместе с тем исходя из природы устных дисциплинарных взысканий факт их применения процессуально не

оформляется, что является понижающим фактором эффективности наложенного дисциплинарного взыскания и профилактики.

В качестве следующей особенности рассматриваемых видов взысканий отмечается следующее. Объявление публично устного замечания или выговора фактически влечет за собой меньший объем правовых последствий для сотрудника, чем наложение соответствующим приказом письменного замечания или выговора, а также иных видов письменных дисциплинарных взысканий. Так, например, ч. 1.1 ст. 51 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ установлен запрет на применение нормативно установленных мер поощрения к сотруднику, имеющему неснятое дисциплинарное взыскание, наложенное на него в письменной форме соответствующим приказом, за исключением досрочного снятия ранее наложенного в письменной форме дисциплинарного взыскания. Одновременно с этим в законодательстве Российской Федерации не предусмотрено каких-либо ограничений для применения мер поощрений к лицам, которым было объявлено устное замечание или выговор.

Часть 17 ст. 51 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ содержит отсылочные нормы к главе 12 указанного закона относительно осуществления исполнения наложенного на сотрудника дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы в ОВД. В данном случае интерес представляет дискуссионное положение п. 9 ч. 3 ст. 82 рассматриваемой главы, в соответствии с которым контракт подлежит расторжению, а сотрудник – увольнению со службы в связи с совершением проступка, порочащего его честь. При этом следует согласиться с существующей в юридической литературе точкой зрения о том, что наступление юриди-

ческой ответственности в данном случае приводит к возникновению проблем в правоприменительной деятельности, поскольку она расходится с сущностью одного из принципов права, в соответствии с которым всякая юридическая ответственность наступает за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих юридических обязанностей. Вместе с тем подчеркивается, что честь сотрудника чаще всего определяется моральными нормами, не определенными нормами права.

Статья 52 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ, приказ МВД России от 24.12.2008 № 1140 «Об утверждении Инструкции о порядке организации и проведения служебных проверок в органах, подразделениях и учреждениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [12] регламентируют порядок проведения служебной проверки, одновременно с этим Дисциплинарный устав не содержит даже упоминания о возможности проведения служебной проверки. В связи с этим представляется целесообразным расширить предмет регулирования Дисциплинарного устава, включив в сферу его применения отношения, возникающие при проведении служебной проверки.

Качественный уровень правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе реализации института дисциплинарной ответственности в ОВД, напрямую влияет на качество ведения дисциплинарного производства, степень эффективности налагаемых взысканий, а соответственно, и на объем профилактического эффекта относительно нарушений дисциплины и законности. В связи с этим необходимо совершенствовать правовой механизм реализации рассматриваемого института.

Литература

1. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М., 1990. URL: <http://www.ozhegov.com/index.shtml>
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru>
3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/>

Bibliography

1. Explanatory dictionary of Russian language / under the editorship of S. I. Ozhegov. Moscow, 1990. URL: <http://www.ozhegov.com/index.shtml>
2. Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol. / ed. by D. N. Ushakov. Moscow, 1935–1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru>
3. On service in bodies of internal Affairs of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation November 30, 2011 № 342-FL. URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Disciplinary Statute of bodies of internal Af-

4. Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 14.10.2012 № 1377 (в ред. от 01.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 22.10.2012. № 43. Ст. 5808.

5. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Верховного Суда Рос. Федерации от 23 дек. 1992 г. № 4202-1. URL: <http://www.consultant.ru/>

6. Малышев Е. П. Правовое регулирование служебной дисциплины в органах внутренних дел Российской Федерации на современном этапе // Молодой ученый. 2013. № 2.

7. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016). URL: <http://www.consultant.ru/>

8. Никифоров Л. В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998.

9. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2004 № 79-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/>

10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/>

11. О некоторых вопросах применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации (вместе с Порядком применения к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации мер поощрения): приказ МВД России от 06.05.2013 № 241 (в ред. от 02.07.2014). URL: <http://www.consultant.ru/>

12. Об утверждении Инструкции о порядке организации и проведения служебных проверок в органах, подразделениях и учреждениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 24.12.2008 № 1140. URL: <http://www.consultant.ru/>

fairs of the Russian Federation, approved by decree of the President of the Russian Federation dated 14.10.2012 № 1377 (as amended from 01.07.2014) // Collected legislation of the Russian Federation. 22.10.2012. № 43. Art. 5808.

5. About the Position statement about service in bodies of internal Affairs of the Russian Federation and the text of the Oath of the employee of internal Affairs bodies of the Russian Federation: resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of 23 December 1992 № 4202-1. URL: <http://www.consultant.ru/>

6. Maltsev E. P. Legal regulation of discipline in the internal Affairs of the Russian Federation at the present stage // Young scientist. 2013. № 2.

7. On police: Federal Law of the Russian Federation of 07.02.2011 № 3-FL (as amended on 03.07.2016) (with changes and additions entered into force on 04.07.2016). URL: <http://www.consultant.ru/>

8. Nikiforov L. V. Disciplinary responsibility of employees of bodies of internal Affairs: dis. ... PhD in Law. Omsk, 1998.

9. On state civil service of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 27.07.2004 № 79-FL. URL: <http://www.consultant.ru/>

10. Labour code of the Russian Federation from 30.12.2001 № 197-FL. URL: <http://www.consultant.ru/>

11. About some questions of application of measures of encouragement and imposition of disciplinary sanctions in the internal Affairs of the Russian Federation (together with order of application to employees of bodies of internal Affairs of the Russian Federation incentives): Order of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation dated 06.05.2013 № 241 (as amended on 02.07.2014). URL: <http://www.consultant.ru/>

12. About approval of the Instruction on the procedure of organization and conduct of official inspections in the bodies, units and institutions of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation dated 24.12.2008 № 1140. URL: <http://www.consultant.ru/>

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.121.5
ББК 67.411

© 2017 г. **М. А. Шматов,**

профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
Тел.: 8 (903) 468-53-06.

В. М. Шматов,

заместитель начальника кафедры административной деятельности и охраны общественного
порядка Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент.
Тел.: 8 (903) 468-53-06.

С. А. Дмитриенко,

председатель Калачевского районного суда Волгоградской области кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (903) 468-53-06.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В статье на основе материалов Следственного комитета Российской Федерации: обзоров, анализов, справок, решений коллегии, рассматриваются теоретические и практические вопросы привлечения в процессе расследования педагогов и психологов для проведения с несовершеннолетними следственных и иных процессуальных действий.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, следователь, несовершеннолетний, педагог, психолог.

M. A. Shmatov – Professor, Criminal Process Department, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Affairs of Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of the Russian Federation.

V. M. Shmatov – Deputy Chief, Department of Administrative Activities and Public Order Maintenance, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Affairs of Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

S. A. Dmitriyenko – Chairman, Kalachevsky District Court of Justice, Volgograd region, PhD in Law.

INVOLVEMENT OF TEACHERS AND PSYCHOLOGISTS TO CONDUCT WITH MINOR INVESTIGATORY AND OTHER PROCEDURAL ACTIONS IN THE PROCESS OF PRELIMINARY INVESTIGATION (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Based on the data of the Investigative Committee of the Russian Federation (surveys, analyses, reference materials, Board decisions) the article contemplates theoretical and practical issues of involving pedagogues and psychiatrists during preliminary investigation stage with the aim of conducting investigative and other procedural activities with the under-aged individuals.

Key words: Investigative Committee, investigator, under-aged, pedagogue, psychiatrist.

Следственный комитет Российской Федерации обобщил и проанализировал практику привлечения педагогов и психологов в процессе производства процессуальных действий с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства. Согласно полученным данным, в 2015 году педагоги и психоло

логи приняли участие в 76 832 следственных действиях по 27 478 уголовным делам, а также в 22 422 проверочных мероприятиях по 18 037 сообщениям о преступлении.

Получила распространение практика (более 5 %, или 3 932, следственных и иных процессуальных действий привлечения следова-

телем педагогов или психологов не только в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (ст. 191 и 425 УПК РФ), но и когда, по мнению следователя, участие педагога или психолога в следственном и ином процессуальном действии необходимо в целях обеспечения соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, получения от них полных и достоверных показаний, а равно предупреждения травмирования несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля необходимостью повторно переживать обстоятельства преступления, например в связи с участием в осмотре места происшествия.

Так, в 20 %, или 15 456, случаях следственные и иные процессуальные действия с участием педагогов или психологов проводились с несовершеннолетними в возрасте старше 16 лет, не страдающими психическими расстройствами и не отстающими в психическом развитии.

Например, в процессе расследования в следственном управлении по Ивановской области уголовного дела по факту умышленного причинения несовершеннолетнему Н., 1999 года рождения, тяжкого вреда здоровью несовершеннолетним гражданином М., 1998 года рождения, в проведении показаний на месте несовершеннолетнего потерпевшего М. участвовал педагог-психолог в связи с психологической сложностью для М. давать показания, избличающие его хорошего знакомого. По этому же уголовному делу с участием педагога-психолога проведена проверка показаний на месте происшествия с несовершеннолетним подозреваемым Н., у которого согласно заключению комиссионной психолого-психиатрической экспертизы установлены признаки социализированного расстройства поведения.

Основания для привлечения специалистов к проведению процессуальных действий в не предусмотренных законом случаях различны:

1. Получение от несовершеннолетних показаний (по аналогии с допросом) при производстве других следственных действий: пояснения в процессе следственного эксперимента, осмотра места происшествия, предметов, документов, аудио- и видеозаписей, очной ставки и проверки показаний на месте с участием подозреваемого или обвиняемого.

2. Установление или сохранение ранее наложенного психологического контакта с

несовершеннолетним в целях получения от него максимально возможного объема точной и объективной информации.

3. Наличие у несовершеннолетнего психологического расстройства или отставания в психологическом развитии.

4. Обеспечение права на защиту и понимание существа проводимых с несовершеннолетним мероприятий.

5. Сложившаяся практика, в том числе с учетом позиции прокурора и суда.

Например, в соответствии с позицией районного прокурора и суда в следственном управлении по Республике Марий Эл все следственные и иные процессуальные действия, в том числе ознакомление с материалами уголовного дела, с несовершеннолетним И., обвиняемым в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 п. «а» ст. 158 УК РФ (кража), проведены с участием педагога, защитника и законного представителя [1, с. 16–19].

В любом случае вопрос о привлечении педагога или психолога (в том числе о выборе конкретного специалиста) к работе с несовершеннолетним должен решаться следователем индивидуально в отношении каждого несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства с учетом психических особенностей его личности.

Так, в Дальневосточном следственном управлении на транспорте при ознакомлении с материалами уголовного дела несовершеннолетнего Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, присутствовали педагог и психолог, поскольку Г. воспитывался в детском доме, уровень его образования и подготовки не позволял сразу и в полном объеме воспринимать и усваивать сложные для него сведения и анализировать их последствия для себя [2].

Важным моментом в работе с несовершеннолетними является тщательная подготовка к производству следственных действий с их участием во избежание повторного проведения этих действий и психологического травмирования несовершеннолетних в результате кратковременности и избирательности детской памяти.

Так, в следственном управлении по Хабаровскому краю обеспечивается индивидуальный подход к подбору педагога или психолога, ознакомление его с отдельными материалами уголовного дела, которые характеризуют несовершеннолетнего, формулирование

совместно со специалистом планируемых вопросов, предоставление ему возможности беседы с несовершеннолетним до начала допроса [3, с. 24].

В целях обеспечения участия указанных специалистов в следственных действиях многими территориальными следственными управлениями Следственного комитета РФ изданы соответствующие организационно-распорядительные документы. В большинстве следственных органов составлены списки с адресами и телефонами педагогов и психологов, привлекаемых к участию в следственных действиях. Вместе с тем не во всех регионах имеется возможность приглашать их в рабочее время.

Значительной проблемой является также обеспечение участия психолога в отдаленных районах, где нет соответствующего специалиста (Республика Калмыкия, Иркутская область и др.), а также оперативного прибытия педагога и психолога к месту производства следственных действий, когда отсутствует возможность предупредить их заблаговременно (Республика Адыгея, Брянская, Курганская области).

Отдельные следователи не выполняют указания, изложенные в информационном письме от 05.04.2013 № 215/2-12163-13 «О порядке привлечения специалистов-психологов к проведению следственных действий с участием несовершеннолетних». Так, в ряде следственных органов к участию в следственных действиях по-прежнему привлекаются эксперты-полиграфологи или специалисты отдела кадров (Забайкальский, Ставропольский края, Калужская, Новгородская, Ярославская области, Чукотский автономный округ, город Ставрополь), которые даже при наличии психологического образования в большинстве случаев не имеют необходимой квалификации.

Вводя в уголовный процесс таких участников, как педагог и психолог, законодатель исходил из целей обеспечения интересов несовершеннолетних. В этой связи целесообразно при подборе конкретного специалиста учитывать его квалификацию, опыт и практику работы с детьми, в том числе пострадавшими от преступных посягательств. Это будет способствовать установлению более тесного психологического контакта с несовершеннолетними и получению от них исчерпывающих показаний об обстоятельствах произошедшего.

Примером профессиональной работы квалифицированного психолога может быть сопровождение расследования в Главном следственном управлении по Краснодарскому краю уголовного дела по факту совершения преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ (изнасилование) и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера), в отношении малолетней Е., которая согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы страдает психическим заболеванием «аутизм» и не может принимать участие в следственных действиях.

Педагог-психолог Краснодарского краевого центра семьи и детей изучил материалы уголовного дела. Потерпевшая Е. вместе с сестрой, участвовавшей в исследовании в качестве проводника, были помещены в указанный центр, где в условиях стационара прошли курс психологической реабилитации. После этого потерпевшая Е. рассказала сестре об обстоятельствах совершения в отношении нее преступлений. В результате показания психолога и сестры потерпевшей были положены в основу обвинения [5].

В целях обеспечения достаточного числа профильных специалистов, повышения эффективности психологического сопровождения предварительного следствия в отдельных субъектах Российской Федерации (Краснодарском крае, Белгородской, Вологодской, Воронежской, Мурманской, Ростовской, Ульяновской областях) профильными органами государственной власти совместно со специалистами центров психолого-педагогической помощи и представителями следственных управлений организовано дополнительное обучение и повышение квалификации педагогов и психологов, которые привлекаются к сопровождению следственных действий (обучающие курсы, семинары, методические рекомендации).

Главным управлением криминалистики Следственного комитета РФ подготовлена учебная программа повышения квалификации специалистов по возрастной психологии, разработана программа обучения следователей Следственного комитета РФ по теме «Психология работы с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства», которая направлена в Академию Следственного комитета РФ для реализации в рамках учебного процесса в 2015–2016 годах.

В настоящее время совместно с ведущими специалистами лаборатории детского и подросткового возраста «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» и специалистами-психологами следственных органов Следственного комитета РФ ведется подготовка методических рекомендаций по осуществлению психологического сопровождения следственных действий с несовершеннолетними в целом, для того чтобы не нарушать установленный ранее психологический контакт с ребенком.

Однако привлечение психологов из сторонних организаций в связи с их загруженностью по основному месту работы зачастую не позволяет обеспечить участие одного и того же специалиста на протяжении всего расследования. Замена психологов существенно снижает эффективность психологического сопровождения следственных действий, поскольку разрывается установленный ранее психологический контакт с несовершеннолетним.

В этой связи в семи следственных управлениях (республика Коми, Тыва, г. Москвы,

Хабаровского края, Кемеровской, Псковской, Тверской областей) на должности инспекторов подразделений криминалистики Следственного комитета РФ назначены специалисты-психологи для сопровождения следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних.

Включение в штатное расписание такого специалиста позволяет:

- осуществлять качественное психологическое сопровождение по наиболее сложным и резонансным уголовным делам;
- обеспечивать постоянное оперативное психологическое сопровождение;
- осуществлять выезды в отдаленные районы, где не имеется психологов;
- осуществлять взаимодействие с другими организациями;
- обучать следователей навыкам работы с несовершеннолетними;
- обучать привлекаемых психологов из других организаций специфике сопровождения следственных действий;
- устанавливать эффективное взаимодействие следователя и психологов.

Литература

1. Главное управление криминалистики Следственного комитета Российской Федерации. Особенности выявления и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: метод. рекомендации. М., 2014.

2. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

3. Алмазов Б. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. Свердловск, 1986.

4. Гамезо М. В., Петрова Е. А., Орлова Л. М. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие. М., 2003.

Bibliography

1. Main Department of criminalistics of the Investigative Committee of the Russian Federation. The peculiarities of detection and investigation of crimes committed by minors and against minors: guidelines. Moscow, 2014.

2. On basic guarantees of child rights in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from July 24, 1998 № 124-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3802.

3. Diamonds B. N. Mental environmental maladjustment of minors. Sverdlovsk, 1986.

4. Gamesa M. V., Petrova E. A., Orlova L. M. Age and pedagogical psychology: textbook. Moscow, 2003.

© 2017 г. **Л. М. Бабкин,**

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.
E-mail: babkin1949@yandex.ru

С. В. Булатецкий,

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктор медицинских наук.
E-mail: dr_bsv@mail.ru

Н. Н. Лыткин,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.
E-mail: NNLytkin@mail.ru

А. Е. Родин,

помощник Сасовского межрайонного прокурора Рязанской области, юрист 3 класса.
E-mail: 79156062025@yandex.ru

КООРДИНИРУЮЩАЯ РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОКУРОРОВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье рассматривается координирующая роль международной ассоциации прокуроров в выработке единой стратегии по борьбе с международной преступностью органами прокуратуры различных государств.

Ключевые слова: государство, международная ассоциация, преступление, прокурор.

L. M. Babkin – Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD in Law.

S. V. Bulatetskiy – Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Doctor of medicine.

N. N. Lytkin – Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD in Law.

A. E. Rodin – Prosecutor Assistant, Sasovo Interdistrict Prosecutor of the Ryazan Region.

THE COORDINATING ROLE OF THE INTERNATIONAL ASSOCIATION OF PROSECUTORS IN THE FIGHT AGAINST CRIME

The article is devoted to the coordinating role of the International Association of Prosecutors in the formulation of the concerted combating crime strategy by prosecution agencies of different counties.

Key words: state, international association, crime, prosecutor.

Деятельность прокуратуры Российской Федерации имеет многоплановый, разноплановый характер и осуществляется по различным направлениям, одним из которых в связи с обострившейся проблемой транснациональной преступности является реализация функции международного взаимодействия и сотрудничества с правоохранительными органами зарубежных государств. Данное направление работы органов прокуратуры в России прямо вытекает из Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией

и было доведено до сведения заинтересованных лиц приказом Генеральной прокуратуры РФ от 26.09.2007 № 149 «Об объявлении Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией» [1]. Помимо того, в соответствии с многочисленными правовыми актами Российской Федерации на органы прокуратуры возложена обязанность по осуществлению международного сотрудничества с правоохранительными органами зарубежных государств [2]. Так, со-

гласно ст. 2 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральная прокуратура РФ в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвует в разработке международных договоров Российской Федерации [3]. Это уже само по себе означает, что данное направление деятельности в компетенции органов прокуратуры занимает далеко не последнее место. Кроме того, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 25 октября 1999 года № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней» Генеральная прокуратура РФ является органом Российской Федерации, к компетенции которого отнесено решение вопроса о выдаче [4].

Также указами Президента Российской Федерации (от 26 октября 2004 года № 1362, от 18 декабря 2008 года № 1799 и 1800, от 13 февраля 2012 года № 180) Генеральная прокуратура Российской Федерации определена центральным органом по реализации положений о сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам, содержащимся в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 года [5].

В целях правовой реализации данного направления деятельности органов прокуратуры Российской Федерации существует большое количество приказов Генпрокуратуры РФ, посвященных организации международного сотрудничества, к примеру приказ Генпрокуратуры РФ от 12.03.2009 № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации» [6].

В связи с вышеизложенным нетрудно догадаться, что органы прокуратуры Российской Федерации выступают ключевой фигурой

Международной ассоциации прокуроров (МАП), которая представляет собой международную организацию, носящую неправительственный и неполитический характер, являющуюся в своем роде первой и единственной межгосударственной организацией прокуроров в таком виде.

Учреждение МАП произошло 6 июня 1995 года в представительстве ООН в Вене, а официальная ее инаугурация состоялась 19 сентября 1996 года на первом Общем собрании в Будапеште. Среди причин создания указанной организации выделяются стремительный рост организованной транснациональной преступности, увеличение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также по отмыванию денежных средств, полученных преступным путем, что в свою очередь обусловило необходимость реализации более качественного, оперативного и эффективного международного взаимодействия между органами и службами прокуратуры. Следует отметить, что у истоков создания МАП стояла Генеральная прокуратура РФ, которая является и одним из ее организационных членов.

В свете сказанного необходимо пояснить, что состав данной организации представлен как в виде индивидуальных членов (более 1 700 человек), так и организационных (165 – ассоциации прокуроров, организованные на уровне страны или юрисдикционной области; прокурорские службы, организованные на уровне страны или юрисдикционной области; организация, агентство или образование, учрежденные для содействия в осуществлении мер, направленных против преступности). Наряду с этим МАП предусматривает и так называемое «почетное членство». Согласно ч. 1 ст. 4 Конституции МАП почетным членом может быть любое лицо, внесшее значительный вклад в деятельность МАП, в соответствии с ч. 2 указанной статьи данный статус имеет определенные привилегии, заключающиеся главным образом в освобождении от уплаты членских взносов. Индивидуальное членство в МАП может получить любой работающий либо бывший прокурор.

Значение МАП подтверждается ее представительством более чем 250 000 прокуроров свыше чем из 168 стран и юрисдикций (имеются в виду относительно автономные

территориальные образования в рамках суверенных государств, например Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии представлено в МАП прокурорскими структурами таких юрисдикций, как Англия и Уэльс, Северная Ирландия, Шотландия и о. Мэн), при этом МАП наделена консультативным статусом при ООН.

Основными руководящими документами МАП являются:

1. Конституция Международной ассоциации прокуроров (принята в сентябре 1999 года, действующая редакция 2015 года), состоящая в общей совокупности из 19 статей и 5 приложений, содержащих такие положения, как: устанавливающие на цели деятельности МАП (ст. 1); регулирующие членство в МАП (ст. 2–7); его организацию (должностные лица и органы МАП), состоящую из исполнительного комитета (ст. 8), сената (ст. 9), президента (ст. 10), вице-президентов – их количество не должно быть менее 5 и превышать 9 (ст. 11), генерального секретаря (ст. 12), генерального юрисконсульта (советника) (ст. 13), общего собрания (ст. 14); работу конференций (ст. 15). Приложения же регламентируют, уточняют и дополняют некоторые статьи Конституции МАП, посвященные в основном членству в организации.

2. Стандарты профессиональной ответственности, основные обязанности и права прокуроров, принятые Международной ассоциацией прокуроров 23 апреля 1999 года. Данный документ представлен из введения и шести положений, указывающих: 1) на профессиональное поведение; 2) независимость; 3) беспристрастность; 4) роль в уголовном процессе; 5) сотрудничество; 6) полномочия.

В соответствии со ст. 1 Конституции МАП данная организация реализует следующие задачи: по способствованию качественно-му уголовному преследованию (п. «а», «d»); признанию, уважению и защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (п. «b»); реализации основополагающих стандартов и принципов уголовного судопроизводства (п. «с», «g»); борьбе с организованной транснациональной преступностью (п. «е»); борьбе с коррупцией (п. «f»); совершенствованию уголовного законодательства (п. «i»); способствованию сотрудничеству и взаимодействию между прокурорами государств и юридическими организациями (п. «е», «h», «j»).

Характеризуя МАП, можно сказать, что подобная организация не имеет своей целью унифицировать, сделать единообразной деятельность и типы прокуратур, наоборот, политика МАП основана на уважении исторически сложившихся типов прокурорских систем, признании характера и объемов их деятельности.

Необходимо отметить, что одно из существенных направлений деятельности МАП – работа по доведению до общественности информации о значимости роли прокурора и прокуратуры в целом как защитника, стоящего на страже охраняемых законодательством государства интересов общества и гражданина, его прав и свобод. Деятельность МАП является открытой и прозрачной, соблюдения этого принципа она добивается также от всех прокуроров и прокуратур.

Как уже было отмечено выше, МАП имеет свою внутреннюю структуру, представленную единоличными и коллегиальными органами. Так, согласно Конституции МАП организация избирает своего президента, вице-президентов, генерального секретаря, а также назначает генерального юрисконсульта (советника), которые в соответствии со своими должностями входят в руководящий орган ассоциации – исполнительный комитет. Сенат МАП формируется из бывших членов исполнительного комитета, осуществляет свою деятельность совместно с президентом МАП и исполнительным комитетом, функции сената в основном носят рекомендательный характер и направлены на содействие в достижении целей, поставленных перед МАП.

Рассмотрим более подробно функционирование и деятельность данных основных органов МАП.

Итак, исполнительный комитет является управляющим и распорядительным органом ассоциации, наделенным обширным кругом полномочий, в которые входят:

- а) контроль и управление делами ассоциации;
- б) принятие годовых бюджетов и финансовой отчетности;
- в) принятие ежегодных рабочих программ;
- г) определение размера ежегодных членских взносов в соответствии со ст. 5 Конституции МАП;
- д) решение вопроса о допусшении претендентов к организационному членству, приостановлении и исключении членства;

е) предложение рекомендаций общему собранию для включения в почетное членство;

ж) выдвижение кандидатуры на общем собрании для назначения членов исполнительного комитета и для выборов президента, вице-президентов и генерального секретаря;

з) назначение на должность генерального юрисконсульта (советника);

и) отстранять от членства в исполнительном комитете и также рекомендовать общему собранию отстранять его членов или увольнять президента, вице-президента, генерального секретаря или генерального юрисконсульта (советника);

к) совместно с генеральным секретарем подготавливать проведение конференций, предусмотренных Конституцией Ассоциации;

л) определять время и место проведения общего собрания, конференций;

м) оказывать помощь членам ассоциации в соответствии с целями, предусмотренными Конституцией;

н) вносить на общем собрании предложения о создании в Ассоциации новых комитетов, определять их функции и полномочия, а также характер деятельности.

Согласно Конституции МАП состав исполнительного комитета представлен президентом ассоциации, вице-президентами, генеральным секретарем или генеральным юрисконсультом (советником), при этом в него должно входить не менее 10 и не более 25 рядовых членов МАП. По возможности МАП добивается того, чтобы членский состав представлял все регионы мира, в которых ассоциация имеет членов. Члены исполнительного комитета избираются общим собранием на срок до трех лет с возможностью повторного переизбрания.

Президент Ассоциации по истечении срока его полномочий становится внештатным членом исполнительного комитета (п. 8.4 ст. 8).

Кандидаты в члены исполнительного комитета определяются самим исполнительным комитетом. Генеральный секретарь уведомляет определенных исполнительным комитетом членов путем размещения их на веб-сайте Ассоциации или путем их публикации в информационном бюллетене ассоциации не менее чем за три месяца до общего собрания, на котором все вакансии в исполнительном комитете должны быть определены и заняты, информация о времени

и месте общего собрания доводится до его членов (п. 8.6 ст. 8).

Члены исполнительного комитета также могут быть отстранены от членства в нем путем вынесения резолюции, утвержденной более чем 2/3 от общего количества членов комитета, в случае если будет установлено, что деятельность этого члена не приносит пользу (вредит) Ассоциации либо данный член не смог выполнить возложенные на него обязанности по представлению интересов ассоциации. Также по решению более чем 2/3 голосов от общего количества членов исполнительный комитет может рекомендовать общему собранию исключить такого члена (п. 8.8 ст. 8).

Исполнительный комитет проводит свои собрания не реже чем один раз в год, а также может собираться по необходимости, если это сочтут нужным президент МАП, генеральный секретарь либо это будет определено на самом исполнительном комитете. В случае если собрание будет проводиться по решению президента МАП или генерального секретаря, они определяют время и место такого собрания, но окончательно это согласовывается и определяется самим исполнительным комитетом (п. 8.9 ст. 8).

Все решения исполнительного комитета принимаются простым большинством голосов его членов, которые участвуют и присутствуют при голосовании, в определенных случаях порядок принятия особых решений более детально регламентируется Конституцией МАП (п. 8.10 ст. 8). Исполнительный комитет имеет право принимать собственные правила (п. 8.11 ст. 8).

Как отмечалось выше, все бывшие члены исполнительного комитета становятся членами сената, второго коллегиального органа Ассоциации (п. 9.1 ст. 9).

В соответствии с Конституцией МАП к полномочиям сената относятся: по запросу либо по собственной инициативе предоставляет информацию и рекомендации по вопросам, относящимся к целям деятельности и функционированию МАП (пп. «а» п. 9.2 ст. 9), несет ответственность, возложенную на него исполнительным комитетом или президентом касательно целей деятельности и функционирования МАП (пп. «b» п. 9.2 ст. 9).

Срок членства в сенате не ограничен, и согласно Конституции его членами становятся на всю жизнь либо пока не уйдут в отставку

(п. 9.3 ст. 9), за исключением тех членов исполнительного комитета, которые были из него уволены в случаях, предусмотренных Конституцией МАП (п. 9.4 ст. 9).

Основным должностным лицом Ассоциации является ее президент, кандидатура которого определяется исполнительным комитетом и который затем избирается на общем собрании (п. 10.4 ст. 10), осуществляет свою деятельность в течение всего срока избрания, а по ее окончании имеет право на переизбрание (п. 10.2 ст. 10). Президент Ассоциации председательствует на заседаниях исполнительного комитета и общего собрания. В случаях если президент не может председательствовать на указанных заседаниях, он имеет право назначить вместо себя одного из вице-президентов, при этом общее собрание может назначить одного из заместителей председателя или же генеральный секретарь председательствует на общем собрании или на части общего собрания (п. 10.3 ст. 10).

Президент может быть уволен путем направления общему собранию исполнительным комитетом рекомендательной резолюции, принятой большинством в 2/3 голосов его членов, в случаях если будет определено, что деятельность президента не несет пользу (вредит) Ассоциации (п. 10.5 ст. 10).

В случаях если президент по тем или иным причинам не может осуществлять свою деятельность, его полномочия и функции временно переходят к одному из вице-президентов либо к одному из членов исполнительного комитета (п. 10.7 ст. 10).

В Ассоциации имеются должности вице-президентов, и как указывалось выше, их количество должно составлять не менее 5 и не более 9, что определяется исполнительным комитетом (п. 11.1 ст. 11). Вице-президенты избираются из действующих членов исполнительного комитета общим собранием и по окончании срока осуществления своих полномочий имеют право на переизбрание (п. 11.2 ст. 11). Кандидатуры на должность вице-президентов определяются исполнительным комитетом.

Так же как и президент, любой вице-президент может быть уволен путем направления общему собранию исполнительным комитетом рекомендательной резолюции, принятой большинством в 2/3 голосов его членов, в случаях если будет определено, что дея-

тельность вице-президента не несет пользу (вредит) Ассоциации (п. 11.4 ст. 11).

Конституцией МАП предусмотрена должность генерального секретаря Ассоциации, который ежедневно должен управлять всеми делами Ассоциации (п. 12.1 ст. 12), в связи с чем он наделен следующими полномочиями (п. 12.2 ст. 12): вносить предложения в отношении годовых бюджетов и финансовой отчетности, а также в отношении годовых рабочих программ, которые будут приняты исполнительным комитетом (пп. «а», «b»); принимать решения о допуске кандидатов в членство, приостановке членства либо его прекращении (пп. «с»); осуществлять подготовку заседаний исполнительного комитета и докладывать перед ним о делах Ассоциации (пп. «d»); исполнять и передавать при необходимости резолюции и решения исполнительного комитета и общего собрания (пп. «e»); руководить управлением бюро и казначейством Ассоциации в пределах предоставленных полномочий (пп. «f», «g»); вести записи и файлы Ассоциации, в том числе протоколы заседаний исполнительного комитета и общего собрания (пп. «h»); осуществлять содействие исполнительному комитету в осуществлении им своих функций (пп. «i»).

Генеральный секретарь избирается по представлению исполнительного комитета общим собранием на 6 лет и по окончании срока осуществления своих полномочий имеет право на переизбрание (п. 12.3–12.4 ст. 12).

Генеральный секретарь может быть уволен путем направления общему собранию исполнительным комитетом рекомендательной резолюции, принятой большинством в 2/3 голосов его членов, в случаях если будет определено, что деятельность генерального секретаря не несет пользу (вредит) Ассоциации (п. 12.5 ст. 12).

Согласно Конституции МАП в осуществлении полномочий генеральному секретарю содействует бюро Ассоциации. Место расположения бюро определяется исполнительным комитетом так, чтобы это было удобно генеральному секретарю. Генеральный секретарь имеет возможность определять персонал бюро, а также управлять им в целях наиболее эффективной реализации возложенных на него полномочий (п. 12.7 ст. 12).

Все полученные средства МАП принимаются и реализуются казначейством под управлением генерального секретаря, но при усло-

вии контроля и одобрения исполнительного комитета (п. 12.9 ст. 12).

В Ассоциации предусмотрена должность генерального юрисконсульта (советника), который назначается на должность исполнительным комитетом сроком на 6 лет с правом последующего переизбрания (п. 13.2 ст. 13). Полномочия, компетенция и обязанности генерального юрисконсульта (советника) определяются исполнительным комитетом, однако они обязательно должны включать в себя предложение ежегодных рабочих программ исполнительному комитету, а также выполнение обязанностей, которые на него возложит президент Ассоциации или генеральный секретарь (п. 13.1 ст. 13).

Генеральный юрисконсульт (советник) может быть уволен путем направления общему собранию исполнительным комитетом рекомендательной резолюции, принятой большинством в 2/3 голосов его членов, в случаях если будет определено, что деятельность генерального юрисконсульта (советника) не несет пользу (вредит) Ассоциации (п. 13.3 ст. 13).

В соответствии со ст. 14 Конституции МАП общее собрание является органом верховной власти в Ассоциации, он состоит из организационных членов, индивидуальных членов, почетных членов и членов сената (п. 14.1 ст. 14). Согласно п. 14.2 ст. 14 Конституции МАП общее собрание выполняет следующие функции: выполнение обязанностей, возложенных на данный орган Конституцией МАП (п. «а»); избрание и назначение должностных лиц Ассоциации в целях выполнения функций, возложенных на нее Конституцией, а также приостановление их деятельности либо увольнение (пп. «b»–«с»); приостановление членства или исключение членов Ассоциации по рекомендации исполнительного комитета (п. «d»); определение финансовой политики Ассоциации и необходимости внесения изменений в Конституцию (п. «e»–«f»).

Общее собрание ежегодно собирается в месте и во время, определенные исполнительным комитетом, при этом возможно проведение и внеочередных сессий при условии соблюдения требования о наличии 2/3 голосов членов исполнительного комитета либо большинства его членов. Место и время таких встреч также определяются исполнительным комитетом (п. 14.3 ст. 14). Решения на общем собрании принимаются большинст-

вом голосов его членов, присутствующих и участвующих в голосовании (п. 14.6 ст. 14).

Каждый член общего собрания имеет право голоса, исходя из специфики его членов голосование имеет пропорцию, в соответствии с которой 1 голос организационного члена равен 10 голосам индивидуальных членов, от организационного члена голосует один избранный им для этого участник, присутствующий на общем собрании. Каждый член общего собрания при голосовании имеет 1 голос (п. 14.4 ст. 14).

В соответствии с п. 14.8 ст. 14 Конституции МАП общее собрание имеет возможность определить и принять собственные инструкции и процедуры. При этом данный орган обязан соблюдать общие принципы справедливости и стремиться к тому, чтобы его членам были предоставлены равные права и возможности в целях реализации задач и функций, возложенных Конституцией МАП.

Для обсуждения и решения задач Ассоциации ежегодно МАП организует стандартные тематические конференции, место и время проведения которых определяются исполнительным комитетом. В таких конференциях могут участвовать все члены Ассоциации при условии наличия свободных мест. Помимо указанных конференций исполнительный комитет может созывать другие конференции (региональные), при этом он также определяет место и время их проведения, а также тему, подлежащую обсуждению на данной конференции. На конференциях, проводимых Ассоциацией, по приглашению исполнительного комитета могут присутствовать гости и наблюдатели, в случаях когда необходимость их присутствия будет определена соответственно исполнительным комитетом (ст. 15).

В целях разрешения конфликтных ситуаций, возникающих при разногласиях в толковании Конституции и устава МАП, создан комитет конфликтов (п. 17.1 ст. 17). Обратиться в него может любой член Ассоциации, подав в письменном виде ходатайство генеральному секретарю, который должен незамедлительно проинформировать об этом комитет конфликтов (п. 17.2 ст. 17).

Состав комитета конфликтов представлен 5 членами, при этом необходимое число для принятия решения по возникшему вопросу – кворум – составляет 3 человека. Члены комитета конфликтов назначаются на должность общим собранием на срок до трех лет, после

чего могут быть переизбраны либо уйти в отставку. Его члены не могут быть членами исполнительного комитета (п. 17.5 ст. 17). Член комитета конфликтов может быть уволен общим собранием, в случае если будет установлено, что он ненадлежащим образом исполняет свои обязанности либо отказывается от их исполнения, или совершил нарушение, которое будет признано непростительным (п. 17.6 ст. 17).

Таким образом, подводя итог рассмотрению деятельности такой специфической международной организации, как МАП, можно сказать, что она представляет собой всемирное объединение прокуроров всех государств и преследует цель совершенствования деятельности института прокуратуры во всех странах, не ущемляя и не пренебрегая при этом уже сложившимися особенностями деятельности и функционирования органов прокуратуры той или иной из них. Согласно ст. 1 Конституции МАП ее координирующая роль заключается в следующем: содействие справедливому, беспристрастному и эффективному расследованию уголовных преступлений; применение высоких стандартов и принципов при осуществлении уголовного правосудия, включая процедуры для предотвращения или обна-

ружения ошибок в целях обеспечения верховенства закона; развитие и укрепление этих стандартов и принципов, которые признаны международным сообществом в качестве необходимых для осуществления надлежащего и независимого расследования уголовных дел; оказание помощи прокурорам на международном уровне в борьбе с организованной и другими формами преступности в целях осуществления международного сотрудничества при сборе и предоставлении доказательств, в розыске, изъятии и конфискации доходов от тяжких преступлений и в преследовании скрывающихся преступников; содействие принятию мер по ликвидации коррупции в органах государственного управления; продвижение профессиональных интересов прокуроров и признание их ключевой роли в достижении уголовного правосудия; установление тесных связей между отдельными прокурорами и органами прокуратуры в целях обмена и распространения среди них информации, знаний и опыта; поощрение использования информационных технологий. Данные цели достигаются непосредственно на собраниях прокуратур государств – участников МАП, а также по собственным каналам связи Ассоциации.

Литература

1. URL: <http://consultant.ru>
2. Бабкин Л. М., Булатецкий С. В., Родин А. Е., Шкабин Г. С. Международное взаимодействие и сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации по борьбе с деяниями коррупционной направленности // Российский научный журнал. 2015. № 3 (46).
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 17.01.1992 № 2202-ФЗ. Ст. 2. URL: <http://consultant.ru>
4. О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного Протокола и второго дополнительного Протокола к ней: Федеральный закон Рос. Федерации от 25.10.1999 № 190-ФЗ. Ст. 4. URL: <http://consultant.ru>
5. URL: <http://jurkom74.ru/materialy-dlia-ucheby/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-generalnoi-prokuratury-rf>
6. Бабкин Л. М., Родин А. Е. Процессуальные аспекты деятельности прокурора в современное время: проблемные стороны практики и теории. М., 2015.

Bibliography

1. URL: <http://consultant.ru>
2. Babkin L. M., Bulatetsky S. V., Rodin A. E., Shkabin G. S. International cooperation of the Prosecutor's bodies of the Russian Federation in combating acts of corruption / // Russian scientific journal. 2015. № 3 (46).
3. Concerning the Public Prosecution Office of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 17.01.1992 № 2202-1-FL. Art. 2. URL: <http://consultant.ru>
4. Concerning Ratification of the European Convention on Extradition, Additional Protocol and its Second Additional Protocol: Federal Law of the Russian Federation of 25.10.1999 № 190-FL. Art. 4. URL: <http://consultant.ru>
5. URL: <http://jurkom74.ru/materialy-dlia-ucheby/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-generalnoi-prokuratury-rf>
6. Babkin L. M., Rodin A. E. Procedural aspects of the activity of the prosecutor in modern age: problems of practice and theory. Moscow, 2015.

© 2017 г. В. М. Горбанев,

адъюнкт Краснодарского университета МВД России.
E-mail: gorbanevv@mail.ru

А. К. Щербаченко,

доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.
Тел.: 8 (863) 207-86-68.

И. С. Бардадым,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.
Тел.: 8 (863) 207-86-68.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ МОШЕННИЧЕСТВА, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

В статье исследуются основные личностные характеристики мошенников, совершающих преступления, связанные с использованием средств сотовой связи, а также выдвигаемые типичные оперативно-разыскные версии по данным видам преступлений.

Ключевые слова: личность мошенника, мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, оперативно-разыскные версии.

V. M. Gorbanev – Adjunct, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

A. K. Shcherbachenko – Associate Professor, Department of Criminalistics and Operative-Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

I. S. Bardadym – Senior Lecturer, Department of Criminalistics and Operative-Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

PERSONAL CHARACTERISTICS OF CRIMINALS OF THE OFFENDER ASSOCIATED WITH THE USE OF THE CELLULAR

The article examines the main personal characteristics of fraudsters who commit crimes related to the use of means of cellular communication and put forward the typical investigative versions on these types of crimes.

Key words: the identity of the fraudster, the fraud associated with the use of means of cellular communication, investigative version.

Современный этап развития науки оперативно-разыскной деятельности и передовой следственной практики характеризуется разработкой оперативно-разыскной типологии личности преступника и созданием ее общих видовых и частных (по конкретному делу) моделей. По мнению профессора Ф. В. Глазырина, использование оперативно-разыскной информации на практике позволяет сотрудникам уголовного розыска получать недостающие сведения о виновных лицах по конкретным делам при минимуме исходной информации [1, с. 14].

Типовые данные о личности потерпевшего от мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, являются надежным ориентиром для выбора основных направлений неотложных оперативно-разыскных действий при раскрытии этих преступлений. Со-

поставление типовой (модельной) информации с фактическими данными служит основой для применения метода типовых оперативно-разыскных версий. Кроме того, обобщенные данные о личности мошенника служат своего рода типовой схемой для собирания фактических данных по конкретному материалу.

Значение типовых данных о личности мошенника, совершающего преступление, связанные с использованием средств сотовой связи, в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности существенно возрастает в случае учета их связи с типовыми данными (модельной информацией) о способе и средствах совершения такого преступления и изменениями отражающихся объектов. Личность преступника выступает одним из основных элементов оперативно-разыскной харак-

теристика. Пол, возраст, образование, место жительства, наличие судимости – это сведения, необходимые для составления характеристики личности преступника, совершающего такие мошеннические действия.

Согласно изученным материалам уголовных дел, лицами, совершающими мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, в 86 % случаев являлись только мужчины, в 14 % – были женщины. Возраст преступников данной категории колебался от 18 до 35 лет, что объясняется общностью интересов по физиологическим признакам, преемственностью поколений (данные лица имеют примерно одинаковое воспитание, социальный статус, идеологическое мышление, уровень восприятия окружающей действительности и др.).

Высшее и неоконченное высшее образование имели 26 % таких мошенников; большинство из них имели среднее, среднее специальное образование – 41 %; неполное среднее – 33 %. Наличие образования позволяет лицам, совершающим мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, легко и быстро адаптироваться к техническому прогрессу, использовать возможности гаджетов для успешной реализации своих преступных планов.

На момент совершения преступления 74 % преступников находились в местах лишения свободы, около 88 % – ранее уже имели судимость либо привлекались к уголовной ответственности. При этом наличие криминального прошлого у лиц, совершающих такие мошенничества, свидетельствует о стойкой противоправной направленности личности, данные лица активно противодействуют раскрытию преступлений. Они знакомы с приемами, способами и методами оперативно-разыскной деятельности, что следует учитывать оперативным сотрудникам органов внутренних дел [2, с. 139].

При получении сообщения о такого рода мошенничестве скудная информация о событии преступления и виновных лицах не всегда может быть увязана с элементами объективной действительности. В этих целях используются типовые модели личности мошенника, вобравшие в себя путем обобщения оперативно-разыскной и следственной практики существенные черты и свойства отдельных типов лиц, которые могут быть использованы для восполнения указанных пробелов. Выдвинутая на основании созданной модели типичная версия о круге лиц, которые могли совершить данное преступление,

позволяет определить кратчайшие пути их установления, быстро и эффективно разобратся в сути происшедшего.

Задача прикладного плана состоит в том, чтобы отобрать из широкого набора характеризующих личность компонентов группы признаков, наиболее тесно связанные с определенными видами преступлений. На существование такой связи указывал Р. С. Белкин, по его мнению, типичные свойства личности преступника отражаются через средства и способы действий, специфика которых в свою очередь определяется предметом преступного посягательства [3, с. 143].

Из вышесказанного вытекает необходимость изучения личности преступника не только «вглубь» – посредством выделения составляющих ее биологических, психологических и социальных компонентов, но и «вширь» – путем изучения закономерных связей элементов личности с другими элементами оперативно-разыскной характеристики преступления, в первую очередь со способом, средствами совершения преступления и другими обстоятельствами, сведения о которых имеют оперативно-разыскное значение. «Приемы и уловки, применяемые преступниками, технические и другие профессиональные знания и навыки, проявленные ими уже при подготовке, совершении и сокрытии преступления, – с точки зрения А. М. Кустова, – должны найти свое место как в частном – описании качеств и свойств личности преступника, так и целом – в механизме совершения ими преступления» [4, с. 19].

Состав лиц, совершающих мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, довольно разнообразен. Преступники имеют разный социальный статус и образовательный уровень, обладают необходимыми знаниями, навыками и умениями. Как правило, это лица, ранее судимые за совершение подобных преступлений, либо осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы в различных учреждениях ФСИН России и имеющие соучастников, находящихся на свободе.

Эти мошенники обладают специфической чертой, выражающейся в способности оказывать особое психологическое воздействие на жертву за короткий временной отрезок. Психологи объясняют это тем, что «интуитивно, независимо от уровня образованности, мошенники используют фактор внушения, воздействуя на эмоции и чувства, то есть на подсознание жертвы, тем самым манипулируя поведением, умом и волей человека» [5, с. 99].

Кроме того, рассматриваемые нами преступления совершаются не одним мошенником, а двумя – тремя сообщниками. Количество сообщников может колебаться и находится в прямой зависимости от преступной схемы. Например, в случае совершения мошенничества по схеме «происшествие с родственником» один из сообщников выступает в качестве родственника жертвы, а другой – в роли представителя какого-либо правоохранительного органа, то есть сообщников как минимум двое.

Интеллектуальный потенциал умело используется мошенниками в целях сокрытия следов преступления. Например, sim-карты, средства связи, банковские карты зарегистрированы на подставных лиц.

Одной из важных психологических черт мошенника является корыстная направленность в мотивации преступного поведения, рост которой в последние годы усилился. К определяющим детерминантам преступного поведения мошенников, совершающих преступления, связанные с использованием средств сотовой связи, следует отнести корысть, недостаточную материальную обеспеченность, жажду наживы, «игровой» тип личности [6, с. 127].

Практика показывает, что личность мошенника играет решающую роль в создании или выборе условий и способа совершения преступления. Поэтому типовые модели личности преступника при расследовании мошеннических деяний были разработаны в криминалистике советского периода А. А. Герцензоном и условно включали в себя пять групп [7, с. 32–33].

К первой группе автор относил случайных мошенников, совершивших впервые мошенническую «проделку» по легкомыслию, под влиянием обстоятельства или других лиц. Вторую – составляют мошенники-рецидивисты, совершающие преимущественно мелкие мошеннические «проделки», а при удобном случае – кражи, чтобы изыскать средства на «выпивку»; нередко это опустившиеся алкоголики, без постоянной работы или средств для систематического пьянства; совершенные при мошенничестве действия главным образом обращены на имущество граждан.

В третью группу входят лица без постоянного места жительства и какой-либо профессии, многократно отбывавшие наказания, как правило, за мошенничества. В четвертую – мошенники-гастролеры, представляющие собой наиболее опасную разновидность мошенников, трудноуловимую и причиняющую государству и гражданам наибольший ущерб. Пятую группу мошенников образуют лица, обычно в

прошлом не судимые, совершающие «продолжаемое мошенничество», состоящее в получении пенсий, повышенной зарплаты, иных благ на основе специально изготовленных поддельных документов; в течение длительного времени они наносят государству немалый материальный ущерб.

Наибольшие трудности возникают при розыске и последующем изобличении мошенников первых трех групп. В связи с тем, что они зачастую в прошлом судимы, большую роль при их изобличении играют криминалистические и оперативные учеты [8, с. 417].

В целях сравнения проведем современную типологию мошенников. Так, А. И. Алгазин выделяет четыре категории мошенников в сфере страхования:

«Первая, самая обширная группа – это мошенники-дилетанты, которые совершают обман страховой компании впервые в силу сложившейся ситуации. Среди лиц, представляющих эту категорию, много молодых людей, студентов, мелких коммерсантов, предпринимателей, а также лиц, имеющих сравнительно небольшой заработок или не имеющих постоянного заработка. Данные лица слабо ориентируются в страховании и правовых вопросах.

Психологические черты: нереализованные возможности, склонность к искажению информации для собственной выгоды, моральное самооправдание, синдром иждивенца, желание решить проблемы за чужой счет, страх перед ответственностью.

Вторая группа – лица, которые совершают страховые мошенничества для компенсации затрат на бизнес и коммерческую деятельность... В эту категорию входят: лица, занимающиеся пассажирскими перевозками, руководители и работники фирм такси, предприниматели, занимающиеся частным извозом... Психологические черты: уверенность в себе, коммуникабельность, наглость, жадность, криминальная мораль, уверенность в собственной безнаказанности.

Третья группа – лица, которые в силу своих должностных обязанностей регистрируют или расследуют обстоятельства страхового события, а также выдают документы, подтверждающие размер вреда и ущерба от страхового случая. К этой категории относятся сотрудники органов дознания и следствия ГИБДД и прокуратуры, судьи, сотрудники ДПС, медицинские работники, нотариусы, адвокаты, руководители коммерческих и государственных организаций, нечестные работники страховых компаний. Указанные

лица за вознаграждение обеспечивают документальное оформление страхового события в нужном для мошенников виде. Как правило, они находятся в родственных или дружеских связях с потерпевшими или с их родственниками, знакомыми и сослуживцами. Данные лица прекрасно ориентируются в профессиональных вопросах, знают “кухню” документооборота, обладают обширными устойчивыми связями в правоохранительных органах, органах власти и управления.

Психологические черты: неудовлетворенность материальным поощрением на рабочем месте, самооправдание, уверенность в собственной безнаказанности, жадность.

Четвертая группа – профессиональные мошенники. Лица, входящие в эту категорию, профессионально и систематически занимаются реализацией мошеннических схем. Как правило, это преступные группы из числа лиц, объединенных общими криминально-профессиональными интересами, проживающие рядом, проводящие вместе большое количество времени. На счету подобных групп десятки успешно завершенных мошеннических комбинаций, и они, окрыленные успехом, безнаказанностью, а самое главное – ре-

альными деньгами, не собираются останавливаться. Данные группировки характеризуются некоторыми чертами:

- привлечение специалистов в области медицины, страхования и юриспруденции;
- обеспечение высокотехнологичного процесса изготовления документов;
- материальная стимуляция всех участников группы;
- конспирация и использование методов оперативно-разыскной деятельности;
- разработка новых сценариев мошенничества;
- систематичность совершения мошенничества;
- расширение географии деятельности группы;
- совершение мошенничества в различных видах страхования» [9].

Полагаем, что типология личностных характеристик мошенника в страховании, созданная А. И. Алгазиным, актуальна и применима для характеристики мошенника, совершающего преступления, связанные с использованием средств сотовой связи, так как современные мошенники действуют во всех сферах жизни российского общества.

Литература

1. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973.
2. Горбанев В. М. Оперативно-розыскная характеристика мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи // Общество и право. 2016. № 4 (58).
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997.
4. Кустов А. М. Криминалистический анализ структуры механизма преступлений // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: сб. науч. тр.: в 2 ч. М., 2005. Ч. 2.
5. Комаров А. А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2010.
6. Рабочая книга пенитенциарного психолога / под ред. А. И. Мокрецова, В. П. Голубева, А. В. Шамиса. М., 1998.
7. Герцензон А. А. Мошенничество // Социалистическая законность. 1968. № 11.
8. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина, И. М. Лузгина. М., 1980. Т. 2.
9. Алгазин А. И. С обманом по жизни. URL: <http://forinsurer.com/public/05/05/17/1877>

Bibliography

1. Glazyrin F. V. A study of the person of the accused and tactics of investigative actions. Sverdlovsk, 1973.
2. Gorbanev V. M. Operatively-search characteristic of fraud associated with the use of the funds Sothoing when // Society and law. 2016. № 4 (58).
3. Belkin R. S. Course of criminalistics: in 3 vol. Vol. 1: General theory of criminalistics. Moscow, 1997.
4. Kustov A. M. Forensic analysis of the structure the mechanism crimes // Fundamental and applied problems of management of investigation of crimes: collection of scientific papers: in 2 parts. Moscow, 2005. Part 2.
5. Komarov A. A. Criminological aspects of moscencicetion in the global Internet: dis. ... PhD in Law. Pyatigorsk, 2010.
6. Workbook the prison psychologist / ed. by I. A. Mokretsov, V. P. Golubev, A. V. Shamis. Moscow, 1998.
7. Gercenzon A. A. Fraud // Socialist legality. 1968. № 11.
8. Forensic Science / ed. by R. S. Belkin, I. M. Luzgin. Moscow, 1980. Vol. 2.
9. Algazin A. I. The deception of life. URL: <http://forinsurer.com/public/05/05/17/1877>

© 2017 г. М. В. Давыдов,

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук.
E-mail: mdd86.m@yandex.ru

А. Ю. Харыбин,

заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела –
начальник отделения организации научно-исследовательской работы
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук.
E-mail: nio57rus@yandex.ru

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье анализируется правоприменительная практика производства проверки показаний на месте при расследовании преступлений, обосновывается авторская позиция о целесообразности закрепления проведения данного следственного действия с несколькими лицами одновременно, в случае если в их показаниях относительно одного и того же события имеются противоречия. Рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся повторного проведения проверки показаний на месте с одним и тем же лицом.

Ключевые слова: следственное действие, проверка показаний на месте, следователь, уголовное дело, доказательства, преступление.

M. V. Davydov – Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, PhD in Law.

A. Yu. Harybin – Deputy Head of Research and Editorial and Publishing Department - Head of Department of Organization of Scientific-Research Work, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior Affairs of Russian Federation named after V. V. Lukyanov, PhD in Law.

QUESTIONS OF IMPROVEMENT OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF PRODUCTION OF CHECK OF INDICATIONS ON A PLACE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

The article analyzes the legal practice of the production of check of indications on a place in the investigation of crimes, the author's position on the feasibility of consolidating of the conduct of the investigatory action with multiple parties at the same time if in their testimony regarding the same event are contradictory. Discusses problematic issues concerning the possibility of re-verification of testimony on site with one and the same person.

Key words: investigative actions, verification of testimony on site the investigator, the criminal case, the evidence, the crime.

Несмотря на то, что в системе следственных действий российского уголовного судопроизводства проверка показаний на месте существует уже второе десятилетие, в правоприменительной практике, а также на страницах юридической литературы до сих пор встречаются высказывания о недостатках, которые препятствуют реализации механизма производства данного следственного действия как в процессуальном, так и в тактическом плане [1, с. 5]. В данном случае следует вести речь не о проблемах уголовно-процессуального законодательства, а о постоянном

совершенствовании научных методик, учитывающих потребности правоприменительной практики в новых и более совершенных подходах в процессе получения доказательств по делу. Не составляет исключения и проверка показаний на месте, поскольку устоявшаяся практика ее проведения одновременно способствует определению оптимальных путей повышения эффективности данного следственного действия.

Так в ч. 3 ст. 194 УПК РФ содержится прямое указание на невозможность одновременной проверки показаний нескольких лиц.

С подобным утверждением сложно не согласиться, так как при отступлении от данного требования теряется индивидуальность соответствующего следственного действия. Между тем данная норма не раз становилась предметом судебного спора в силу того, что ее положения противоречат ряду статей Конституции Российской Федерации. Так, в жалобе гражданина Р. Н. Аксенова, осужденного за совершение преступления и отбывающего наказание в виде лишения свободы, поступившей в Конституционный Суд РФ, указывается, что ч. 3 ст. 194 «Проверка показаний на месте» Уголовно-процессуального кодекса РФ противоречит ст. 15 (ч. 1 и 2), 17 (ч. 1 и 2), 18, 19 (ч. 1 и 2), 21 (ч. 1), 46 (ч. 1), 50 (ч. 2) и 56 (ч. 3) Конституции РФ и тем самым нарушает его право на защиту и умаляет достоинства личности [2]. Судебной практике известны и другие «негативные примеры», когда из материалов уголовных дел следует, что проверка показаний на месте происшествия проводилась одновременно в отношении всех осужденных (подозреваемых) [3; 4]. Практически во всех случаях сторона защиты настаивает на признании доказательств, полученных в рамках данного следственного действия, недопустимыми. Это можно понять, поскольку ч. 3 ст. 194 УПК РФ подобных действий не допускает.

Между тем такое понимание возможности проведения одновременной проверки на месте по одному и тому же событию показаний нескольких лиц не лишено смысла, особенно в тех случаях, когда по уголовному делу проходят несколько лиц, занимающих различную позицию по отношению к расследованию. Преимущество одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц перед отдельной очевидна. Дело в том, что противоречия по тем или иным обстоятельствам проверяемого события устраняются за счет приводимых доводов в пользу занимаемой позиции, подкрепленной определенными действиями на месте. Более того, спорность в показаниях участников следственного действия могут быть устранены благодаря эффекту присутствия того участника, показания которого соответствуют обстановке совершеного преступления.

Подобное представление о необходимости

пересмотра содержания ст. 194 УПК РФ находит свое отражение и в юридической литературе. Вопрос о возможности проведения проверки показаний на месте сразу с несколькими участниками уголовного судопроизводства уже обсуждался рядом ученых, однако в настоящее время он так и остается нерешенным. В частности, заслуживает внимания точка зрения Е. И. Овчаренко, который отмечает, что при доказывании хулиганства наилучший результат может быть получен в тех случаях, когда будут проверяться показания нескольких лиц одновременно [5, с. 99]. Эту точку зрения разделяет и О. Д. Жук, который, анализируя особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества, приходит к выводу о возможности при производстве по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ и связанных с ними преступлений использовать так называемую «очную ставку на месте», в случае если устранение противоречий в ходе ранее проведенной очной ставки следователем будет признано менее целесообразным, чем при одновременной проверке показаний на месте [6, с. 33]. Данные вопросы также неоднократно рассматривались и нами [7].

Следует отметить, что разногласия в показаниях участников по итогам отдельной проверки показаний на месте возникают неизбежно в силу различия их восприятия, обусловленного как индивидуальными особенностями человека, так и спецификой непосредственной обстановки на месте. Поэтому все возникающие противоречия должны устраняться не в кабинете следователя, а непосредственно на месте преступления. При этом речь не идет об исключении либо упразднении положений ч. 3 ст. 194 УПК РФ, однако в случае если ранее проведенные проверки показаний на месте нескольких лиц по одним и тем же обстоятельствам выявили противоречия, одновременное производство названного следственного действия поможет их устранить.

Такой позиции придерживаются и некоторые практические работники, указывая на необходимость в ряде случаев производства одновременной проверки показаний на месте, но при этом ссылаясь на отсутствие законных оснований для этого*. Например,

* Так, 23 % из числа опрошенных нами респондентов ответили положительно на вопрос о необходимости в ряде случаев производства одновременной проверки показаний на месте с несколькими лицами.

как показывает анализ практики проведения данного следственного действия в отношении нескольких обвиняемых в рамках расследования одного уголовного дела, имеют место факты, когда проверка показаний на месте проводилась отдельно в отношении каждого из участников, однако все из них присутствовали на месте проверяемого события, а сами действия осуществлялись одним и тем же следователем [8]. Судебные органы, как правило, указывают, что проверки на месте показаний нескольких обвиняемых не свидетельствуют о недопустимости результатов этих следственных действий, так как показания каждого обвиняемого проверяются самостоятельно, без участия в соответствующем следственном действии других обвиняемых (в разное время либо в разных местах, либо с различными следователями).

В качестве подтверждения вышесказанному следует привести апелляционное решение Верховного Суда РФ от 24.12.2014 № 11-АПУ14-53, в рамках которого сторона защиты просила отменить результаты проверки показаний на месте с несколькими обвиняемыми, поскольку на фотографиях, приобщенных к протоколам данного следственного действия, расположение теней свидетельствует о том, что последнее проводилось в одно и то же время, хотя в протоколах указано разное время. Небезынтересным видится анализ содержания ряда материалов уголовных дел, когда под видом следственного эксперимента с участием одновременно нескольких лиц проводится проверка показаний на месте. Наличие данных примеров свидетельствует о недостаточном внимании законодателя к нормам, регулирующим рассматриваемые вопросы.

Конечно, нельзя исключать, что проверка показаний на месте одновременно с несколькими лицами может привести к неконтролируемому общению между допрашиваемыми, их сговору либо влиянию одного участника на другого. Справедливости ради следует отметить, что такие случаи характерны и для очной ставки, однако подобные действия незамедлительно пресекаются следователем [9, с. 308]. Поэтому аналогичные функции с успехом могут быть выполнены лицом, осуществляющим данное следственное действие.

В связи с этим вопрос о невозможности производства проверки показаний на месте одновременно с несколькими лицами пред-

ставляется дискуссионным. Вместе с тем, на наш взгляд, производство проверки показаний на месте с несколькими участниками возможно лишь в случае, если после осуществления данного следственного действия имеются противоречия в показаниях нескольких лиц. По этому поводу в юридической литературе встречается мнения о том, что если после проверок показаний на месте не были выявлены причины разногласий в показаниях лиц либо у следователя сохранились вопросы к данным лицам, разрешение которых тактически и психологически эффективно именно при их одновременном присутствии, то далее следует провести очную ставку [10, с. 150]. Такой подход по-своему понятен и оправдан. Однако в случае, когда существенные различия в показаниях обусловлены прежде всего обстановкой на месте проверяемого события, более целесообразным является проведение не очной ставки, а проверки показаний на месте.

С учетом приведенных доводов предлагаем ч. 3 ст. 194 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Не допускается одновременная проверка на месте показаний нескольких лиц. В исключительных случаях с участием обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего проводится одновременная проверка показаний на месте, если в показаниях нескольких лиц относительно одного и того же события имеются противоречия».

В связи с вышесказанным очень важным представляется вопрос о действиях всех участников на месте проверяемого события. При этом целесообразно заранее отработать план предстоящих мероприятий: определить, кто будет участвовать в следственном действии, кто из участвующих в проверке показаний на месте лиц будет первым воспроизводить обстановку проверяемого события, где будет находиться второй участник следственного действия, в какой степени будут проверяться события, порядок фиксации хода проверки показаний на месте, возможные вопросы. Это позволит выстроить механизм предстоящего следственного действия в части определения роли каждого участника.

В первую очередь необходимо проверять показания лица, описывающего обстановку преступления либо занимающего нейтральную позицию по отношению ко всему процессу расследования, а во вторую очередь – показания лица, дающего ложные показания

или заблуждающегося относительно обстановки. При этом следователь имеет право самостоятельно принимать решение, в каком объеме будет воспроизводиться проверяемое событие, при этом ориентируюсь на степень противоречия показаний участвующих лиц. С целью устранения имеющихся противоречий представляется правильным расположить второго участника немного позади первого, для того чтобы он имел возможность наблюдать за происходящим. Далее аналогичные действия выполняет второй участник следственного действия. Затем участникам одновременной проверки показаний на месте задаются вопросы относительно тех обстоятельств, которые послужили основанием для повторного проведения данного следственного действия.

Причем даже различный процессуальный статус лиц (например, подозреваемый и потерпевший, обвиняемый и свидетель и т. д.), одновременно участвующих в проверке показаний на месте, не должен отражаться на порядке ее проведения. Поэтому угрозы одного участника следственного действия, направленные на другого, по аналогии с производством очной ставки должны своевременно пресекаться лицом, производящим следственное действие. Однако если в ходе одновременной проверки показаний на месте у следователя возникают подозрения относительно того, что позиция одного из ее участников может измениться под влиянием другого, показания которого противоречивы, то целесообразно по этой схеме данное следственное действие не проводить.

Весьма сложным и дискуссионным является вопрос о возможности проведения повторной проверки показаний на месте с одним и тем же лицом. Вероятность того, что лицо спустя какое-то время после проведения данного следственного действия вспомнит ряд обстоятельств исследуемого события, не нашедших отражения в ходе первой проверки показаний на месте, достаточно высока, поскольку на месте совершенного преступления потерпевший или свидетель могут находиться в состоянии сильного волнения. В такой ситуации материальная обстановка не активизирует образную память, не формирует ассоциативные образы, а, напротив, препятствует формированию достоверных сведений, связанных с непосредственным присутствием на месте происшествия.

Логично предположить, что в указанных обстоятельствах разумно было бы провести повторную проверку показаний на месте с целью устранения либо восполнения недостающей информации. Однако при этом теряется значение проверки показаний на месте, поскольку проведение данного следственного действия способствует не только эффективному устранению противоречий между уже имеющимися доказательствами, уточнению ранее данных показаний, но и позволяет сформировать убежденность в умении участника следственного действия быстро ориентироваться на месте исследуемого события, в его возможности правильно описывать обстановку.

Анализ Уголовно-процессуального кодекса РФ показывает, что каких-либо ограничений на производство повторной проверки показаний на месте с одним и тем же лицом закон не содержит, как и указания на невозможность повторного производства рассматриваемого следственного действия. В контексте интересующего нас вопроса обращает на себя внимание точка зрения В. Н. Жадан, согласно которой любое следственное действие, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом РФ, может проводиться повторно. К числу таких случаев автор относит ситуации, связанные с изменением обстановки; невозможностью лица вспомнить и показать место соответствующего события; появлением в ходе расследования новых данных, относящихся к предмету предыдущей проверки показаний на месте; с допущенными процессуальными и тактическими ошибками при проведении первичной проверки показаний на месте [11, с. 14–15].

Несомненно, названные обстоятельства являются весьма весомыми аргументами для принятия решения о повторном производстве проверки показаний на месте. Однако, не отвергая права исследователя на выдвижение собственных предложений, с очевидной долей уверенности можно сказать, что подобного рода повторы могут изменить доказательственное значение данного следственного действия. Дело в том, что результаты проверки показаний на месте могут быть объективными лишь тогда, когда отсутствует промежуточная осведомленность лиц, участвующих в следственном действии, об обстоятельствах произошедшего события (не считая присутствия лица непосредственно в момент преступления).

По этой причине, совершая повторно те же действия, что и при первой проверке показаний на месте, проверяемое лицо может сформировать определенную модель своего поведения на месте происшествия, выраженную в искажении проверяемой информации с последующей возможностью запутать следствие либо закрепить ложность своих показаний в случаях самооговора или лжесвидетельствования. Анализ содержания материалов уголовных дел показывает, что подобная практика не характерна для данного следственного действия. Однако в связи с тем, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит запрета на повторное проведение проверки показаний на месте в отношении того же участника, вести речь об отсутствии соответствующей практики не приходится.

Исходя из приведенных соображений повторная проверка показаний на месте с участием одного и того же лица невозможна, особенно если проверяются те же обстоятельства, что и при первом следственном действии. Более правильным в данной ситуации будет вести речь о дополнительной проверке показаний на месте. В этом случае дополнительная проверка показаний на месте в отличие от повторной весь механизм события не дублирует, а лишь фиксирует действия проверяемого лица, ранее не нашедшие своего отражения.

Литература

1. Ушаков А. Ю. Некоторые тенденции, указывающие на совершенствование правовой регламентации в отношении следственного действия «проверка показаний на месте» // Рос. следователь. 2014. № 5.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аксенова Руслана Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 янв. 2015 г. № 80-О. URL: <http://www.consultant.ru>

3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.01.2017 № 89-АП/16-17. URL: <http://www.consultant.ru>

4. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 26.01.2015 по делу № 22-130/2015. URL: <http://www.consultant.ru>

5. Овчаренко Е. И. Доказывание по делам о хулиганстве (досудебное производство):

В связи с этим представляется возможным ст. 194 УПК РФ дополнить ч. 3.1 следующего содержания: «Не допускается повторная проверка показаний на месте с одним и тем же лицом и в отношении того же события».

Согласно ч. 1 ст. 194 УПК РФ проверка показаний на месте проводится в целях «установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Следовательно, повторное проведение проверки показаний на месте в отношении того же лица и по обстоятельствам, в той или иной мере исследовавшимся в ходе первой проверки показаний на месте, не может быть рассмотрено как составная часть получения новых доказательств по делу.

Таким образом, доводы относительно целесообразности производства проверки показаний на месте одновременно с несколькими лицами и запрета на повторное производство данного следственного действия с участием одного и того же лица не выглядят такими уже не состоятельными. Сегодня вряд ли приходится рассчитывать на скорейшее принятие предложенных рекомендаций законодателем, однако с учетом анализа судебной практики, мнений практических работников, а также представленных в юридической литературе точек зрения можно утверждать, что решение подобных вопросов – это лишь дело времени.

Bibliography

1. Ushakov A. Yu. Some trends indicating improvement of legal regulation in relation to investigations «verification of testimony on site» // Russian investigator. 2014. № 5.

2. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizen Ruslan Nikolaevich Aksekov violation of his constitutional rights by part three of article 194 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from January 29, 2015 № 80-O. URL: <http://www.consultant.ru>

3. The appeal determination of the Supreme Court of 19.01.2017 № 89-АП/16-17. URL: <http://www.consultant.ru>

4. Appellate decision of Primorskiy regional court from 26.01.2015 in case № 22-130/2015. URL: <http://www.consultant.ru>

5. Ovcharenko E. I. Proving on Affairs about hooliganism (pre-production): scientific-practical allowance / ed. by V. A. Grinenko. Moscow, 2006.

6. Zhuk O. D. Peculiarities of investigative ac-

науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Гриненко. М., 2006.

6. Жук О. Д. Особенности производства следственных действий по уголовным делам об организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) // Законодательство и экономика. 2003. № 11.

7. Давыдов М. В., Харибин А. Ю. Вопросы совершенствования производства проверки показаний на месте на современном этапе развития уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. матер. Междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. В. Николюка. Орел, 2016.

8. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2016 № 23-АПУ16-7. URL: <http://www.consultant.ru>

9. Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

10. Варданыан А. В., Казаков В. В. Тактико-криминалистический потенциал проверки показаний на месте и вопросы его реализации в целях повышения результативности расследования незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2015. № 398.

11. Жадан В. Н. Повторные следственные действия: процессуальная форма, организация и тактика их производства при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

tions on criminal cases about the organisation of criminal community (item 210 of the criminal code) // Legislation and economy. 2003. № 11.

7. Davydov M. V., Harybin A. Yu. Improving the production of check of indications on a place on the modern stage of development // Criminal justice the Modern criminal procedural law in Russia: lessons of history and the problems of further reforming: proceedings of the International conference on the 60th anniversary of doctor of legal Sciences, Professor, honored scientist of the Russian Federation V. V. Nikolic. Orel, 2016.

8. The appeal determination of the Supreme Court of 09.11.2016 № 23-АПУ16-7. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Criminalistics: textbook / responsible editor N. P. Yablokov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow, 2015.

10. Vardanyan A. V., Kazakov V. V. Tactical and forensic potential of the verification of testimony on site and issues of its implementation in order to improve the efficiency of investigation of illegal interference in entrepreneurial activity // Vestnik of Tomsk State University. 2015. № 398.

11. Zhadan V. N. Re-investigative actions: procedural form, the organization and tactics of their production during the investigation of the crimes: abstract of dis. ... PhD in Law. Nizhny Novgorod, 2006.

© 2017 г. Я. А. Шараева,

преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.
E-mail: yana-sharaeva@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ И ПОРЯДОК ИХ ИСЧИСЛЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

В статье рассматриваются различные определения понятия процессуального срока, дается их развернутая классификация. Обозначены основные проблемы, которые возникают при исчислении процессуальных сроков. Вносятся предложения по законодательному закреплению правил исчисления процессуальных сроков различными величинами.

Ключевые слова: процессуальный срок, сроки-моменты, сроки-периоды, исчисление сроков.

Ya. A. Sharaeva – Lecturer, Department of Criminal Process, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

PROCEDURAL DEADLINES AND THE PROCEDURE FOR THEIR CALCULATION IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW OF RUSSIA

The article discusses the various definition of the procedural term subject to a detailed classification. Identified the main problems that arise when calculating the procedural deadlines. Proposals for legislative consolidation of rules of calculation of procedural terms of different variables.

Key words: procedural time, time-points, time-periods, calculation of periods of time.

Одним из существенных и неотъемлемых элементов установленного законом порядка производства по уголовным делам являются процессуальные сроки. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации более 70 норм, устанавливающих такие сроки. Сроки имеют существенное значение в регулировании общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства. Они указывают начало, период действия и окончания правоотношений, вносят определенность в правовые отношения. Установление и соблюдение сроков – важнейшее средство сокращения сроков производства по уголовным делам.

Понятие «уголовно-процессуальные сроки» в уголовно-процессуальном законодательстве не определено. В научной и учебной литературе сформулированы различные их определения.

В общеупотребительном значении под термином «срок» понимается «определенный промежуток времени, момент наступления, исполнения чего-нибудь» [1, с. 749].

В научной литературе под процессуальным сроком понимается промежуток времени, в течение которого требуется либо совершить процессуальные действия, либо воздержаться от их совершения [2, с. 186].

Более широкое определение предлагает И. В. Маслов: «Уголовно-процессуальный

срок – это установленный уголовно-процессуальным законом на основе положений Конституции Российской Федерации, исчисляемый в соответствии с его предписаниями промежуток времени, в течение которого орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд, судья, а также подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, другие участники процесса уголовного процесса имеют право либо обязаны совершить определенные процессуальные действия, а в некоторых случаях воздержаться от их производства, и имеющий своей целью обеспечить своевременное выполнение назначения уголовного судопроизводства, соблюдение конституционных и иных предоставляемых законом прав лиц, являющихся участниками уголовного процесса» [3, с. 14].

Из данного определения следует, что *процессуальный срок* – это не любой срок, а лишь тот, который носит правовой характер, то есть установлен в законе или актами применения норм права и может быть назначен в пределах, очерченных законом и решениями определенных государственных органов и должностных лиц. Сроки, установленные законом, и сроки, назначенные решениями должностных лиц, обязательны для исполнения, в случае их нарушения действуют меры принуждения и общественного воздействия. Главное их отличие в том, что сроки, установленные

законом, рассчитаны на все случаи возникновения правоотношений определенного вида, а сроки, назначенные соответствующими решениями органов и лиц, обязательны только в данном правоотношении.

Уже из вышеизложенного видно, что процессуальные сроки не однородны. Следовательно, разные их группы обладают различными свойствами, знание которых имеет важное значение в практической деятельности. В. Т. Томин, Р. Х. Якупов и В. А. Дунин делят процессуальные сроки на две группы: сроки-моменты и сроки-периоды.

Сроки-моменты устанавливаются в целях обеспечения прав и законных интересов участников процесса, когда необходима предельная быстрота отдельных процессуальных действий либо непрерывность действий, последовательность которых заранее определена [4, с. 24].

Сроки-моменты отражаются в законе следующими способами.

Во-первых, указание на совершение определенного процессуального действия непосредственно после совершения другого процессуального действия или наступления указанного в законе события. Например, когда следователь обязан немедленно допросить обвиняемого после предъявления обвинения (ст. 173 УПК РФ).

Своеобразной формой данного способа обозначения срока-момента является указание на совершение конкретного процессуального действия непосредственно перед выполнением другого процессуального действия. В частности, до начала допроса следователь обязан предупредить свидетеля об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Другим способом, при помощи которого обозначается установление срока-момента, выступает указание на совершение процессуального действия одновременно с производством другого процессуального действия. Например, суд при постановлении приговора одновременно решает вопрос о вещественных доказательствах, распределении процессуальных издержек и т. д.

Сроки-периоды в отличие от сроков-моментов предусматривают в своих пределах свободу совершения процессуальных действий. Процессуальное действие может быть выполнено в начале срока, в середине и в конце, но с учетом того, чтобы время его совершения охватывалось этим сроком.

Сроки-периоды в свою очередь делятся на определенные и неопределенные сроки.

Определенные сроки предусмотрены следующей длительностью: часов, суток (дней), месяцев и лет. Продолжительность определенных сроков в законе устанавливается разными способами. В некоторых случаях точная продолжительность прямо не указывается, но обозначается начало и конец срока. В качестве примера может служить срок, установленный п. 21 ст. 5 УПК РФ, согласно которому ночным временем считается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. В большинстве случаев обозначается точная продолжительность срока и его начало. Так, согласно уголовно-процессуальному законодательству дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. Наконец, встречаются и такие сроки, когда устанавливается лишь их продолжительность. В частности, срок задержания и др.

В. Т. Томин по соотношению определенных сроков друг с другом выделяет общие и исключительные сроки [4, с. 34]. Особенность исключительных сроков состоит в том, что они подлежат применению только в предусмотренных законом случаях. В свою очередь исключительные сроки по своей продолжительности бывают сокращенными или увеличенными. Применение исключительных увеличенных сроков законом ставится в зависимости от решения органа, в производстве которого находится дело, либо от решения прокурора. Так, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение в срок не позднее 3 суток (общий срок) со дня поступления данного сообщения. Данный срок может быть продлен в случаях, прямо определенных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, до 10 суток (исключительный срок).

Неопределенные сроки не характеризуются точной продолжительностью и могут иметь свои пределы, которые обозначаются путем указания на конкретные действия или событие. Так, гражданский иск в ходе рассмотрения уголовного дела может быть предъявлен с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия.

Встречаются и такие нормы, в которых начало и окончание неопределенных сроков,

хотя прямо не обозначены, но с достаточной очевидностью подразумеваются. Например, согласно ст. 82 УПК РФ вещественные доказательства хранятся «до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения...». Очевидно, что началом данного срока является момент приобщения вещественного доказательства к материалам уголовного дела.

Таким образом, для неопределенных сроков характерно, что в нормах, их устанавливающих, обычно обозначены либо с достаточной очевидностью подразумеваются и начало, и их окончание.

Л. И. Лавдаренко производит деление сроков в зависимости от того, кому адресованы установленные законом процессуальные сроки. Это:

1) сроки, относящиеся к деятельности государственных органов, ведущих уголовный процесс. Такие сроки призваны обеспечить быстрое ведение уголовного судопроизводства и гарантировать интересы участников уголовного процесса. К данной группе относятся: срок предварительного расследования, срок содержания под стражей, срок изготовления протокола судебного заседания и т. д.;

2) сроки, относящиеся к деятельности иных участников уголовного процесса и лиц, не участвующих в уголовном процессе. Данные сроки призваны обеспечить законные интересы граждан, устранить возможность намеренного затягивания процесса. В эту группу входят сроки, установленные для предоставления жалоб, ходатайств, дополнительных материалов и т. д. [5, с. 5–6].

Приступая к рассмотрению порядка исчисления процессуальных сроков, необходимо иметь в виду, что правила исчисления процессуальных сроков дифференцируются в зависимости от величин, которыми исчисляются. Такими величинами, как прямо указано в законе (ст. 128 УПК РФ), являются часы, сутки и месяцы.

Реализация процессуальных сроков в Уголовно-процессуальном кодексе РФ вызывает трудности в правоприменении. Закон допускает ряд пробелов, требующих юридического разрешения. Одним из них является проблема при исчислении сроков часами и сутками. Так, прежний Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года при исчисле-

нии срока не учитывал тот час и те сутки, которыми начинается течение срока. Срок начинал исчисляться со следующего часа и следующих суток. В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ не объясняется, как быть с часами и сутками. Он содержит лишь указание на то, что «при исчислении срока месяцами не принимается во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока» [6]. Данную формулировку Б. Т. Безлепкина считает результатом недоразумения, поскольку «не принимать во внимание тот час, которым начинается течение срока, имеет смысл только при исчислении срока часами. Не принимать в расчет те сутки, которыми начинается течение срока, имеет смысл только в случае, если этот срок исчисляется сутками и месяцами» [7, с. 18].

Правильное понимание закрепленного в уголовно-процессуальном законе правила имеет важное практическое значение. В большинстве комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу РФ дается толкование, согласно которому при исчислении сроков не учитываются текущий час и текущие сутки. Но существуют и другие мнения. Авторы одного из комментариев к Уголовно-процессуальному кодексу РФ отмечают, что началом исчисления срока часами следует считать тот час и минуты, в которые произошел юридический факт, влекущий за собой течение срока [8, с. 342].

Решение данной проблемы К. Б. Калиновский видит в теории, где для публичного права срок исчисляется от момента [9, с. 139–145]. Это значит, что при исчислении сроков часами и сутками необходимо учитывать текущий час и текущие сутки.

Таким образом, при исчислении сроков часами принимается в расчет час, которым начинается течение срока. Например, если задержание подозреваемого произведено 1 января в 12 часов 15 минут, то 48-часовой срок задержания будет исчисляться начиная с 12 часов 15 минут того же дня.

Большинство установленных в уголовно-процессуальном законе сроков исчисляется сутками. Таковы, например, сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, содержания под стражей, предъявления обвинения и т. д. Выше отмечалось, что при исчислении этих сроков не принимаются в расчет те сутки, которыми начинается течение срока. Например, в отношении подозре-

ваемого применена мера пресечения в виде заключения под стражу в 10 часов 20 апреля. По смыслу ч. 2 ст. 128 УПК РФ 10-суточный срок для предъявления обвинения подозреваемому истекает 30 апреля в 10 часов. Однако срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Значит, срок истекает 30 апреля не в 10 часов, а в 24 часа. Следовательно, не принимаются в расчет те сутки, которыми начинается течение срока. Вместе с тем данное правило закреплено только для исчисления срока месяцами, но не сутками. Поэтому наблюдается коллизия норм ст. 128 УПК РФ. Мы поддерживаем позицию К. Б. Калиновского и считаем, что если окончание срока, исчисляемого сутками, в 24 часа последних суток данного срока благоприятствует защите интересов личности в уголовном процессе, то применяется именно этот срок. Если же фактическое продление срока до 24 часов последних суток умаляет права личности, то срок должен заканчиваться в соответствующий астрономический час.

Так, если постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого вынесено 15 числа какого-либо месяца, то предъявление обвинения должно состояться в течение следующих трех суток, то есть 16, 17 или 18 числа того же месяца. Срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток.

При исчислении сроков месяцами не учитываются текущий час и текущие сутки, в которых имел место юридический факт, влекущий за собой течение срока. Например, постановление о возбуждении уголовного дела вынесено в 10 часов 30 минут 11 декабря. Двухмесячный срок следствия стоит исчислять с 00 часов 12 декабря или 24 часов 11 декабря. Таким же образом будут исчисляться сроки содержания под стражей, домашнего ареста, принудительного нахождения в медицинском стационаре, то есть началом двухмесячного срока содержания под стражей следует считать начало суток, следующих за теми, в которых произведено фактическое лишение свободы. Например, обвиняемый заключен под стражу в 10 часов 20 минут 15 января: 2-месячный срок действия меры пресечения следует исчислять с 00 часов 16 января.

Как указывалось выше, исчисляемый месяцами процессуальный срок заканчивается в 24 часа соответствующего числа последнего месяца. Если последний месяц не имеет соответствующего числа (например, в фев-

рале 28–29 дней), то срок заканчивается в 24 часа последних суток этого месяца. Если окончание срока приходится на нерабочий день, то срок заканчивается на следующий за ним рабочий день.

Выходные и праздничные дни не входят в срок, исчисляемый только сутками. Однако, чтобы не умалять права личности, нерабочее время может не учитываться при исчислении сроков сутками. Так, в 10-суточный срок, установленный для подачи апелляционной жалобы, могут не входить выходные и праздничные дни (например, 8 марта). Под нерабочим временем нужно понимать только общепринятые нерабочие, выходные и праздничные дни. Согласно Трудовому кодексу Российской Федерации общим выходным днем считается воскресенье. Нерабочими праздничными днями являются: 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 8 января – Новый год, 7 января – Рождество Христово, 23 февраля – День защитника Отечества, 8 марта – Международный женский день, 1 и 2 мая – Праздник Весны и Труда, 9 мая – День Победы, 12 июня – День России, 4 ноября – День народного единства. При совпадении выходного и нерабочего праздничного дней, выходной день переносится на следующий после праздничного рабочий день. Согласно Трудовому кодексу РФ выходные дни могут быть перенесены постановлением Правительства РФ на другие дни.

В соответствии со ст. 128 УПК РФ нерабочее время включается в срок содержания под стражей, домашнего ареста, нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую и психиатрическую помощь в стационарных условиях. Законодателем данная норма введена не случайно, поскольку в ней соблюдены основные конституционные права и свободы граждан.

В ряде норм предусмотрены сроки, которые исчисляются годами. Например, одно и то же лицо не может участвовать в течение года в судебном заседании в качестве присяжного заседателя более одного раза (ч. 3 ст. 326 УПК РФ). В данном случае при исчислении сроков годами применяются правила об исчислении сроков месяцами.

Также в законе указан такой процессуальный срок, как день. Если обратиться к нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ, то это период с 6 часов до 22 часов по местному времени. Например, если ч. 6 ст. 172 УПК РФ предусматривает, что обвинение

предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода, то обвинение должно быть предъявлено в этот период времени.

Вместе с тем Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ ч. 1 ст. 191 УПК РФ была изложена в новой редакции, в которой проведение следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 7 лет не может продолжаться без перерыва более 30 минут. Появляется новая величина в исчислении процессуальных сроков – это минуты. Исчисление данных сроков не вызывает затруднений.

В заключение нашего исследования можно сделать вывод о том, что процессуальный срок – это отрезок времени, который установлен законом, в пределах которого участники уголовного судопроизводства вправе либо обязаны выполнить определенные процессуальные действия, имеющие значение гарантии своевременной реализации назначения уголовного судопроизводства, прав и обязанностей его участников.

Для исключения ошибок в исчислении

процессуальных сроков практическими работниками при производстве по уголовным делам необходимо в Уголовно-процессуальном кодексе РФ предусмотреть алгоритм исчисления сроков такими величинами, как часы и сутки. Мы предлагаем ч. 1 ст. 128 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Сроки, предусмотренные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками, месяцами. При исчислении сроков часами учитывается тот час, которым начинается течение срока. При исчислении срока сутками не принимаются в расчет те сутки, которыми начинается течение срока и истекает в 24 часа последних суток. При исчислении срока месяцами не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока, за исключением случаев, предусмотренных настоящим кодексом. При исчислении сроков заключения под стражу, домашнего ареста и нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, в них включается и нерабочее время».

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
2. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов. М., 2004.
3. Маслов И. В. Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков. М., 2004.
4. Томин В. Т., Якупов Р. Х., Дунин В. А. Процессуальные документы, сроки и судебные издержки в уголовном судопроизводстве: лекция. Омск, 1973.
5. Сроки в уголовном судопроизводстве / авт.-сост. Л. И. Лавдаренко; под ред. И. В. Смольковой. Иркутск, 2004.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) // Вед. Федер. Собр. Рос. Федерации. 01.01.2002. № 1. Ст. 1.
7. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. М., 2003.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003.
9. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинград. юрид. журн. 2005. № 2 (3).

Bibliography

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 1996.
2. Yakupov R. H. The criminal process: textbook for high schools. Moscow, 2004.
3. Maslov I. V. Legal regulation of the criminal procedural deadlines. Moscow, 2004.
4. Tomin V. T., Yakupov R. H., Dunin V. A. Procedural documents, terms and court costs in criminal proceedings: lecture. Omsk, 1973.
5. The terms in criminal proceedings / author and compiler L. I. Iavdarenko; ed. by I. V. Smolkova Irkutsk, 2004.
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL (from 19.12.2016) // Statements by the Russian Federation of the Federal Assambly. 01.01.2001. № 1. Art. 1.
7. Bezlepkin B. T. The criminal process of Russia. Moscow, 2003.
8. Commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation / ed. by A. V. Smirnov. St. Petersburg, 2003.
9. Kalinovskiy K. B. Procedural terms in criminal proceedings and their regulation by the Criminal procedure code of the Russian Federation // Leningrad law journal. 2005. № 2 (3).

© 2017 г. Н. В. Рябко,

доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат юридических наук.
E-mail: ttriabko@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, ЦЕЛЯХ И ПРИНЦИПАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

В статье исследуются вопросы, касающиеся понятия наказания, его признаков, цели наказания, принципов назначения наказания в российском уголовном законодательстве. Анализируются представленные в юридической литературе взгляды относительно рассматриваемых категорий, приводится авторская позиция по данным вопросам.

Ключевые слова: наказание, признаки наказания, цели наказания, иные меры уголовно-правового характера, принципы уголовного права, принципы назначения наказания.

N. V. Ryabko – Associate Professor, Department of Criminal Law, Rostov branch of the Russian Customs Academy, PhD in Law.

ABOUT THE CONCEPT, THE PURPOSES AND PRINCIPLES OF SENTENCING

This article examines the issues concerning the concept of punishment, its characteristics, purpose of punishment, the principles of appointment of punishment in the Russian criminal law. Analyses presented in the legal literature regarding the categories, given the author's position on these issues.

Key words: punishment, signs of punishment, objectives of punishment, other measures of criminal-legal nature, principles of criminal law, the principles of sentencing.

Проблема наказания всегда волновала умы юристов и исследователей уголовно-правовой науки, причем настолько, что некоторые авторы по аналогии с понятием и признаками состава преступления выделяли понятие и признаки состава наказания. Мы полагаем, что теоретические разработки понятия состава наказания, безусловно, имеют право на существование, однако желание произвести особое впечатление на юридическую общественность должно сочетаться с реалиями российского уголовного законодательства и потребностями правоприменительной деятельности.

При изучении курса уголовного права Общую часть условно разделяют на две половины. Одна из них связана с преступлением, всеми категориями и институтами уголовного права, которые к данному понятию относятся, это – понятие преступления, признаки преступления, категории преступлений, множественность преступлений (совокупность, рецидив преступлений), неоконченное преступление, добровольный отказ от преступления, соучастие в преступлении, обстоятельства, исключают преступность деяния. Вторая часть условно связана с тем, что относится к наказанию. В данную половину следует включить понятие наказания, его при-

знаки, цели наказания, виды наказаний, назначение наказания, общие начала назначения наказания, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним, иные меры уголовно-правового характера.

Над всеми нормами, включенными как в Общую, так и в Особенную части, располагаются принципы Уголовного кодекса Российской Федерации. Это основные, определяющие идеи, ими руководствуется законодатель при формировании, реформировании закона, принципы уголовного права должны отображать идеальную форму, которой будут соответствовать все применяемые правовые нормы; путем установления единых принципов уголовного законодательства возможно формирование единой правотворческой и правоприменительной деятельности.

В соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ под наказанием понимается мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Сущность наказания заключается в том, что оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных Уголовным ко-

дексом РФ лишения или ограничению прав и свобод этого лица.

В ст. 43 УК РФ определяется лишь понятие наказания. Понятие иных мер уголовно-правового характера в уголовном законе отсутствует. Между тем в ч. 1 ст. 6 УК РФ «Принцип справедливости» законодатель указывает на то, что не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми – соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. В ч. 2 ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма» речь идет о том, что не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

В Общую часть Уголовного кодекса РФ включен «Раздел VI. Иные меры уголовно-правового характера». Данный раздел изначально при принятии в 1996 году Уголовного кодекса РФ содержал только главу 15 «Принудительные меры медицинского характера». Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введена глава 15.1 «Конфискация имущества». Напомним, что конфискация имущества являлась видом наказаний и располагалась в п. «ж» ст. 44 УК РФ. В результате принятия Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ п. «ж» утратил силу и вплоть до 27 июля 2006 года, ровно до того момента, когда конфискация имущества предстала вновь в уголовном законодательстве Российской Федерации в виде иной меры уголовно-правового характера, о ней не вспоминали. В настоящее время в юридической литературе снова ведутся дискуссии о неэффективности конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера и о ее возвращении в ряды уголовных наказаний.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» Уголовного кодекса РФ дополнен главой 15.2 «Судебный штраф». Одновременно в соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ в главу 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» включен такой новый вид освобождения от уголовной ответственности, как «Освобождение от уголовной ответ-

ственности с назначением судебного штрафа» (ст. 76.2 УК РФ).

Сегодня к иным мерам уголовно-правового характера следует относить не только те, которые включены в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера», но также и иные меры, например:

- принудительные меры медицинского характера;
- принудительные меры воспитательного воздействия;
- конфискацию имущества;
- судебный штраф;
- условное осуждение.

Иные меры уголовно-правового характера следует отличать от наказания. Они не предусмотрены в санкциях статей Особенной части, а назначаются на основании норм Общей части Уголовного кодекса РФ. Иные меры уголовно-правового характера не влекут за собой состояния судимости как правового последствия наказания. Наказание имеет свои цели, тогда как не все виды иных мер уголовно-правового характера обладают ими. Так, только принудительные меры медицинского характера в ст. 98 УК РФ «Цели применения принудительных мер медицинского характера» содержат свои цели, присущие только данному виду иных мер уголовно-правового характера. Согласно данной норме «Целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение лиц, указанных в части первой статьи 97 настоящего Кодекса, или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Что касается принудительных мер воспитательного воздействия, то в ст. 92 УК РФ «Освобождение от наказания несовершеннолетних» указано: «...несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического

подхода». Получается, что только такая принудительная мера воспитательного воздействия, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, имеет целью своего применения исправление несовершеннолетнего. Для других видов принудительных мер воспитательного воздействия законодатель специальные цели не устанавливает.

В российском уголовном законодательстве существует система наказаний, представляющая собой внутренне упорядоченный, целостный, расположенный в особом порядке исчерпывающий перечень видов наказаний, нормативно закрепленный в кодифицированном правовом акте. Наказания в уголовном законе расположены от менее строгого к более строгому. В санкциях норм Особенной части имеется такая же система расположения видов наказаний от менее строгого к более строгому. На наш взгляд, более разумным было бы определять перечень видов наказаний в обратном порядке – от более строгого к менее строгому – и не указывать тем самым правоприменителю в санкциях статей Особенной части на то, что следует сначала рассмотреть возможность назначения менее строгого наказания. Полагаем, что данное утверждение не противоречит и ч. 1 ст. 60 УК РФ, согласно которой «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания».

Системность наказания проявляется также в наличии в Уголовном кодексе РФ законодательно установленного перечня основных, дополнительных и смешанных видов наказаний. Более того, в российском уголовном законодательстве существует так называемая «подсистема наказаний» – система наказаний, определяемых и назначаемых только несовершеннолетним.

Наказание имеет строго личный характер, то есть применяется только к лицу, совершившему преступление. Однако в отношении несовершеннолетнего штраф, назначенный такому осужденному за совершение им общественно опасного деяния, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. С одной стороны, казалось бы, отсутствует противоречие в суждении о том, что на-

казание имеет строго личный характер, поскольку наказание в виде штрафа назначается именно несовершеннолетнему осужденному, и сам факт назначения наказания влечет за собой судимость. С другой стороны, исполнение наказания в виде штрафа перекладывается на плечи лиц, не совершавших общественно опасного деяния, и фактически они на себе несут негативные последствия содеянного несовершеннолетним в результате совершения им преступления.

В ч. 2 ст. 43 УК РФ установлены следующие цели наказания: 1) восстановление социальной справедливости, 2) исправление осужденного, 3) предупреждение совершения новых преступлений.

Справедливость как категория лежит в основе правового принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ, и правовой категории восстановления социальной справедливости как цели наказания, указанной в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Большинство приговоров судов нижестоящих инстанций обжалуется в Верховном Суде Российской Федерации именно в связи с нарушением принципа справедливости при назначении наказания [1, с. 31]. Цель восстановления социальной справедливости понимается двояко. С одной стороны, справедливость должна быть восстановлена в отношении потерпевшего, и виновный должен понести наказание за совершение деяния и причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам, интересам личности, общества, государства, то есть наказание должно быть неотвратимым. С другой стороны, лицу, признанному виновным в совершении конкретного деяния, должно быть назначено справедливое наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности деяния, обстоятельствам его совершения, личности виновного.

Понятие исправления осужденного не содержится в Уголовном кодексе РФ. Данное понятие сформулировано в ст. 9 УК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 9 УИК РФ «Исправление осужденных и его основные средства» под исправлением осужденных понимается формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Полагаем, что все же понятие исправления осужденного как цели наказания должно со-

держаться в нормах Уголовного кодекса РФ, которые являются основообразующими для формирования норм уголовно-исполнительного законодательства.

Третья цель наказания – предупреждение совершения новых преступлений. Данная цель является составляющей частью одной из задач Уголовного кодекса РФ. Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» одной из задач является предупреждение преступлений. В теории уголовного права принято предупреждение преступлений относить к такой категории, как превенция, которая подразделяется на общую превенцию, то есть недопущение совершения преступлений всеми гражданами под воздействием правового запрета, указанного в нормах Уголовного кодекса РФ, а также частную превенцию, под которой принято понимать недопущение совершения новых преступлений лицами, уже совершившими общественно опасное деяние, путем применения к ним наказания и иных мер уголовно-правового характера. Получается, что фактически частная превенция, закрепленная первоначально как одна из задач Уголовного кодекса РФ, является одновременно и целью наказания. Полагаем, что данное несоответствие, фактическое повторение одних и тех же норм, должно быть устранено на законодательном уровне.

В юридической литературе имеются разнообразные взгляды на дефиниции принципов назначения наказания. Так, принципами назначения наказания называют основные руководящие идеи, закрепленные в нормах уголовного законодательства и определяющие всю деятельность судов по применению наказания [2, с. 27]. В работах представлены различные подходы к классификации принципов назначения наказания, к которым относят гуманизм, равенство перед законом, справедливость, ответственность за вину, законность, индивидуализацию наказания [3, с. 124]. Принципом назначения наказания называют принцип соответствия наказания общественной опасности преступления [4, с. 15]. При этом, на наш взгляд, универсальными, общепринятыми, общепотребляемыми принципами назначения наказания являются принципы индивидуализации наказания и дифференциации уголовной ответственности.

Представляется, что принципы назначения наказания – это руководящие основополагающие начала назначения наказания, закреплен-

ные в Уголовном кодексе РФ, которые являются неукоснительными для правоприменителя при назначении наказания.

Понятие уголовной ответственности по своему правовому содержанию шире понятия наказания и включает его в себя в качестве одной из составляющих. Под уголовной ответственностью в юридической литературе принято понимать категорию, имеющую двойственную характеристику. Во-первых, под уголовной ответственностью следует понимать обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть определенные судом лишения или ограничения прав и свобод за содеянное и причиненный вред, либо угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Во-вторых – специфическое правоотношение, которое возникает между лицом, совершившим общественно опасное деяние, и государством в лице правоприменительных органов. Данное правоотношение имеет свои временные рамки. Возникает уголовная ответственность теоретически с момента совершения преступления. Но уголовная ответственность может быть реализованной и нереализованной. Не реализуется уголовная ответственность в случае невозможности привлечения лица, совершившего преступление, ввиду его отсутствия и невыевдения правоохранительными органами. Начинает реализовываться уголовная ответственность в случае задержания лица, совершившего преступление, или его явки с повинной. Уголовная ответственность проходит определенные этапы реализации в рамках возбуждения уголовного дела, привлечения лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и т. п. В итоге материалы уголовного дела направляются в суд. Лицо считается невиновным до тех пор, пока в законную силу не вступит обвинительный приговор суда. В случае реального назначения наказания лицо, отбывшее его, должно погасить судимость. С момента погашения или снятия судимости в установленном законом порядке прекращается данное специфическое правоотношение, возникающее между лицом, совершившим преступление, и государством в лице правоприменительных органов по поводу содеянного. При привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, и назначении наказания должны быть реализованы задачи Уголовного кодекса РФ, достигнуты цели наказания, соблюдаться принципы назначения наказания.

Наказание считается довольно сложной юридической категорией. Это итог всей деятельности следственных и судебных органов, показывающий, насколько государство фактически соотносит физические и материальные затраты, произведенные на расследование и рассмотрение уголовного дела, с одной стороны, и реакцию государства на содеянное лицом, совершившим преступление, с другой стороны. Мы полагаем, что при назначении наказания должны быть достигнуты все цели наказания, тогда весы Фемиды окажутся в равновесном положении, будет восстановлена социальная справедливость и само наказание станет справедливым. Это очень сложная задача. Ежедневно в Российской Федерации выносятся сотни приговоров, и только в редких случаях они удовлетворяют обе стороны судебного разбирательства (сторону обвинения и сторону защиты). Времена, безусловно, меняются, судебная система постепенно реформируется, изменяется отношение судей к своей профессии. Тот отпечаток, который наложила деятельность судей в 90-е годы XX века, сразу невозможно стереть из памяти народа и юридической общественности, когда разруха, царившая в государстве, особенно ярко проявлялась именно в судебных решениях. Часть молодежи в этот период мечтала связать свою профессиональную деятельность со службой в правоохранительных или в судебных органах, что позволяло жить обеспеченно, вольготно, возвышаясь над всеми остальными гражданами в стране. Однако принятый в нашем государстве официальный курс на противодействие коррупции, являющийся в настоящее время одним из приоритетов

государственной и уголовной политики, отражается, безусловно, и на деятельности судебного сообщества, которому следует очень внимательно относиться к рассмотрению материалов уголовного дела в суде, вопросам правовой оценки, квалификации деяния и особенно к назначению наказания. Несмотря на то, что наказание назначается по приговору суда, который выносится от имени государства, фактически это делают конкретные люди, имеющие свою позицию, жизненный опыт, опыт профессиональной деятельности. На назначение наказания влияют коррупционные факторы, конъюнктурные особенности, позиция гражданского общества, вышестоящего руководства и т. п. В юридической литературе достаточно часто приводится пример, когда несколькими судьям предоставили материалы одного и того же дела и практически все из них вынесли разные решения, выразившиеся в установлении различных видов и размеров наказания. Существующие в настоящее время в санкциях статей огромные возможности для судебного усмотрения, отсутствие минимального предела препятствуют достижению цели восстановления социальной справедливости. Так, в санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ установлено наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет. Максимальный предел назначения наказания превышает минимальный в 90 раз. Полагаем, что следует ограничить судебское усмотрение, которое должно быть минимальным, при этом необходимо соблюдение всех принципов и правил назначения наказания, достижение целей как общей, так и специальной превенции.

Литература

1. Безручко Е. В. Учет справедливости как правовой и социально-философской категории при назначении наказания за причинение вреда здоровью человека // *Философия права*. 2015. № 2.
2. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006.
3. Велиев С. А. Принципы назначения наказания. СПб., 2004.
4. Мицкевич А. Ф. Принцип соответствия наказания общественной опасности преступления в советском уголовном праве (понятие, обоснование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1985.

Bibliography

1. Bezruchko E. V. The Account of justice as the legal and socio-philosophical categories when sentencing for causing harm to human health // *Philosophy of law*. 2015. № 2.
2. Nepomnyashchaya T. V. The Purpose of criminal punishment: theory, practice, prospects. St. Petersburg, 2006.
3. Veliev S. A. Principles of sentencing. St. Petersburg, 2004.
4. Mickiewicz A. F. Principle of matching punishment of public danger of the crime in the Soviet criminal law (concept, rationale): abstract of dis. ... PhD in Law. Tomsk, 1985.

© 2017 г. А. Р. Акиев,

адъюнкт Омской академии МВД России.
E-mail: Melhi530@mail.ru

СТРУКТУРА ГЛАВЫ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются существующие в юридической литературе классификации норм, направленных на охрану интересов семьи и несовершеннолетних. Проводится анализ непосредственных объектов преступлений, содержащихся в главе 20 Уголовного кодекса Российской Федерации. Предложена авторская классификация норм рассматриваемой главы.

Ключевые слова: преступления против интересов семьи, преступления против несовершеннолетних, объект преступления, классификация, глава 20 Уголовного кодекса Российской Федерации.

A. R. Akiev – Adjunct, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

THE CHAPTER ON CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS

The article discusses the existing in the legal literature classification standards aimed at protecting the interests of family and minors. The analysis of the immediate objects of the crimes contained in Chapter 20 of the Criminal code of the Russian Federation. The author's classification of norms the Chapter under consideration.

Key words: crimes against the family, crimes against minors, the object of the crime, classification, Chapter 20 of the Criminal code of the Russian Federation.

Уголовное законодательство занимает важное место в системе правовых средств охраны интересов семьи и несовершеннолетних. Оно охраняет многие права и свободы членов семьи, в числе которых жизнь, здоровье, половая свобода и неприкосновенность и др. Помимо этого, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит отдельную главу 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних», призванную охранять семью и несовершеннолетних как участников семейных отношений. Однако ни действующее отраслевое – семейное, ни уголовное законодательство не определяют содержание категории «семья», в связи с чем возникают противоречия при определении одного из видовых объектов охраны главы 20 УК РФ – семьи, а также разграничении норм, включенных в рассматриваемую главу на основе непосредственного объекта охраны, на нормы, направленные на охрану интересов семьи, и нормы, направленные на охрану интересов несовершеннолетних.

Законодатель, обособляя группу преступлений в отдельную главу УК РФ, основывается на объекте охраны (в сфере охраняемых общественных отношений). Однако специалисты в области уголовного права высказывают различные мнения, определяя видовой (родовой) объект преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ. Одни [1, с. 167; 2, с. 155] ведут

речь о наличии в главе 20 УК РФ двух видовых объектов: интересов семьи, а равно – интересов несовершеннолетних, в то время как другие [3, с. 95–111] вовсе не выделяют семью и ее интересы в качестве объекта охраны, сводя охрану интересов семьи к охране ее несовершеннолетних членов.

Мы считаем более верной позицию авторов, которые выделяют в главе 20 УК РФ два блока норм, имеющих самостоятельные видовые объекты: интересы семьи и интересы несовершеннолетних. Данный подход в свою очередь полностью разделяется законодателем, о чем свидетельствует формулировка названия главы 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» [4]. Объединение этих групп норм, имеющих самостоятельный видовой объект охраны, в одну главу связано, во-первых, с общностью понятий «семья» и «несовершеннолетние», которые чаще всего воспринимаются как целое и часть, а во-вторых, с равнозначной ценностью для государства и для общества охраны нормального функционирования института семьи, а также нормального нравственного и физического развития несовершеннолетних [5, с. 102].

Разделение составов, содержащихся в главе 20 УК РФ, на преступления против интересов семьи и преступления против интересов несовершеннолетних проводится автора-

ми на основе непосредственных объектов охраны норм, находящихся в рассматриваемой главе, в зависимости от которых ученые предлагают их различные классификации. Так, одни исследователи [6, с. 136–137; 7, с. 334] к преступлениям, посягающим на интересы семьи, относят ст. 153, 154, 155, 157 УК РФ, а к группе преступлений против интересов несовершеннолетних – ст. 150, 151, 151.1 и 156 УК РФ.

Иную классификацию норм, содержащихся в главе 20 УК РФ, предлагают Н. В. Вишнякова и О. Н. Распушкина, разделяя статьи следующим образом: ст. 150, 151, 151.1 и 156 УК РФ – преступления, посягающие на нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних; ст. 155, ч. 1 ст. 157 УК РФ – преступления, посягающие как на нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних, так и на интересы семьи; ст. 153, 154 и ч. 2 ст. 157 УК РФ – преступления, посягающие на нормальные, установленные государством условия функционирования семейных отношений [8, с. 57].

Однако не всеми авторами поддерживается деление преступлений, содержащихся в главе 20 УК РФ, в зависимости от объекта. Так, по мнению В. П. Ревина [9, с. 245–246], все преступления, предусмотренные главой 20 УК РФ, в принципе посягают одновременно и на интересы несовершеннолетних, и на интересы семьи.

Следует также отметить, что рассмотренные нами выше классификации не являются единственными, и некоторые авторы [10, с. 127–158; 11, с. 230.] к преступлениям, посягающим на интересы семьи и несовершеннолетних, относят и нормы, содержащиеся в других разделах и главах Уголовного кодекса РФ. Основным критерием отнесения ими других норм Уголовного кодекса РФ к группе преступлений, посягающих на интересы семьи либо на интересы несовершеннолетних, является наличие квалифицирующего признака состава, где содержится прямое указание на совершение преступления в отношении малолетнего или несовершеннолетнего (например, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ – «убийство малолетнего», п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ – «похищение человека... в отношении заведомо несовершеннолетнего», п. «а» ч. 3 ст. 131 – «изнасилование несовершеннолетней» и др.) либо квалифицирующим признаком выступает совершение преступного деяния в отноше-

нии беременной женщины (например, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ – «убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности», п. «в» ч. 2 ст. 117 УК РФ – «истязание... в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности» и др.).

Помимо отнесения к рассматриваемой группе преступлений составов из других глав Уголовного кодекса РФ на основе квалифицирующего признака авторы включают в нее и отдельные нормы, направленные на охрану малолетних либо несовершеннолетних как отдельной категории лиц, например ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка», ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», ст. 240.1 УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», ст. 242.2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» и др., а также на охрану прав и законных интересов других лиц как участников семейных отношений, например: ст. 145 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет»; ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат», в которой к выплатам относится материальная помощь семье в виде материнского капитала, детских пособий, материальных выплат на покупку жилья молодым семьям и др. [4].

Несмотря на все аргументы сторонников указанного подхода, полагаем, что размещение обозначенных норм в других разделах и главах Уголовного кодекса РФ является обоснованным, так как в главе 20 УК РФ содержатся нормы, приоритетно направленные на охрану интересов семьи и несовершеннолетних. Основным объектом охраны обозначенных норм, содержащихся в других главах Уголовного кодекса РФ, выступают другие общественные отношения, а интересы семьи и несовершеннолетних в каждом таком составе служат дополнительным, или факультативным, объектом, зачастую отягчающим наказание для виновного.

Включение в главу 20 УК РФ вышеперечисленных норм привело бы к дублированию и не совсем соответствовало бы классификации разделов и глав Уголовного кодекса РФ,

в основу которых закладывается иной объект охраны, сфера регулируемых и охраняемых отношений. Это объясняет и законодательную логику размещения норм Особенной части Уголовного кодекса РФ по главам. Ведь даже при простом бытовом убийстве мужчины, которое квалифицируется по ст. 105 УК РФ, можно говорить о том, что причиняется вред интересам семьи (так как семья лишилась кормильца, дети – отца и т. д.) [5, с. 43].

Проведенный анализ существующих в юридической литературе позиций и классификаций норм, содержащихся в главе 20 действующего кодекса, а также норм других его разделов и глав позволяет констатировать, что к преступлениям, посягающим на интересы семьи и несовершеннолетних, относятся нормы, содержащиеся именно в главе 20 УК РФ.

Существование в научной литературе большого количества классификаций норм, включенных в главу 20 УК РФ, подчеркивает их спорность и помимо простого деления требует более детального рассмотрения и анализа. Так, отнесение авторами ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» и ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» к группе преступлений против несовершеннолетних считаем оправданным. Данные составы направлены в первую очередь на защиту нравственного, физического и психического развития несовершеннолетнего, о чем свидетельствует и законодательная формулировка названия статей, в которых прямо указан «несовершеннолетний» как специальный субъект охраны. Несомненно, семья и дети связаны между собой, и если толковать объект охраны расширительно, как это предлагают некоторые авторы [9, с. 245–246], то и при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественного действия в определенной степени нарушаются интересы семьи, для которой чаще всего важно и значимо нормальное воспитание и развитие несовершеннолетнего члена семьи. Если следовать этой логике, то совершение любого преступления против личности как взрослого человека, так и несовершеннолетнего будет затрагивать в большей или меньшей сте-

пени интересы семьи, к которой он принадлежит. Однако не стоит упускать из виду реалии жизни, когда дети остаются сиротами – следовательно, не являются членами какой-либо семьи, в таком случае вообще нельзя говорить о том, что вред причиняется интересам семьи.

К группе преступлений, посягающих на интересы детей, входящих в главу 20 УК РФ, считаем необходимым также отнести и ч. 1 ст. 157 УК РФ. Хотя многие авторы относят саму норму к группе преступлений против интересов семьи, полагаем это не совсем верным. Так, исходя из содержания диспозиции ч. 1 ст. 157 УК РФ можно утверждать, что она охраняет имущественные права несовершеннолетних детей, закрепленные в ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста (ст. 85 СК РФ), ч. 2 ст. 157 УК РФ направлена на охрану имущественных прав, закрепленных в ст. 87 СК РФ, нетрудоспособных родителей, находящихся на содержании у детей, в отношении которых нетрудоспособные родители исполняли свои обязанности. Рассматриваемая норма охраняет именно имущественные права конкретного субъекта – несовершеннолетнего либо нетрудоспособного совершеннолетнего ребенка или родителя, хотя и являющихся участниками семейных отношений, но обладающих ими как отдельные носители субъективного права.

Из приведенных нами ранее классификаций норм главы 20 УК РФ часть авторов относят ст. 154 УК РФ к преступлениям, посягающим на интересы семьи. Однако мы считаем необходимым отнести указанную норму именно к группе норм, охраняющих интересы несовершеннолетнего. Сама норма является бланкетной, а объективная сторона преступления выражается в незаконных действиях по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи. Согласно Семейному кодексу РФ усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей *и только в их интересах* (ст. 124 СК РФ), опека или попечительство устанавливаются над детьми, оставшимися без попечения родителей, *в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов* (ст. 145 СК РФ). Передача ребенка в приемную семью также осуществляется

именно в *интересах ребенка* (ст. 153.1 СК РФ) [12]. Анализ норм семейного законодательства позволяет утверждать, что все процедуры, связанные с устройством ребенка в новую семью либо передачей его под опеку или попечительство, осуществляются именно в интересах ребенка в целях его содержания и семейного воспитания.

Следовательно, при нарушении порядка усыновления либо передачи ребенка под опеку или попечительство с нарушением требований законодательства нужно говорить о том, что ставится под угрозу именно несовершеннолетний и его права на воспитание и содержание в семье, соответствующей предъявляемым законодателем требованиям и способной наиболее полно обеспечить реализацию прав и интересов ребенка. Но с мнением о нарушении незаконными действиями по усыновлению интересов семьи сложно согласиться. Так, если речь идет об усыновлении детей, чьи родители лишены родительских прав либо уклоняются от исполнения своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей, интересы семьи не нарушаются, поскольку семья как таковой не существует, отстранение родительской семьи от исполнения обязанностей в отношении своего ребенка и явилось основанием устройства его в другую семью, а если – о детях, оставшихся сиротами, то здесь вообще не существует семьи, которой мог быть причинен вред.

Анализ авторских классификаций, а также более детальное рассмотрение затрагиваемых в них норм позволил нам выделить из главы 20 УК РФ ст. 150, 151, 151.1, 154, 156 и ч. 1 ст. 157 УК РФ, которые, по нашему мнению, направлены на охрану нравственного, психического и духовного развития имущественных прав несовершеннолетнего, формирование у него недеформированного правосознания и выработку потребности правомерного поведения. Факультативным объектом в указанных составах может выступать здоровье, честь и достоинство несовершеннолетнего.

Разные точки зрения в научной литературе высказывают и относительно непосредственного объекта охраны ст. 153 УК РФ. Так, А. Н. Красиков к объекту охраны ст. 153 УК РФ относит «неотчуждаемое право ребенка находиться, расти и воспитываться в семье» [13, с. 172]. Ю. Е. Пудовочкин утверждает, что «объектом подмены ребенка должны быть признаны общественные отношения, скла-

дывающиеся в процессе реализации права ребенка проживать с родителями и воспитываться в семье» [14, с. 43–44]. А. Е. Якубов помимо прав законных интересов ребенка объектом «подмены ребенка» выделяет и законные интересы и права родителей, установленные главой 12 СК РФ «Права и обязанности родителей» [15, с. 128–146]. Большинство исследователей все же в качестве непосредственного объекта преступления выделяют интересы семьи как целостного образования (Н. И. Ветров, П. Г. Пономарев, Ю. В. Ускова, Л. Л. Кругликов) [16, с. 39; 17, с. 152; 5, с. 77].

Нам представляется, что более верными являются позиции авторов, которые не сводят объект охраны ст. 153 УК РФ лишь к интересам ребенка. Такой вывод обусловлен специфичностью самой семьи как общности лиц, связанных брачными и (или) родственными отношениями» [18, с. 86–90], что позволяет говорить о том, что интересы семьи – это объединенный интерес ее членов. При подмене ребенка нарушаются как права ребенка на воспитание своими родителями, их заботу, совместное с ними проживание (ст. 54–60 СК РФ), так и аналогичные права родителей воспитывать своих детей, не разлучаться со своими детьми вопреки своей воле, не иначе как по судебному решению (ст. 61–79 СК РФ). Даже с точки зрения уголовно-процессуального закона потерпевшими от данного преступного деяния будут признаваться как дети, так и их родители, вторые в данном случае будут выступать также и законными представителями несовершеннолетних детей. Еще один аргумент в пользу того, что ст. 153 УК РФ охраняет общесемейные интересы, – состав подмены не образует действия родителей, обменявшихся детьми по взаимному согласию. Авторы объясняют это тем, что элементы аморальности присутствуют в данном случае, но «их нельзя приравнять к корысти или иным низменным побуждениям, поскольку обе стороны желают иметь и воспитывать ребенка» [19, с. 407]. О. С. Колмакова, рассуждая об общественной опасности данного деяния, указывает на нарушение права ребенка воспитываться в своей семье [20, с. 85]. С этим утверждением трудно согласиться хотя бы потому, что родители (родитель) отказываются при таких действиях от своего ребенка, а также от прав и обязанностей по его содержанию и воспитанию, желая воспитывать другого ребенка (например, обменять мальчика на девочку).

Следовательно, к непосредственному объекту охраны ст. 153 УК РФ следует отнести интересы семьи, представляющие совокупность отношений, обеспечивающих реализацию права ребенка воспитываться и жить со своими родителями, равно права родителей воспитывать своего ребенка и не разлучаться с ним вопреки своей воле.

Нет единого мнения в юридической литературе и по вопросу, чему непосредственно причиняется вред в результате разглашения тайны усыновления (удочерения). Одни авторы [21, с. 125; 22, с. 34] относят к непосредственному объекту охраны личность несовершеннолетнего (нематериальные условия нормального развития и формирования его личности), другие исследователи [23, с. 110; 5, с. 94] полагают, что непосредственным объектом охраны ст. 155 УК РФ являются интересы семьи.

Решение этого вопроса связано с определением круга субъектов, интересы которых данная тайна затрагивает. Конституционный Суд Российской Федерации в отношении тайны усыновления указал, что установленный государством правовой режим тайны усыновления «направлен на создание полноценных семейных, подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, обеспечение стабильности усыновления, защиту прав и интересов *всех членов семьи*» [24].

Вред, причиняемый разглашением сведений, составляющих тайну усыновления, не должен и не может сводиться только к несовершеннолетнему. В пользу этого можно привести следующие аргументы.

Во-первых, нормы семейного законодательства не устанавливают какие-либо возрастные рамки ребенка, после которых разглашение ему тайны усыновления не будет признаваться противоправным. Так, потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, признан двадцатитрехлетний Б. В ходе судебного разбирательства по факту нанесения К. побоев сыном ее племянника Б. потерпевшая К. на вопрос о том, кем ей приходится подсудимый, ответила, что тот является не родным, а усыновленным ребенком ее племянника. Б. об этом узнал впервые [25, с. 287].

Во-вторых, ни семейное законодательство (ст. 139 СК РФ), ни ст. 155 УК РФ, устанавливающая ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения), не содержат указания на несовершеннолетнего как

на специального субъекта охраны от разглашения ему информации, составляющей тайну его усыновления, как, например, это сделано законодателем в ч. 2 ст. 242 УК РФ, в которой отягчающим наказанием обстоятельством признается «распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних...». Обозначенная норма прямо направлена на охрану несовершеннолетнего от информации (порнографических материалов), которая может причинить вред его нормальному психическому развитию. Более того, в существующей практике, когда уголовный закон охраняет тайну усыновления, даже если для усыновленного ребенка это не является тайной (ч. 1 ст. 132 СК РФ предписывает получение согласия на усыновление ребенка, достигшего возраста 10 лет), или в случаях, когда ребенку это не было известно, а ему рассказали об этом его приемные родители, данные сведения не утратили значения своей «тайности» для семьи, в которой воспитывается усыновленный ребенок. И это не означает, что данные сведения, являющиеся «семейной тайной», могут быть разглашены третьим лицам. Норма 155 УК РФ направлена не столько на защиту ребенка от информации о его усыновлении, сколько на обеспечение неприкосновенности семейной жизни и на защиту семьи от вмешательства посторонних лиц.

Поэтому сведения некоторыми исследователями объекта охраны лишь к личности несовершеннолетнего, защите его нормального нравственного и психического развития считаем не совсем верным. Из приведенного выше примера следует, что применительно к ст. 155 УК РФ в термин «ребенок» вкладывается другое содержание – «ребенок конкретных усыновителей», следовательно, это могут быть и лица, достигшие восемнадцати лет. По нашему мнению, преступным разглашением тайны усыновления причиняется вред всей семье в лице ее членов.

Поэтому объект охраны ст. 155 УК РФ – неприкосновенность семейной жизни и интересы семьи, направленные на создание полноценных семейных отношений, подлинно родственных связей между усыновителем и усыновленным.

Проведенный анализ авторских классификаций, а также непосредственных объектов

преступлений, входящих в главу 20 УК РФ, позволяет предложить их следующую классификацию:

1) ст. 150, 151, 151.1, 154, 156 и ч. 1 ст. 157 УК РФ регламентируют ответственность за преступления, посягающие на интересы несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных детей;

2) ст. 153 и 155 УК РФ регламентируют ответственность за преступления, посягающие на интересы семьи;

3) ч. 2 ст. 157 УК РФ регламентирует ответственность за преступления, посягающие на имущественные права родителей как отдельных носителей субъективного права.

Литература

1. Уголовное право России. Особенная часть. Т. 2 / под ред. А. Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998.
2. Уголовное право Российской Федерации / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 1997.
3. Гуль Н. В. Конституционное право на защиту семьи в уголовном законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 07.02.2017). URL: <http://consultant.ru>
5. Ускова Ю. В. Уголовно-правовая охрана семьи: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001.
6. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
7. Брагин А. П. Российское уголовное право: учеб.-практ. пособие. М., 2012.
8. Вишнякова Н. В., Распушкина О. Н. Уголовное право России. Особенная часть. Омск, 2013.
9. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В. П. Ревина. М., 2010.
10. Андреев В. Л. Интересы семьи и несовершеннолетних как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.
11. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 2: Особенная часть. М., 2011.
12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 30.12.2015). URL: <http://consultant.ru>
13. Красиков А. Н. Преступления против личности. Саратов, 1999.
14. Пудовочкин Ю. Е. Уголовная ответственность за подмену ребенка // Уголовное право. 2001. № 3.
15. Шищенко Е. А., Палий О. И. Актуальные уголовно-правовые вопросы квалификации подмены ребенка // Науч. журн. КубГАУ. 2016. № 118.

Bibliography

1. Criminal law of Russia. The special part. Vol. 2 / ed. by A. N. Ignatov, Y. A. Krasikov. Moscow, 1998.
2. Criminal law of the Russian Federation / ed. by G. N. Borzenkova, V. S. Komissarova. Moscow, 1997.
3. Gul N. V. The constitutional right to protection of the family in the criminal legislation of Russia: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2009.
4. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FL (as amended on 07.02.2017). URL: <http://consultant.ru>
5. Uskova Yu. V. Criminal-legal protection of the family: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2001.
6. Criminal law of Russia: the special part / ed. by A. I. Rarog. 4th ed., revised and expanded. Moscow, 2010.
7. Bragin A. P. Russian criminal law: the uchebno-practical allowance. Moscow, 2012.
8. Vishnyakova N. V., Rashupkina O. N. Criminal law of Russia. Special part. Omsk, 2013.
9. Criminal law of Russia. The special part / ed. by V. P. Revin. Moscow, 2010.
10. Andreev V. L. The Interests of family and minors as an object of criminal legal protection: dis. ... PhD in Law. St. Petersburg, 2011.
11. Naumov A. V. Russian penal law: course of lectures. Vol. 2: Special part. Moscow, 2011.
12. Family code of the Russian Federation from 29.12.1995 № 223-FL (as amended on 30.12.2015). URL: <http://consultant.ru>
13. Krasikov A. N. Crimes against the person. Saratov, 1999.
14. Pudovochkin Yu. E. Criminal liability for substitution of a child // Criminal law. 2001. № 3.
15. Shishchenko E. A., Paliy O. I. Topical criminal law issues of qualification of substitution of the child // Scientific journal of the Kuban state agrarian University. 2016. № 118.
16. Vetrov N. I. Protection of the family interests of criminal legal means. Moscow, 1990.
17. Russian criminal law: in 2 t. Т. 2: The special part / ed. by A. I. Rarog. Moscow, 2004. (author of Chapter 6 P. G. Ponomarev).

16. Ветров Н. И. Охрана интересов семьи уголовно-правовыми средствами. М., 1990.
17. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2004. (авт. гл. 6 П. Г. Пономарев).
18. Векленко В. В., Акиев А. Р. Юридическая природа понятия «семья» // Общество и право. 2016. № 2 (56).
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2004.
20. Колмакова О. С. Преступления, посягающие на права ребенка в сфере семейных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
21. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996.
22. Савельева В. С. Уголовная ответственность родителей за злостное уклонение от уплаты алиментов. М., 1982.
23. Решетникова Г. А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.
24. По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П. URL: <http://consultant.ru>
25. Энциклопедия уголовного права. Т. 17: Преступления против семьи и несовершеннолетних. СПб., 2011.
18. Veklenko V. V., Akiev A. R. Legal nature of the concept of «family» // Society and the law. 2016. № 2 (56).
19. The comment to the Criminal code of the Russian Federation / ed. by V. M. Lebedev. Moscow, 2004.
20. Kolmakova O. S. The Crimes encroaching on the rights of the child in the family sphere: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2014.
21. Criminal law of the Russian Federation. The special part / ed. by B. V. Zdravomyslov. Moscow, 1996.
22. Savelyeva V. S. Criminal liability of parents for willful evasion of alimony. Moscow, 1982.
23. Reshetnikova G. A. Criminal-law protection of families and minors: dis. ... PhD in Law. Izhevsk, 2005.
24. On business about check of constitutionality of provisions of article 139 of the Family code of the Russian Federation and article 47 of the Federal law «On acts of civil status» in connection with complaints of citizens G. F. Grubich and T. G. Gushchina: decision of the constitutional Court of the Russian Federation from June 16, 2015 № 15-P. URL: <http://consultant.ru>
25. Encyclopedia of criminal law. T. 17: Crimes against family and minors. St. Petersburg, 2011.

© 2017 г. А. М. Просочкин,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: prosrui@mail.ru

МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ СТАНОВИТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН МЕНЯЕТСЯ, НО ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ

В статье рассматриваются различные подходы, представленные в юридической литературе, относительно появления уголовно-правового запрета на совершение мелкого хищения, ответственность за которое предусмотрена Кодексом об административных правонарушениях. Обозначаются проблемы, возникающие в связи с введением нового уголовного запрета. Предлагаются пути решения некоторых вопросов, касающихся уголовно-правовой регламентации хищений.

Ключевые слова: мелкое хищение, административная преюдиция, хищение, изменения в Уголовном кодексе Российской Федерации, сумма похищенного.

A. M. Prosochkin – Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

PETTY THEFT BECOMES A CRIME: CRIMINAL LAW CHANGES, BUT QUESTIONS REMAIN

The article discusses the various approaches presented in the legal literature concerning the occurrence of criminal prohibitions on committing petty theft, responsibility for which is provided by the Code about administrative offences. These are the gaps arising with the introduction of the new criminal prohibition. The ways to solve some issues concerning the criminal-legal regulation of theft.

Key words: petty theft, administrative prejudice, theft, changes in the Criminal code of the Russian Federation, change of the Criminal code, the amount stolen.

Административная преюдиция, являющаяся, по существу, средством трансформации неоднократно совершенных административных проступков в правонарушение качественно иного типа – преступления, в настоящее время активно внедряется в российский уголовный закон. В 2009 году в Уголовный кодекс Российской Федерации было введено положение, касающееся ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», в 2011 году – ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». Далее законодатель только увеличивал темпы внесения подобных новелл, так, за период с июля 2014 года по декабрь 2015 года включительно административная преюдиция появилась уже в пяти статьях данного законодательного акта (ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»; ст. 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект»; ч. 2 ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений»; ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым ад-

министративному наказанию»; ст. 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организацией, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности»).

Как уже нами указывалось [2, с. 63], конструкция административной преюдиции возникла далеко не в советский период, задатки ее существовали и в законодательстве царской России [1, с. 46]. Например, в период правления Петра I азартные игры на деньги были под запретом. С учетом направленности государственной политики на развитие армии издавались специальные нормативные правовые акты, предусматривающие дополнительные виды ответственности для военнослужащих. Так, с целью исключения азартных игр среди военнослужащих в ст. 59 Воинского артикула от 26 апреля 1715 года военнослужащие, проигравшие оружие либо форменное обмундирование, в первый раз подвергались телесному наказанию пшищуртенами (длинный гибкий древесный прут для телесных наказаний в XVII–XIX веках), в третий раз – уже в виде смертной казни. В Уложении о наказаниях уголовных и исправ-

тельных 1845 года также предусматривалась конструкция административной преюдиции. Таким образом, административная преюдиция в законодательстве царской России формулировалась как межотраслевой рецидив правонарушений.

Действительно, в период советской власти в уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926, 1960 годов существовало множество составов уголовных преступлений, образованных административной преюдицией. В данных законах имелись положения о так называемой «однократной» (одноразовой) административной преюдиции, под которой в науке понимается привлечение лица к уголовной ответственности после наложения хотя бы одного административного взыскания, если этому уже предшествовало административное наказание за совершение аналогичного правонарушения. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года присутствовало около пятнадцати составов преступлений, которые предусматривали ответственность за имущественные, хозяйственные, экологические, транспортные преступления и преступления против порядка управления: ст. 94.1, 94.2, 154.1, 156, 156.4, 162, 162.1, 166, 166.1, 197.1, 198, 198.2, 211.1, 219.1.

Наконец, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «с целью гуманизации уголовного законодательства» [3, с. 63] в уголовный закон внесен ряд изменений, в том числе введена уголовная ответственность за совершение мелкого хищения с применением административной преюдиции. Попытаемся разобраться в «плюсах» и «минусах» подобной новеллы.

Словосочетание «мелкое хищение» – это бланкетный термин, значение которого устанавливается при обращении к ст. 7.27 КоАП, где приводится дефиниция мелкого хищения, включающего в себя два его вида. К первому из них относится мелкое хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает 1 тыс. рублей, путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2–4 ст. 158, ст. 158.1, ч. 2–4 ст. 159, ч. 2–4 ст. 159.1, ч. 2–4 ст. 159.2, ч. 2–4 ст. 159.3, ч. 2–4 ст. 159.5, ч. 2–4 ст. 159.6, ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ (ч. 1 ст. 7.27 КоАП). Ко второму – мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1 тыс. рублей, но не более 2,5 тыс. рублей путем совершения тех же деяний (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ). Причем признаки указанных деяний – мошенничества и хищения вверенного имущества – приведены не в Кодексе об административных правонарушениях РФ, а в соответствующих нормах главы 21 Уго-

ловного кодекса РФ. Таким образом, вопросы уголовной ответственности за мелкое хищение имеют комплексное, межотраслевое регулирование, и, следовательно, изменения законодательства об административной ответственности могут повлечь за собой сокращение либо, напротив, расширение пределов действия норм об ответственности за указанные преступные формы хищений.

Действительно, во-первых, российское законодательство перенасыщено уголовно-правовыми запретами. Вследствие этого через механизм уголовной ответственности в 1992–2001 годах ежегодно «проходило» более 1,5 млн взрослого населения страны, а в 2012–2015 годах – около 900 тыс. Однако следует понимать, что эта дорога ведет к значительной криминализации общества. Во-вторых, данные очевидные факты привели к формированию у высших должностных лиц государства мнения о необходимости декриминализации ряда деяний, не имеющих большой общественной опасности, и общему «смягчению» карательной политики. Так, председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отстаивает эту позицию на протяжении уже целого ряда лет [4].

В части изменений, касающихся предложений о введении в действие уголовной ответственности за совершение мелкого хищения лицами, подвергнутыми административному наказанию, представляется, что данный шаг будет не только своевременным, но и правильным. С учетом сложной экономической ситуации в стране неминуемо может возникнуть опасность роста преступлений, связанных с хищениями имущества, поэтому наличие в УК РФ ст. 158.1 может оказать реальное предупреждающее воздействие.

Получается некое двунаправленное движение: с одной стороны, происходит декриминализация хищений до 2,5 тыс. рублей, а с другой стороны – установление уголовной ответственности в случае неоднократного совершения «мелких» хищений.

Уголовная ответственность за совершение рассматриваемого противоправного деяния наступает в отношении лиц, подвергнутых за ранее совершенное деяние административному наказанию. По мнению некоторых авторов, например Б. Я. Гаврилова, Е. В. Роговой [5], данное положение нарушает один из основополагающих конституционных принципов, который заключается в том, что лицо не может дважды нести ответственность за одно и то же деяние, от чего российский законодатель отказался еще в 2003 году (Федеральный

закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [6]).

С одной стороны, в силу увеличения минимальной суммы в категорию административных правонарушений переведены хищения, повлекшие за собой причинение ущерба до 2,5 тыс. рублей (ранее административно наказуемыми считались хищения, причинившие ущерб до 1 тыс. рублей). При этом административная ответственность дифференцируется в зависимости от размера похищенного – до 1 тыс. рублей и от 1 до 2,5 тыс. рублей. Одновременно введена административная преюдиция для случаев, когда лицо вновь совершает хищение на сумму от 1 до 2,5 тыс. рублей, будучи ранее уже подвергнутым административному наказанию за подобное деяние: теперь виновный уже привлекается к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ. Также до 5 тыс. рублей увеличен минимальный размер ущерба, при котором он может быть признан значительным для квалификации деяния по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Увеличение суммы уголовно наказуемого хищения с 1 тыс. рублей может быть оправданно ввиду сложившихся экономических реалий. Уже прошло семь лет с момента установления предела – 1 тыс. рублей – для мелкого хищения имущества (ст. 7.27 КоАП РФ), а инфляция за это время оказала существенное влияние на финансовое состояние общества.

В свою очередь и установление значительного ущерба на отметке от 5 тыс. рублей представляется спорным. Минимальный размер оплаты труда в соответствии с Федеральным законом «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 № 82-ФЗ в редакции Федерального закона 02.06.2016 № 164-ФЗ в стране с 1 июля 2016 года в России составляет 7,5 тыс. рублей, а прожиточный минимум согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 01.12.2016 № 1275 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за III квартал 2016 года» на душу населения – 9 889 рублей.

Не можем не согласиться также с мнением М. Гончарова, генерального директора Фонда поддержки пострадавших от преступлений, высказанным им по поводу предложенных Верховным Судом РФ изменениям, ставшим впоследствии нормами уголовного закона, которые направлены на гуманизацию законодательства и декриминализацию ряда статей Уголовного кодекса РФ. Он рассуждает следующим образом: «У пенсионеров средний

размер пенсии около 12 тысяч рублей, при этом у значительных групп пенсионеров он ниже 10 тысяч рублей в месяц. Необходимо отметить, что реальные доходы населения в 2016 году снизились практически на 10 % по сравнению с 2014–2015 годами, значительно возросли расходы на услуги ЖКХ, снизилась покупательская способность». Данное высказывание нашло свое отражение в открытом отзыве на сайте указанной организации [7].

П. А. Скобликов справедливо отмечает, что в результате «мелкого» хищения многие пострадавшие лишаются денег, которые обеспечивают им жизнь в течение недели и дольше, а в случае кражи потерпевшие должны еще на чем-то экономить, радикально пересмотреть бюджет [8].

В ходе опросов, организованных фондом «Общественное мнение», в начале лета 2015 года более 63 % россиян отметили, что за последние три месяца им пришлось скорректировать свои привычки, связанные с покупкой продуктов питания [9]. В частности, они стали покупать продукты более дешевых марок (40 %), отказались от некоторых продуктов или в целом сократили объем покупаемых продуктов (по 30 %). Кроме того, 13 % опрошенных стали реже «ходить в магазин за едой». По словам 50 % респондентов, в последние полгода они экономят на продуктах питания больше, чем раньше, 4 % – меньше. Между тем для 35 % россиян в этом плане ничего не изменилось, и только 8 % заявили, что «не экономят на еде».

Значительный ущерб – это не постоянная категория в отличие от иных размеров похищенного, категория оценочная, складывающаяся из имущественного положения потерпевшего и минимальной стоимости похищенного имущества. Отсюда оценка наличия данного квалифицирующего признака в каждом случае индивидуальна.

Принимая во внимание уровень благосостояния населения, для правильной и объективной оценки общественной опасности наступивших последствий от действий виновных представляется целесообразным скорректировать минимальную сумму значительного ущерба в сторону ее снижения до минимальной суммы уголовно-правового хищения, то есть 2,5 тыс. рублей.

При определении стоимости похищенного как среди ученых, так и среди правоприменителей нередко ведутся споры относительно исчисления стоимости похищенного имущества: следует здесь исходить из розничной или закупочной (оптовой) цены товара? Так, по одно-

му из уголовных дел при рассмотрении возражений стороны защиты, которые состояли в указании на необходимость исключения из стоимости похищенного имущества торговой наценки, установленной потерпевшей, вышестоящая судебная инстанция заключила, что суд первой инстанции «правильно исходил при определении размера ущерба из розничных цен на товары в данном предприятии торговли, то есть из фактической стоимости имущества на момент совершения преступления» (Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда за третий квартал 2008 года; определение Верховного Суда РФ от 15 марта 2007 года № 59-Д06-7, 59-Д06-8; постановление президиума Московского городского суда от 9 апреля 2010 года по делу № 44у-81/10, от 13 августа 2010 года по делу № 44у-246/10; определение Санкт-Петербургского городского суда от 31 августа 2010 года № 22-5682/119, от 3 октября 2011 года № 22-6615/11).

Также хотелось бы уделить внимание вопросу временного фактора, влияющего на возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, подвергнутых административному наказанию.

Различия между запретами с административной преюдицией можно провести и по их «сроку годности», то есть промежутку времени, в течение которого лицо, подвергнутое административному наказанию и совершившее повторно (либо в третий раз) противоправное деяние, может быть привлечено к уголовной ответственности. В большинстве случаев такой срок установлен в один год. Он сопоставим со сроком, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, предусмотренному ст. 4.6 КоАП РФ.

Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения указанного постановления.

Неисполнение назначенного по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ наказания не означает, что период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, бесконечен. Границы этого срока устанавливаются с учетом положений ст. 31.9 КоАП РФ «Давность исполнения постановления о назначении административного наказания» (п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта

2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2006 года, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2006 года).

Несколько иными временными пределами очерчивается уголовно-правовой запрет, содержащийся в ст. 212.1 УК РФ. Согласно данному запрету лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации или проведения соответствующих публичных мероприятий, если оно ранее дважды в течение 180 дней подверглось наказанию в административном порядке по ст. 20.2 КоАП РФ и вновь совершило тождественный административный проступок. Очевидно, что запрет, содержащийся в ст. 212.1 УК РФ, определяет срок, который существенно отличается от срока, установленного Кодексом об административных правонарушениях РФ.

В ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений» неоднократно признается привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

За нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших за собой последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, предусмотрена уголовная ответственность в случае совершения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 УК РФ).

Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности» в случае, если оно ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

В то же время розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной неоднократно, признается таковая, если лицо подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1 УК РФ).

Как видим, законодатель использует различные способы определения повторности совершения деяния для различных преступлений, имеющих административную преюдицию: от самого строгого наказания по ст. 264.1 УК РФ, выражающегося в совершении правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, а также ранее судимым за преступление, и ст. 212.1, предусматривающий срок в течение 180 дней, до вполне традиционного для оставшихся составов, определяемых ст. 4.6 КоАП РФ, равного 1 году со дня окончания исполнения данного постановления.

Если лицо в период, когда оно подвергнуто административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП, совершит путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает 2, 5 тыс. рублей, но при этом содеянное будет содержать квалифицирующие признаки этих деяний (на-

пример, при совершении кражи группой лиц по предварительному сговору), уголовная ответственность должна наступать не по ст. 158.1 УК РФ, а по иным статьям об ответственности за хищение, предусматривающим соответствующие квалифицирующие обстоятельства (в приведенном примере – по ч. 2 ст. 158 УК РФ).

В связи с этим предлагаем унифицировать определение повторности административного правонарушения, являющегося основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, указанием на срок, установленный в ст. 4.6 КоАП РФ.

Необходимо признать, что в последнее время в Уголовном кодексе РФ наблюдается значительное увеличение числа уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции, или запретов с широким предупредительным воздействием. И сегодня имеются все основания полагать, что такое расширение продолжится.

Литература

1. Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер.: Право. 2011. № 2 (10).
2. Просочкин А. М. Административная преюдиция как новый этап борьбы с хищениями чужого имущества // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 3.
3. Никонов М. Поправки приняты – вопросы остались // ЭЖ-Юрист. 2016. № 34.
4. Интервью Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева «Чиновник перед высшим судом. Вячеслав Лебедев: мы поддержим гражданина в споре с бюрократом» // Рос. газ. 2008. № 4803.
5. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Рос. юстиция. 2016. № 11. URL: <http://consultant.ru>
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50.
7. Открытый отзыв М. Гончарова, генерального директора Фонда поддержки пострадавших от преступлений. URL: <http://soprotivlenie.org/news/dekriminalizaciya-yuridicheskaya-ocenka-i-analiz/>
8. «Мелкие» кражи – большие заблуждения: заявление депутата и его анализ // ЭЖ-Юрист. 2015. № 45.
9. URL: <http://www.interfax.ru/russia/450297>

Bibliography

1. Bezverkhov A. G. Administrative prejudice in criminal law of Russia: the origins, realities and prospects // Vestnik of Samara humanitarian Academy. Series: Right. 2011. № 2 (10).
2. Prosochkin A. M. Administrative prejudice as a new stage of struggle against plunders of another's property // Yurist-Pravoved. 2016. № 3.
3. Nikonov M. Amendments adopted – questions remain // EZh-Yurist. 2016. № 34.
4. Interview of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V. M. Lebedev, «The Official before the Supreme court. Vyacheslav Lebedev: we support the citizen in a dispute with a bureaucrat» // Russian newspaper. 2008. № 4803.
5. Gavrilov B. Ya., Rogova E. V. The Consolidation of the criminal misconduct in the context of the reform of the penal legislation of Russia // Russian justice. 2016. № 11. URL: <http://consultant.ru>
6. On amendments and additions to the criminal code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from 08.12.2003 № 162-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 2003. № 50.
7. Open recall M. Goncharov, the General Director of Fund of support of victims from crimes. URL: <http://soprotivlenie.org/news/dekriminalizaciya-yuridicheskaya-ocenka-i-analiz/>
8. «Petty» theft is a big delusion: the Deputy's statement and its analysis // EZh-Yurist. 2015. № 45.
9. URL: <http://www.interfax.ru/russia/450297>

© 2017 г. А. С.-У. Теунаев,

адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России
E-mail: teunaev@gmail.com

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ СУБСИДИРОВАНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

В статье анализируется причинный комплекс преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агропромышленного комплекса. Автор, рассматривая агропромышленный комплекс как компонент национальной экономики, приходит к выводу о том, что он в современных условиях испытывает давление негативных последствий социально-экономических преобразований, противоречивого правового регулирования и отдельных политических решений.

Ключевые слова: детерминанты, коррупция, хищение, субсидирование, мошенничество, агропромышленный комплекс.

A. S.-U. Teunaev – Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

DETERMINANTS OF CRIME OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX SUBSIDIZING

The article analyzes the causal complex of crimes committed in the sphere of subsidizing agro-industrial complex. The author, considering agribusiness as a component of the national economy, concludes that it is in modern conditions is experiencing the negative impact of socio-economic change, contradictory legal regulation of individual and political decisions.

Key words: determinants, corruption, theft, subsidies, fraud, agro-industrial complex.

В причинном комплексе преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агропромышленного комплекса в первую очередь необходимо отметить социально-экономические факторы. Государственная поддержка сельхозпроизводителей с помощью субсидирования является объективной необходимостью, поскольку развитие крестьянских (фермерских) хозяйств требует существенных финансовых вложений, недоступных для большей части сельского населения России. Постоянный спрос на сельскохозяйственную продукцию способствует формированию повышенного интереса к ее производству. В условиях использования мер государственной поддержки не все агропроизводители сохраняют честность и добросовестность.

Среди социально-экономических факторов в причинном комплексе преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, особое внимание вызывают следующие.

Во-первых, все отрасли агропромышленного комплекса могут быть охарактеризованы высоким износом оборудования, используемого для производства и транспортировки сельхозпродукции. Кроме того, вследствие бесхозяйственности имеется тенденция к сокращению посевных площадей, а также выбытию земель сельскохозяйственного на-

значения (уже в 2004 году из сельскохозяйственного оборота выбыло более 30 млн гектар земли, в последующие годы эта негативная тенденция продолжилась) [1]. Данные обстоятельства приводят к сокращению производства, а значит, и занятости населения в сельском хозяйстве. В связи с этим сельское хозяйство лишается конкурентоспособности и требует привлечения бюджетных средств.

Во-вторых, социально-экономические факторы приобретают определяющее значение в механизме субсидирования агропромышленного комплекса. В современный период необходимо учитывать и такое обстоятельство, как высокая доля импорта сельхозпродукции, с одной стороны, а с другой – провозглашение необходимости импортозамещения, что требует развития национальных сельхозпроизводителей.

Соответственно, повышается риск включения в орбиту этих отношений лиц, заинтересованных в противоправном завладении средствами субсидий и обращении их в свою пользу. При этом общий размер субсидий составляет сумму, в высшей степени «привлекательную» как предмет преступных посягательств: в 2015 году субсидирование агропромышленного комплекса предусматривалось в размере 151,3 млрд рублей, в 2016 году он приобрел тенденцию к снижению, уменьшив-

шись до 142,1 млрд рублей [2]. При изучении материалов уголовных дел было выявлено достаточно большое количество случаев, когда осужденные принимали участие в процедурах субсидирования, рассчитывая при этом исключительно на личное обогащение.

Например, приговором суда осужден глава фермерского хозяйства, представивший в областной департамент по социально-экономическому развитию села документы для получения субсидии на возмещение затрат на заготовку кормов. При этом им были завышены сведения о поголовье скота в фермерском хозяйстве; полученную субсидию он израсходовал на личные нужды [3].

В-третьих, социально-экономические факторы в причинном комплексе преступлений в сфере субсидирования агропромышленного комплекса включают в себя такие негативные обстоятельства, как обнищание населения, безработица, социальное неравенство. Вследствие этого формируется нейтральное отношение к преступному образу жизни в целом, а также устанавливается мировоззрение, допускающее совершение преступления как средства обогащения.

Применительно к преступлениям рассматриваемой группы можно отметить, что часть из них совершается фермерами, использующими субсидии не по целевому назначению, хотя и в пределах сельскохозяйственной деятельности. Например, приговором суда был осужден глава фермерского хозяйства, получивший субсидию на закупку оборудования для дойки коров, хранения и транспортировки молока. Денежные средства были израсходованы им на увеличение поголовья крупного рогатого скота и обустройство помещений для его содержания. Кроме того, часть полученных денег была истрачена на ремонт жилого дома, в котором проживали осужденный и члены его семьи [4]. В данном случае условием, способствовавшим совершению преступления, стал принцип целевого субсидирования, в силу которого меры государственной поддержки предоставляются не просто по факту ведения деятельности фермерского хозяйства, а с учетом наиболее перспективных направлений его совершенствования.

Причинный комплекс преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, имеет некоторые региональные особенности, обусловленные распределением сельского населения, долей

сельского хозяйства в территориальном сегменте экономики, особенностями ресурсного обеспечения отдельных отраслей сельского хозяйства.

Так, в Алтайском крае получили распространение преступления, связанные с фиктивной закупкой и перепродажей кормов для сельскохозяйственных животных. За период с 2010 по 2015 год по данным фактам было возбуждено 160 уголовных дел [5]. Например, приговором суда осужден глава фермерского хозяйства, признанный виновным в фиктивном перечислении денежных средств на счета поставщиков зерна [6]. Причинный комплекс этих преступлений связан с такими социально-экономическими факторами, как расширение количества программ субсидирования увеличения поголовья сельскохозяйственных животных, отсутствие надлежащего контроля за фермерскими хозяйствами в этой части, существенная отдаленность ряда фермерских хозяйств от центра региона.

В Кабардино-Балкарии преступления, связанные с субсидированием агропромышленного комплекса, совершаются при использовании региональных программ содействия самозанятости безработных граждан, что может быть объяснено неблагоприятными тенденциями в сфере занятости населения. Например, приговором суда осужден гражданин, представивший заведомо ложные сведения в целях получения субсидий по программе поддержки начинающих фермеров [7].

В Карачаево-Черкесии незаконная деятельность по получению субсидирования фермерскими хозяйствами маскируется последующим банкротством или иным прекращением работы. Например, приговором суда осуждены пятеро граждан, получившие субсидию в рамках реализации программы поддержки начинающих фермеров и прекратившие деятельность фермерского хозяйства сразу же после этого [8]. Как и в Кабардино-Балкарии, в этом субъекте Российской Федерации сложилась достаточно неблагоприятная ситуация с занятостью населения, а также с ведением бизнеса в сфере агропромышленного производства.

Изложенное позволяет заключить, что региональные особенности совершения преступлений в сфере субсидирования агропромышленного комплекса связаны с дифференциацией социально-экономических факторов, играющих основную роль в их причинном комплексе.

Кроме социально-экономических факторов, в причинном комплексе преступлений в сфере субсидирования агропромышленного комплекса существенную роль играют внутри- и внешнеполитические факторы. Среди последних, как уже отмечалось выше, особое влияние имеют обстоятельства, обусловленные вступлением России в ВТО, а также взаимные ограничения экспортно-импортных операций с сельскохозяйственной продукцией, действующие между Россией и рядом зарубежных стран с 2014 года.

Так, на основании Протокола о присоединении России к ВТО с 22 августа 2012 года прекращено действие мер поддержки, в наибольшей степени оказывающих воздействие на торговлю сельскохозяйственными товарами (например, прямые выплаты производителям товаров). При этом обязательства по внутренней поддержке и субсидированию экспорта сельхозпродукции стали определяться на основании Перечня уступок и обязательств по товарам, являющегося приложением к Протоколу о присоединении России к ВТО. В период с 2012 по 2018 год общая сумма субсидий должна снизиться более чем в два раза. Естественно, в этих условиях механизм субсидирования агропромышленного комплекса подвергается воздействию иных рисков, среди которых можно отметить, в частности, увеличение количества претендентов на меры поддержки начинающих агробизнесменов.

Далее, с 2014 года и до настоящего времени, в силу неблагоприятной политической обстановки в России принимаются меры по защите внутреннего рынка [9]. Возможно, их реализация выглядит оправданной с точки зрения обеспечения суверенитета и безопасности страны. Однако в причинном комплексе рассматриваемых преступлений применение этих мер выступает и негативным фактором, поскольку не все предприниматели заинтересованы в добросовестной деятельности в области импортозамещения. Например, это напрямую связано с ухудшением качества сельхозпродукции, представлением не соответствующих действительности сведений о ее количестве, широким использованием фиктивных документов для получения субсидий [10, с. 16–26].

Среди внутриполитических факторов в причинном комплексе преступлений этой группы необходимо отметить негативное использование протестных настроений. Например, в августе 2016 года в Краснодарском крае

был организован так называемый «тракторный марш», его участники – работники сельскохозяйственной сферы – заявляли в том числе об ограничениях в области субсидирования на развитие бизнеса, избыточном контроле со стороны государственных органов и тому подобных обстоятельствах [11]. В данном случае закономерным последствием социального протеста может стать излишнее упрощение порядка получения субсидий и ослабление и без того неэффективного контроля за их распределением. Соответственно, это создает основу для увеличения числа преступных посягательств в сфере субсидирования агропромышленного комплекса.

Среди условий, способствующих усилению влияния политических факторов в причинном комплексе данных преступлений, необходимо отметить продление специальных экономических мер до 31 декабря 2017 года [12], непродуманные политические контакты неправительственных организаций, созданных для защиты прав и законных интересов агропроизводителей. В частности, Национальный союз производителей молока с 2014 года лоббирует программу прироста производства товарного молока. В связи со стратегической важностью молочной отрасли на ее развитие выделяются значительные ассигнования, в том числе в виде субсидий [13, с. 11]. Однако, по данным Россельхознадзора, это привело к существенному снижению качества продукции (например, в ней были выявлены мел и гипс) и в отдельных регионах – к массовому распространению приписок в отчетности о надоях [14]. При этом очевидно, что целевое расходование средств субсидирования в данном случае также оказывается под угрозой. В частности, повышается риск включения в отношения в сфере субсидирования субъектов, не заинтересованных в целевом освоении выделяемых средств и не производящих конкурентоспособную продукцию.

Например, с января 2015 года последовательно вводились ограничения поставок соли производства Беларуси и Украины, несмотря на то, что доля этих предприятий на российском рынке составляла около 56 %, а мощности отечественных компаний были недогружены на 40 % [15]. С 1 ноября 2016 года в Россию не поставляется соль производства стран Евросоюза, Украины, Австралии [16]. Производство соли относится к целому комплексу отраслей экономики, включая сельское

хозяйство. Очевидно, что импортозамещение в этой области повлечет за собой изменение структуры рынка производителей и поставщиков такой продукции. Гарантий их добросовестности в обращении с субсидиями предусмотреть невозможно. В равной степени сложно прогнозировать и положительную динамику качества продукции.

В причинном комплексе преступности, связанной с субсидированием агропромышленного комплекса, значительную роль играют факторы, относящиеся к правовому регулированию. Во-первых, это отсутствие надлежащего порядка регулирования отношений в сфере предоставления субсидий, их использования и отчета о результатах. Во-вторых – наличие разрозненных норм, включенных в федеральное законодательство и применимых в гражданском обороте вообще, а также в нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и положения целевых программ, нормативное значение которых представляется достаточно спорным.

Если отсутствие четкой структуры правовых норм, регулирующих порядок субсидирования агропроизводителей, является проблемой, которая может быть решена, например, принятием федерального закона «О мерах государственной поддержки агропромышленного комплекса», содержащего перечень этих мер, условия предоставления субсидий, порядок осуществления контроля за их использованием, то приведение в соответствие иерархии федеральных и региональных нормативных правовых актов представляет собой долгосрочное направление деятельности, объединяющей усилия органов законодательной и исполнительной власти. В данном направлении могут стать достаточно эффективными меры по осуществлению мониторинга правоприменения, с помощью которых будет сформирована совокупность нормативных правовых актов, регулирующих вопросы субсидирования агропроизводителей.

Следует отметить и то обстоятельство, что в действующем Уголовном кодексе РФ система преступлений в сфере субсидирования агропромышленного комплекса в целом отсутствует, и отдельные нормы могут применяться в отношении широкого спектра противоправных посягательств. При этом положения уголовного закона могут неверно применяться, что в ряде случаев влечет за собой освобождение виновных от уголовной ответственности.

Так, органами предварительного следствия двое подсудимых обвинялись в том, что совершили хищение денежных средств, выделенных им в рамках республиканской программы субсидирования сельского хозяйства. По версии следствия, заключив соответствующий договор, подсудимые представили заведомо ложные документы о приобретении крупного рогатого скота. Как установил суд, денежные средства, предоставленные в качестве субсидии, использовались подсудимыми для частичного погашения ранее полученного кредита. Кроме того, приобретение крупного рогатого скота в действительности имело место, а представленные подсудимыми документы не исследовались на предмет определения признаков подделки. При таких обстоятельствах суд вынес оправдательный приговор в связи с отсутствием состава преступления [17]. В основу решения суда было положено толкование бюджетного законодательства, целевой программы о порядке предоставления субсидий и норм Уголовного кодекса РФ, устанавливающих ответственность за хищение. В совокупности это не позволило квалифицировать содеянное как преступление.

Среди условий, способствующих совершению преступлений в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, необходимо отметить неудовлетворительное состояние государственного (муниципального) контроля за деятельностью субъектов, приобретающих права на получение субсидий.

Во-первых, в данном случае оперативный контроль (в том числе за достоверностью представляемых кандидатами на получение субсидий сведений) осуществляется не специально уполномоченными органами, а подразделениями региональных структур, на которые возложены функции управления в сфере сельского хозяйства. Правовой статус этих структур не позволяет им в отличие от государственных контрольно-надзорных органов проверять достоверность сведений и действительность осуществления кандидатами на получение субсидий соответствующего вида агропромышленной деятельности.

Во-вторых, контроль использования субсидий зачастую не осуществляется вообще, и это способствует не только противоправному обращению денежных средств в пользу виновных, но и затрудняет своевременное пресечение преступной деятельности. Исходя из изложенного механизм осуществления контроля за обоснован-

ванностью предоставления субсидий, добросовестностью освоения бюджетных средств и выполнением той части агропромышленной деятельности, которая подлежит субсидированию, нуждается в совершенствовании.

Неудовлетворительное состояние контроля за распределением субсидий в сфере агропромышленного комплекса способствует активизации противоправной деятельности, выражающейся в создании устойчивого механизма преступного поведения. В этом механизме можно выделить три компонента:

1) преступные злоупотребления при осуществлении процедур определения субъектного состава лиц, приобретающих право на получение субсидии;

2) преступные злоупотребления, связанные с нецелевым расходованием средств, полученных в качестве мер государственной поддержки;

3) сокрытие следов преступления, заключающееся в представлении в государственные надзорные и контролирующие органы фиктивных документов об освоении денежных средств.

Сочетание этих компонентов во многом обеспечивает латентность посягательств, и их выявление осуществляется несвоевременно. Вследствие этого денежные средства, обращаемые виновными в свою пользу, расходуются ими по своему усмотрению, и даже в случае возбуждения уголовного дела их возврата в бюджет не происходит.

Множественность причин преступлений в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, а также широкий спектр условий, способствующих их совершению, позволяют сделать достаточно неблагоприятный прогноз развития криминогенной ситуации.

Так, главными тенденциями в этой сфере можно назвать дальнейшее увеличение количества таких преступлений, повышение степе-

ни их общественной опасности вследствие появления новых форм преступного поведения, сохранение высокого уровня латентности. При этом кризисные явления в российской экономике продолжают уже в течение длительного времени и, очевидно, в ближайшей перспективе не прекратятся, даже если в целом экономическая ситуация стабилизируется.

Фактически это означает, что механизм субсидирования агропромышленного комплекса не получит однородной нормативной основы, а деятельность уполномоченных органов в сфере распределения субсидий будет определяться неудовлетворительным уровнем контроля и коррупциогенными факторами. В отсутствие унифицированной нормативной правовой базы сохранятся возможности преступного манипулирования итогами конкурсных процедур, определяющих право субъекта на получение субсидии, бесконтрольного расходования выделенных бюджетных средств, представления недостоверной информации о результатах их освоения.

В заключение необходимо отметить, что причинный комплекс преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агропромышленного комплекса, представлен тремя наиболее важными факторами: социально-экономическими, политическими и правовыми. В структуре каждого из них могут быть выделены условия, способствующие совершению таких преступлений, при этом в современный период предпринимаемые органами законодательной и исполнительной власти усилия по нейтрализации данных условий являются недостаточными. Из этого следует, что в долгосрочной перспективе в деятельности предприятий агропромышленного комплекса необходимо изменение порядка предоставления субсидий и иных мер государственной поддержки.

Литература

1. Основные проблемы агропродовольственного сектора // Минсельхоз России. URL: http://mex.ru/documents/document/v7_show/6458.191.htm
2. Министерство экономического развития России: развитие АПК России на 2014–2016 годы. Прогноз // Актуальные маркетинговые исследования. URL: <http://prodmagazin.ru/2013/09/25/mer-razvitie-apk-rossii-na-2014-2016-gg-prognoz/>
3. Уголовное дело № 1-18/2015 // Архив

Bibliography

1. The main problems of agricultural sector // Agriculture of the Russian Federation. URL: http://mex.ru/documents/document/v7_show/6458.191.htm
2. The Ministry of economic development of Russia: the Development of agriculture in Russia for 2014–2016. Forecast // Actual marketing research. URL: <http://prodmagazin.ru/2013/09/25/mer-razvitie-apk-rossii-na-2014-2016-gg-prognoz/>
3. Criminal case № 1-18/2015 // Archive the Kirov district court of Tomsk region. URL: <http://rospravosudie.com>

- Кировского районного суда Томской области. URL: <http://rospravosudie.com>
4. Уголовное дело № 1-19/2015 // Архив Одесского районного суда Омской области. URL: <http://odesscourt.oms.sudrf.ru>
 5. Зюзин С. А. Не так кормили? // Российская газета. 2015. 4 июня.
 6. Уголовное дело № 1-43/2014 // Архив Славгородского районного суда Алтайского края. URL: <http://slavgorodsky.alt.sudrf.ru>
 7. Уголовное дело № 1-59/2014 // Архив Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики. URL: <http://urvansky.kbr.sudrf.ru>
 8. Уголовное дело № 1-62/2016 // Архив Прикубанского районного суда Карачаево-Черкесской Республики. URL: <http://prikubansky.kchr.sudrf.ru>
 9. Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 29.01.2015 № 391 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 31. Ст. 4669.
 10. Воротников И. Л., Суханова И. Ф. Совершенствовать механизмы импортозамещения аграрной продукции // АПК: экономика, управление. 2015. № 5.
 11. Акция протеста кубанских фермеров признана незаконной // Коммерсантъ. 2016. 23 авг.
 12. О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 29.06.2016 № 305 // Рос. газ. 2016. 30 июня.
 13. Обзор рынка молока и молочных продуктов в России. Январь – сентябрь 2014 года. Белгород, 2014.
 14. Россельхознадзор: молоко в России поддельвают, подмешивая мел, борную кислоту и гипс // ТАСС. Информационное агентство. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3385224>
 15. О запрете ввоза пищевой соли // Роспотребнадзор. URL: http://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=2967
 16. О внесении изменения в Приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 778: постановление Правительства Рос. Федерации от 10.09.2016 № 897 // Рос. газ. 2016. 13 сент.
 17. Уголовное дело № 1-130/2010 // Архив Ярского районного суда Удмуртской Республики. URL: <http://yarskiy.udm.sudrf.ru>
 4. Criminal case № 1-19/2015 // Archive the Odessa district court of the Omsk region. URL: <http://odesscourt.oms.sudrf.ru>
 5. Zyuzin A. S. Not fed? // Russian newspaper. 2015. June 4.
 6. Criminal case № 1-43/2014 // Archive Slavgorod district court of the Altai territory. URL: <http://slavgorodsky.alt.sudrf.ru>
 7. Criminal case № 1-59/2014 // Archive Urvan district court of the Kabardino-Balkar Republic. URL: <http://urvansky.kbr.sudrf.ru>
 8. Criminal case № 1-62/2016 // Archive Prikubanskiy district court of the Karachay-Cherkess Republic. URL: <http://prikubansky.kchr.sudrf.ru>
 9. On certain special economic measures to ensure security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation dated 29.01.2015 № 391 // Collected legislation of the Russian Federation. 2015. № 31. Art. 4669.
 10. Vorotnikov I. L., Sukhanova I. F. To Improve the mechanisms of import substitution of agricultural products // APK: economy, management. 2015. № 5.
 11. Protest Kuban farmers declared illegal // Kommersant. 2016. 23 August.
 12. On the prolongation of certain special economic measures to ensure security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation from 29.06.2016 № 305 // Russian newspaper. 2016. 30 June.
 13. The review of the market of milk and dairy products in Russia. January – September 2014. Belgorod, 2014.
 14. Rosselkhoznadzor: russia Milk in a forge, mixing chalk, boric acid and gypsum // TASS. News Agency. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3385224>
 15. Banning the import of salt // Federal service. URL: http://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=2967
 16. On amendments to the Annex to the decision of the Government of the Russian Federation of 7 August 2014 № 778: government decree of the Russian Federation from 10.09.2016 № 897 // Russian newspaper. 2016. 13 September.
 17. Criminal case № 1-130/2010 // Archive Yarsk district court of the Udmurt Republic. URL: <http://yarskiy.udm.sudrf.ru>

© 2017 г. С. А. Буткевич,

заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым.
E-mail: butkevich-sa@mail.ru

СУЩНОСТЬ ИННОВАЦИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКИ

В статье рассмотрены вопросы нормативного правового регулирования и организационного обеспечения современной инновационной деятельности и инновационной политики государства. Даны социально-правовая и криминологическая оценки инноваций, определены проблемы инновационного развития системы предупреждения преступности и пути их решения.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, инновационное развитие, правоохранительные органы, предупреждение преступности, проблемы, технологии, эффективность.

S. A. Butkevich – Deputy Head for Education and Research, Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea.

THE ESSENCE OF INNOVATION AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF SOCIAL PROCESSES: SOCIAL AND LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASSESSMENTS

The article deals with problematic issues of normative and legal regulation and organizational provision of modern innovation activity and innovative state policy. Social-legal and criminological assessments of innovations are given, problems of innovative development of crime prevention system and ways to solve them are defined.

Key words: innovations, innovation activity, innovative development, law enforcement agencies, crime prevention, problems, technologies, efficiency.

В XXI веке ключевую роль в обеспечении общественного развития и научно-технического прогресса продолжают играть разработка и внедрение инноваций. Именно поэтому передовые технологии и инновационные продукты становятся не только флагманскими проектами отдельных научных и исследовательских структур или корпораций, но и символом и гордостью целых государств.

Что же представляет собой инновация? Данный термин происходит от латинского *novatio*, что означает «обновление» («изменение»), и приставки *in*, которая переводится с латинского языка как «в направлении», если переводить дословно *innovatio* – «в направлении изменений». То есть под «инновацией (нововведением)» понимается внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции (товаров, услуг), востребованное рынком. Она – конечный результат интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации [1].

Опыт последних десятилетий убедительно свидетельствует о том, что среди основных

критериев конкурентоспособности стран в целом и национальных экономик в частности определяющим является внедрение эффективных механизмов реализации инновационной политики, обеспечивающих стратегическую конкурентоспособность экономики. В связи с этим государства, связывающие свое дальнейшее социально-экономическое развитие с достижениями науки и активными инновационными процессами, разрабатывают нормативное правовое обеспечение концептуальных и стратегических основ этой деятельности и обеспечивают их материализацию.

Так, в начале 90-х годов XX века вместе с формированием основ государственной политики Российской Федерации в области науки, технологий и инноваций генерируется правовое пространство в этой сфере. В 1991 году были приняты Положение о государственной инновационной программе и Типовое положение о дирекции национальной инновационной программы (утверждены постановлением Совета Министров РСФСР от 27.03.1991 № 171), основной понятийный аппарат сформулирован в Концепции инновационной политики Российской Федерации

на 1998–2000 годы (утверждена постановлением Правительства РФ от 24.07.1998 № 832). Кроме того, отдельные термины были закреплены в Основных направлениях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (утверждены Правительством РФ 05.08.2005 № 2473п-П7). В постановлении Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 инновация (нововведение) определена как конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности.

Вместе с тем предпринимались попытки на законодательном уровне урегулировать правовые, экономические и организационные основы государственной регламентации инновационной деятельности, стимулирования инновационных процессов и поддержки развития общества инновационным путем. Однако более 10 проектов федеральных законов, содержащих «инновационные» понятия, так и остались на стадии законодательных инициатив и обсуждений в парламентских комитетах. И все-таки 21 июля 2011 года понятие инновации было закреплено уже на уровне федерального закона. Под ней стал пониматься введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях [2]. Впрочем, отдельный специализированный (базовый) закон до сегодняшнего дня так и не принят.

Продолжительный вакуум в правовом регулировании этих и смежных вопросов на федеральном уровне отразился на законодательской деятельности представительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Возможно, поэтому в 2013 году была предпринята попытка унифицировать вариативные позиции и дифференциальные взгляды региональных парламентариев на эту важную составную часть государственной социально-экономической политики. Так, в разработанном Ассоциацией инновационных регионов России модельном законе «Об инновационной деятельности в субъекте Российской Федерации» рекомендовалось определить экономические, правовые

и организационные условия развития региональной инновационной деятельности. Целью принятия такого закона на уровне субъекта Российской Федерации должно было стать законодательное обеспечение создания условий для развития инновационной деятельности в рамках существующих полномочий с учетом специфики социально-экономического развития каждого из них. На наш взгляд, законодательные органы субъектов Российской Федерации преимущественно придерживаются положений модельного закона, однако механизму мониторинга состояния и оценке эффективности инновационной деятельности не уделено должного внимания. Разработку и внедрение системы мониторинга и критериев такой оценки считаем необходимым этапом управленческой деятельности, который позволяет своевременно вносить необходимые коррективы в региональную инновационную политику, обеспечивая результативность ее осуществления.

Позиция о необходимости унификации правового регулирования базовых элементов национальной инновационной системы подтверждается нормами международного законодательства и законодательных актов зарубежных государств. Полагаем, что особое значение в данной области имеет модельный закон «Об инновационной деятельности», принятый на 27-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 16.11.2006 № 27-16). В частности, в нем определено, что новация (новшество) – результат интеллектуальной деятельности, являющийся объектом гражданско-правовых отношений, обладающий признаками: во-первых, новизны – новыми качествами, свойствами и иными отличительными от существующих аналогов признаками; во-вторых, практической применимости с точки зрения потребительской полезности и безопасности; в-третьих, экономической эффективности (конкурентоспособности).

Что касается законодательства стран постсоветского пространства, то в соответствии с законом Кыргызской Республики от 26.11.1999 № 128 понятие инновационной деятельности используется в значении деятельности, направленной на создание «под ключ» производства новых или недостающих на рынке товаров (услуг). В свою очередь инновация (новация) – конечный результат инновационной деятельности в виде нового

или недостающего на рынке товара (услуги) или товара (услуги) с улучшенными качествами. По нашему мнению, очевидное несовершенство используемой терминологии законодатель попытался исправить дополнением закона такими видами инноваций, как интегрирующая, базисная и улучшающая.

В законе Украины от 04.07.2002 № 40-IV под инновациями понимаются вновь созданные (примененные) и (или) усовершенствованные конкурентоспособные технологии, продукция или услуги, а также организационно-технические решения производственного, административного, коммерческого или другого характера, которые существенно улучшают структуру и качество производства и (или) социальной сферы. Законом Республики Таджикистан от 16.04.2012 № 822 инновация определена как нововведение в области техники, технологии, работ, услуг или управления, основанное на использовании достижений науки и передовой технологии, имеющей высокую производственную и общественную эффективность.

Согласно закону Республики Беларусь от 10.07.2012 № 425-З инновации – это введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера. Кроме этого, используется фактически синонимический термин «новшество», но уже в значении результата интеллектуальной деятельности (новое знание, техническое или иное решение, экспериментальный или опытный образец и др.), обладающего признаками новизны по сравнению с существующими аналогами для определенного сегмента рынка, практической применимости, способного принести положительный экономический или иной полезный эффект при создании на его основе новой или усовершенствованной продукции, технологии, новой услуги, нового организационно-технического решения.

Как положительный аспект белорусского законодательства в этой области отметим, что в ч. 3 ст. 2 указанного выше закона закреплено следующее: «отношения, связанные с осуществлением инновационной деятельности в сферах обороны, обеспечения национальной безопасности, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью... регулируются настоящим Законом в той части, в которой его положения не противоречат законодательным

актам, регулирующим данные сферы». В других нормативных правовых актах Российской Федерации и стран постсоветского пространства нам не удалось найти даже упоминания о необходимости инновационного развития правоохранительного сектора, включая систему криминологической превенции.

Учитывая многовекторность и разноплановость затрагиваемых сфер деятельности и отраслей права, с целью систематизации исследуемых вопросов парламентом Республики Молдова в июле 2014 года был принят Кодекс о науке и инновациях. В ст. 20 данного кодекса инновация определена как применение нового или усовершенствованного конечного результата деятельности в области научных исследований и трансфера технологий, получившего воплощение в форме конкурентоспособных новых или усовершенствованных знания, продукта, услуги, процесса, используемых в практической деятельности и/или реализуемых на рынке. Тем не менее к стратегическим направлениям деятельности в области науки и инноваций на 2013–2020 годы отнесены только инновационные материалы, технологии и продукты; энергоэффективность и использование возобновляемых источников энергии; здравоохранение и биомедицина; биотехнология; национальное достояние и развитие общества (утверждены постановлением парламента от 14.06.2013 № 150). Другими словами, инновационное развитие правоохранительной сферы также осталось вне фокуса внимания парламентариев.

Цели закона Грузии от 22.06.2016 № 11с – создание и совершенствование национальной инновационной экосистемы, необходимой для социально-экономического развития государства; строительство в стране экономики, основанной на знаниях и инновациях; содействие освоению в Грузии технологий, созданных в других государствах; содействие внедрению и экспорту созданных в стране интеллектуальной собственности и технологий; внедрение передовых технологий в науку и экономику с целью повышения конкурентоспособности указанных сфер. Непосредственно инновация определена как новые или значительно улучшенные, применяемые продукт, процесс или услуги, имеющие экономическую, научную или социальную ценность, которыми могут быть инновационный продукт, инновационный процесс, организационная инновация и инновационный маркетинг.

Наше внимание к используемой терминологии в данной области не случайно, по-

сколькx употреблениe в нормативных правовых актах соответствующих терминов без раскрытия их содержания и формализации с целью установления четких общеобязательных правил поведения обычно приводит к тому, что норма права становится декларативной (в лучшем случае – отсылочной или бланкетной) и не может быть применима.

Иначе говоря, инновация в самом общем виде представляет собой созданное с использованием современных научных достижений и внедренное на рынок или в практическую деятельность новшество, воплощенное в товарах (работах, услугах) или процессах. Исходя из этого к основным атрибутам инновации можно отнести ее новизну и коммерциализацию, то есть соответствующее применение в практической деятельности и введение в экономический оборот. Вместе с тем инновациями признаются не все новшества, нововведения, изобретения, новаторские разработки, рационализаторские предложения и т. п., а только те, которые значительно повышают эффективность существующей социальной системы.

Что касается криминологической оценки инноваций, то нельзя оставить без внимания научный труд Г. Н. Горшенкова, в котором отмечено, что как бы общество ни относилось к предлагаемым в криминологии тем или иным частным ее концепциям, их формирование и развитие – процесс такой же неминуемый, как эволюция преступности в метаморфозах развивающегося социума. Именно поэтому от дерева криминологической науки как отрасли, отрасли, так и будут отрасли ветви-теории [3, с. 20]. Цитируемый автор справедливо указывает, что новаторские идеи ученых вызывают неоднозначные оценки, а то и открытую негатию коллег. Это объясняется в первую очередь тем, что любое новое направление, новый аспект исследуемой проблемы начинается с определенных сомнений. К тому же актуальные идеи нередко противоречат устоявшимся, традиционным оценкам многих вопросов, в которых рассматриваются те или иные аспекты преступности и ее взаимосвязи [3, с. 14].

Исследуя смежную дилемму – современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом, Н. Ш. Козаев предлагает относить противозаконную реализацию инновационных достижений к ведущему фактору модернизации уголовного закона, то есть уголовное право отвечает на вызовы и потребности конкретной общественно-политической ситуации. При этом ученый вер-

но определяет социально-правовую оценку достижений научно-практического прогресса как мнение, суждение о ценности, уровне или значении достижений научно-технического прогресса, последствиях внедрения, отраженное в общественном сознании, повседневной активности индивидов, правотворческой и правоприменительной деятельности. А к технологиям, оказывающим наиболее сильное влияние на генезис уголовного права, он относит производственные, социальные, информационные и витальные [4, с. 470–471].

Вне сомнений, надлежащая организация правоохранительной деятельности всегда была, остается и будет краеугольным камнем для функционирования и развития любого цивилизованного общества и правового демократического государства. Все без исключения этапы развития человека, общества и государства, так или иначе, вынуждают актуализировать правоохранительную сферу, включая реновацию системы предупреждения преступлений. Соответственно, инновационное развитие всех сфер жизнедеятельности социума требует от личного состава органов правопорядка по-новому подходить к выполнению возложенных на него обязанностей, а его руководителей – модернизировать формы и методы противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности.

Далее предлагается провести криминологическую оценку инновационной деятельности на примере системы предупреждения преступности. Сегодня к основным проблемам в обеспечении инновационного развития этого института криминологии можно отнести следующие:

1. Отсутствие стратегии перехода органов правопорядка к инновационной модели развития, малоэффективное использование методов научного планирования на всех уровнях управления (криминологический прогноз, оптимизация, программно-целевые методы управления, системный анализ и т. д.), недостаточный уровень инновационной культуры личного состава правоохранительных органов.

В современной мировой практике выделяют следующие типы стратегий инновационного развития: во-первых, перенос, предполагающий использование зарубежного научно-технического потенциала и проецирование его достижений на национальную инновационную систему; во-вторых, заимствование, то есть освоение производства высокотехнологической продукции, уже изготовляемой в других странах, путем использования собствен-

ной дешевой рабочей силы и имеющегося научно-технического потенциала; в-третьих, интенсификация, суть которой состоит в использовании собственного научно-технического потенциала, привлечении иностранных ученых, конструкторов и специалистов. В Российской Федерации, к сожалению, доминируют признаки первого и частично – второго типов стратегий инновационного развития.

Как указано в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р), абсолютное доминирование наименее передовых типов инновационного поведения, в том числе заимствование готовых технологий, делает национальную инновационную систему ориентированной на имитационный характер, а не на создание радикальных нововведений и новых технологий. Как следствие, из-за нерационального использования образовательного, научно-технического и производственного потенциала, недостаточного развития и распространения передовых технологий правоохранительная система может потерять возможность наращивания инновационного потенциала в сфере предупреждения преступности. В контексте постоянного совершенствования форм и методов совершения преступлений такое позиционирование в конечном счете может привести к закреплению в стране экстенсивной модели правоохранительной системы.

Считаем, что изучение опыта инновационных моделей развития в зарубежных странах, отдельных субъектах Российской Федерации и их регионах, применение лучших достижений мировой и отечественной практики (после адаптации и апробации) позволяют оптимизировать использование инновационного потенциала и повысить возможности и эффективность национальной инновационной системы. Однако подчеркнем, что заимствование и использование зарубежных передовых технологий целесообразны только в рамках обеспечения форсированной интенсификации того или иного сектора жизнедеятельности общества (включая новеллы в нормативном правовом обеспечении). В дальнейшем, безусловно, должны происходить отказ от «кавер-версий» и переориентация приоритетов в сторону поддержки местной прикладной, а затем и фундаментальной науки, стимулирование отечественных разработок и исследований.

2. Недостатки в нормативном правовом обеспечении инновационной деятельности; «второстепенность» норм законодательства, касающихся государственной поддержки, финансирования и стимулирования инновационной и научно-технической деятельности.

По нашему убеждению, инновационное развитие системы предупреждения преступности, как и других сфер жизнедеятельности общества, должно осуществляться не только на федеральном уровне (включая ведомственный фазис), но и на региональном и муниципальном. Так, для нормативного правового обеспечения указанных процессов в субъектах Российской Федерации должны действовать: региональный базовый закон в сфере инновационной деятельности; документы стратегического и программно-целевого планирования (государственные программы, стратегии); подзаконная нормативная правовая база. На уровне муниципалитетов возможна поддержка субъектов малого инновационного предпринимательства, а также местных Левшей и Кулибиных, идеи и разработки которых могут принести социально-экономический эффект. При этом для модернизации ведомственного регулирования в данной сфере целесообразно обратить внимание на унификацию и ригоризм в подходах к формированию нормативного обеспечения инновационного развития; изучение, использование и распространение передового опыта при формировании и улучшении нормотворческой и правоприменительной практики; подготовку обоснованных предложений по совершенствованию соответствующих положений федерального законодательства. То есть подразумевается «многослойный» сценарий такого регулирования с antecedентным принятием федерального закона «Об инновационной деятельности в Российской Федерации».

В качестве примера укажем на то, что в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) к основным направлениям деятельности сил обеспечения общественной безопасности в пределах их компетенции отнесено противодействие терроризму и экстремизму (пп. «а» и «б» п. 28). Но инновационное развитие системы противодействия данным явлениям, как и системы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации, не преду-

смотрено. Аналогичные недостатки допущены при разработке Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753). Только п. 39 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 05.10.2009) в рамках дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму предполагает наряду с другими мероприятиями стимулирование органами государственной власти инновационной и инвестиционной политики в целях повышения антитеррористической защищенности объектов террористической деятельности. Даже в приказе МВД России от 18.03.2013 № 150 инновационная составляющая в деятельности органов внутренних дел не нашла надлежащего закрепления. Министерство ограничилось исключительно выявлением, применением и распространением положительного опыта.

Финансирование научно-исследовательской деятельности и опытно-конструкторских работ по остаточному принципу, разумеется, не способствует инновационному обеспечению правоохранительной сферы и не позволяет создать на всех уровнях функционирования органов правопорядка соответствующие механизмы разработки и внедрения нововведений.

3. Несовершенство организационной структуры управления инновационной деятельностью.

Современная структура управления инновационной сферой представлена значительным количеством элементов, координация и взаимодействие между которыми не обеспечены соответствующим организационным подчинением, системным и рациональным распределением полномочий. При этом мы согласны с Н. И. Костюченко в том, что отсутствие в социальной системе какой-либо функции и соответствующего ей структурного подразделения, непременно, приведет к непредсказуемым последствиям [5, с. 314].

Текущее состояние материально-технической и учебно-лабораторной базы научных и образовательных организаций, прежде всего ведомственных, не в полной мере обеспечивает продуктивную деятельность научных школ и возможность проведения фундаментальных научных исследований на качественно новой основе, препятствует надлежащему внедрению инновационных образовательных

технологий, подготовке инновационно-ориентированного контингента и, соответственно, может снижать конкурентоспособность выпускников вузов на рынке труда и их «привлекательность» для комплектования органов.

Говорить о наличии в ведомственной науке флагманских проектов и фундаментальных разработок вопросов предупреждения преступности пока не приходится. Как правило, осуществляется подмена понятий «результаты» и «показатели», а штатным расписанием образовательных организаций не предусмотрено наличие специализированных научно-исследовательских лабораторий (групп, направлений), занимающихся исключительно научными разведками в этой сфере.

4. Недостаточный уровень финансового обеспечения и неэффективное использование имеющихся материальных и инвестиционных ресурсов для реализации государственной инновационной политики.

Бесспорно, архитектура финансового (включая инвестиционную активность) обеспечения инновационной деятельности значительно деформирована. Диспропорции в структуре финансовых ресурсов отечественной научно-технической сферы усиливают деструктивное влияние организационной обособленности науки от практики, обуславливают низкую продуктивность научной сферы и в конечном счете несут мультипликативные последствия для соответствующих сегментов социальных систем в виде низкого технологического уровня. А сегрегация научного потенциала крупным бизнесом была связана с нацеленностью последнего на протяжении длительного времени на краткосрочные теневые («серые») схемы получения доходов.

Дисперсия финансовых ресурсов между их многочисленными распорядителями, (суб)подрядчиками, отсутствие действенного механизма координации использования средств по инновационным программам значительно усугубляют проблему финансового обеспечения инновационной деятельности. Кроме того, остается неэффективным механизм программно-целевого планирования инновационной политики. А отсутствие федеральной и региональной систем мониторинга инновационной деятельности и механизмов обратной связи между исполнителем бюджета, получателем и распорядителем бюджетных средств, как указывалось выше, не дает возможность отследить эффектив-

ность проведенных работ (оказанных услуг) и получения соответствующих результатов. Поэтому планирование и использование ресурсов на финансирование инновационных проектов должны основываться на принципах прозрачности, недопустимости дискриминации, беспристрастности и публичности (ст. 17 закона Грузии «Об инновациях»). Закрепление указанных принципов в основах инновационной политики государства, помимо прочего, должно снизить нездоровую активность профессиональных «грантоедов» и может послужить своеобразным трамплином для реализации инновационных проектов стартап-компаний.

5. Аддитивное формирование современного рынка инновационной продукции и инфраструктуры инновационной деятельности (экспериментальные площадки, технопарки, бизнес-инкубаторы, наукограды).

В первую очередь это связано с неразвитостью инновационной инфраструктуры, неэффективностью системы инновационного менеджмента и несовершенством защиты прав интеллектуальной собственности. К тому же определенная часть рынка высоких технологий стран постсоветского пространства по-прежнему входит в сферу интересов иностранных фондов и неправительственных организаций, представляющих интересы зарубежных специальных служб, военных ведомств и транснациональных корпораций.

В контексте перспектив развития институциональных и технических потенциалов системы предупреждения преступлений подразумеваются, главным образом, инновации в сфере обновления системы управления и организации самого процесса, рационализации системы менеджмента, оптимизации деятельности и смены приоритетов деятельно-

сти образовательных и научных учреждений, разработки новых технологий или совершенствования имеющихся технологических процессов, форм и методов криминологической превенции.

Таким образом, инновация – это априори категория экономической науки. В социально-правовом ракурсе она носит общетеоретический, трансцендентный характер и в каждой конкретной ситуации имеет специфический правовой режим регулирования, предполагая, как минимум, усовершенствование существующей продукции (товаров, услуг) для конкретных лиц, регионов, сфер деятельности и т. п. либо рассчитанной на indefinitное количество субъектов и объектов, а также получение позитивной оценки внедренных нововведений членами социума.

Обострение критических проблем использования инноватики в системе предупреждения преступности актуализирует необходимость реализации комплекса первоочередных мероприятий, направленных на устранение системных недостатков и упущений в этой области, придания определенной турбулентности криминологической науке. С учетом же перманентной модернизации способов и приемов совершения преступлений, изменений доктринальных и идеологических установок, организационной структуры асоциальных групп, источников и каналов финансирования и иных форм содействия противоправной активности, широкого применения высоких технологий в деятельности преступных организаций (речь идет прежде всего о фактическом уходе криминала в киберпространство) требуется создание адекватной системы криминологической превенции, основывающейся на результатах соответствующих научных изысканий и передовых разработок.

Литература

1. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация>
2. Рос. газ. 2011. 26 июля.
3. Горшенков Г. Н. Криминология: научные инновации: моногр. Н. Новгород, 2009.
4. Козаев Н. Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2016.
5. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами на современном этапе // Общество и право. 2015. № 5 (53).

Bibliography

1. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация>
2. Russian newspaper. 2011. July 26.
3. Gorshenkov G. N. Criminology: scientific innovations: monograph. Nizhny Novgorod, 2009.
4. Kozayev N. Sh. Modern problems of criminal law, caused by scientific and technological progress: dis. ... PhD, Professor in Law. Krasnodar, 2016.
5. Kostyuchenko N. I. Problems of theory and practice of management of social systems at the present stage // Society and law. 2015. № 5 (53).

© 2017 г. А. М. Столповский,
адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
E-mail: snigga@list.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ

В статье проводится анализ исторических памятников отечественного уголовного права с целью установления момента зарождения института банковской тайны и его развития. Автором делаются выводы о наличии преемственности положений действующего законодательства с нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в вопросах уголовно-правовой защиты банковской тайны. Отмечается, что в советский период институт банковской тайны и меры его уголовно-правовой охраны своего развития не получили.

Ключевые слова: банковская тайна, правовая защита, разглашение, ответственность в сфере экономической деятельности.

A. M. Stolpovsky – Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION IN THE SPHERE OF BANKING SECRECY PROTECTION

The article analyzes the historical monuments of domestic criminal law with the aim of establishing the inception of the Institute of banking secrecy and its development. The author makes conclusions about the presence of continuity of the provisions of the current legislation with the norms of the Code on criminal and correctional punishments in the criminal-legal protection of Bank secrecy. It is noted that in the Soviet period Institute of Bank secrecy and measures of criminal-legal protection in its development have not received.

Key words: banking secrecy, legal protection, disclosure, liability in the sphere of economic activity.

В правоприменительной практике одним из самых распространенных видов тайн, на которые совершаются противоправные посягательства, остается банковская тайна. Проблема правового регулирования банковской тайны состоит в столкновении интересов различных субъектов – участников банковской деятельности. Доступ к информации, составляющей банковскую тайну, позволяет государству решать задачи, связанные с обеспечением национальной безопасности и контролем над финансовой деятельностью своих граждан. Кроме того, конфиденциальность информации о счетах, вкладах и операциях по счетам является обязательным требованием любого клиента к своему банку и зачастую оказывается решающим фактором при его выборе. Не секрет, что клиенты банков независимо от их принадлежности к физическим или юридическим лицам не желают, чтобы иным лицам стали известны сведения об их капиталах, даже если таковые и были получены законным путем. Эта борьба интересов, возникшая на заре формирования банковской деятельности, не потеряла своей актуальности и в настоящее время. Фундаментальным принципом развития общественных отноше-

ний можно назвать поиск разумного компромисса между интересами общества в целом и его отдельных членов. Данное утверждение справедливо и для банковского сектора, который играет важную роль в экономической жизни страны. На сегодняшний день юридический механизм защиты (правовой охраны) привилегированной, содержательной, экономически ценной информации, попавшей в банк в результате его деятельности, от несанкционированного доступа к ней третьих лиц состоит в сокрытии, хранении такой информации в режиме тайны, а именно банковской тайны. Таким образом, при законодательном регулировании этой сферы деятельности необходимо учитывать интересы всего круга ее участников. Рассуждая о современном уровне развития правоотношений в сфере охраны банковской тайны, видится необходимым провести ретроспективный анализ истории развития рассматриваемого института. Вопрос о том, когда же именно зародилось такое явление, как банковская тайна, до настоящего момента не нашел однозначного ответа. Логично было бы предположить, что данное явление могло появиться в период, когда ростовщичество перешло от осуществления одних лишь

кредитных операций к приему денег на сохранение. Эти денежные средства далеко не всегда являлись доходами от официальных сделок, в связи с чем клиенты ростовщиков не желали разглашения сведений об осуществленных ими вкладах. Ростовщики, если и не знали доподлинно о противоправном происхождении денежных средств, то могли догадываться. Такие качества ростовщика, как степень его надежности, способность хранить тайну вклада, «держат язык за зубами», непосредственно влияли на выбор клиента, и чем более ответственно ростовщик относился к вопросу сохранения тайны вклада клиента, тем большим уважением и доверием он пользовался у вкладчиков. Аналогичные требования по неразглашению сведений о вкладах и личности вкладчика предъявляют к банкам и их современники. Истоки правового регулирования явления, которое в настоящее время в юридической науке именуется банковской тайной, уходят далеко в историю развития Российского государства. Анализ документальных законодательных памятников уголовного права России доимперской эпохи не выявил нормативной регламентации преступлений, посягающих на банковскую тайну. Данный тезис вполне объясним, поскольку рассматриваемые преступления могут совершаться лишь в условиях активного развития предпринимательской и иных видов коммерческой деятельности, а также при условии обеспечения уголовно-правовой защиты прав и свобод участников экономической деятельности. Очевидно, что зарождению института банковской тайны в России должны были предшествовать существенные изменения как в экономической ситуации страны, так и в культуре развития кредитных отношений. Хотя политическая надстройка России в начале XIX века оставалась феодальной и базировалась на сохранении устоев феодального общества и защите интересов дворянства, происходящие, в том числе и на государственном уровне, изменения социально-экономической ситуации свидетельствовали о переходе к капиталистическому укладу. Несмотря на серьезное сопротивление самодержавия новому вектору развития экономики страны, власти пришлось идти на определенные уступки. Таким образом, можно сделать вывод о том, что базис развития Российского государства, на тот период еще феодального, был направлен на развитие буржуазных отношений. Анализ основных памятников отечественного уголовного права показал, что впервые нормы, определяющие

меру ответственности за преступления в сфере защиты банковской тайны, были включены в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции от 1866 и 1885 годов). Данный законодательный акт осуществлял нормативное регулирование общих вопросов уголовного права, а также устанавливал ответственность за совершение конкретных преступлений [1, с. 35]. Уложение не содержало особого раздела, включающего в себя описание составов преступлений в сфере экономической деятельности, однако охватывало ряд положений, устанавливающих ответственность за противоправные посяательства на различные виды тайн, возникших в сфере производства, торговли и финансов. Используя современную юридическую терминологию, указанные противоправные деяния можно было бы именовать преступлениями в сфере экономики. Подавляющее большинство данных норм сосредоточено в главах II, XII, XIII и XIV раздела 8 Уложения о наказаниях. Например, ст. 1355 предусматривала наказание в виде лишения свободы сроком от 4 до 8 месяцев работнику фабрики или мануфактуры за разглашение производственной тайны без согласия тех, кому она принадлежит по праву, и причинение ущерба. Похожая норма содержалась в ст. 424 главы 10 «О медленности, нерадении и несоблюдении установленного порядка в отправлении должности» и предусматривала наказание в виде штрафа, соразмерного причиненным убыткам, и лишения свободы сроком от 4 до 8 месяцев за открытие должностным лицом постороннему производственной тайны, принадлежащей правительству либо частному лицу. Таким образом, учитывая примерно соотносимые санкции за оба описанных выше преступления, можно констатировать, что должностные лица несли ответственность за разглашение коммерческой тайны фактически на общих основаниях. Кроме того, Уложение включало в себя и ст. 1187, предусматривающую ответственность продавца (приказчика или сидельца) за умышленные действия по раскрытию торговой или иной тайны, причинившей купцу явный ущерб. Наказание за данное деяние назначалось в виде штрафа в сумме до 200 рублей либо лишения свободы сроком от 2 до 4 месяцев, либо лишения права на торговлю и лишения свободы сроком от 4 до 8 месяцев. В случае установления того обстоятельства, что преступление совершено из корыстных побуждений, виновный подвергался наказанию как за мошенничество по соответствующей статье Уложения исходя из

конкретных обстоятельств совершенного преступления. Особого внимания в связи с тематикой проводимого исследования заслуживает ст. 1157 Уложения, которая содержалась в главе XII «О нарушениях постановлений о кредите». Названная статья предусматривала ответственность за разглашение тайны кредитных установлений [2], то есть банковской тайны в современном ее значении. Таким образом, вне зависимости от обстоятельств, в результате которых разглашение было осуществлено, наказанием за совершение данного преступления безальтернативно являлось отрешение от должности, что, несомненно, имело существенный предупредительный эффект. Однако в случае, если указанное действие было совершено умышленно, а именно с намерением повредить чести или кредиту какого-либо частного лица, то кроме отрешения от должности виновному могло быть назначено наказание в виде заключения в тюрьму сроком от 4 месяцев до 1 года и 4 месяцев. Размер данного наказания соизмерим с наказанием, предусмотренным за аналогичное преступление действующим уголовным законом, что может говорить о его преэминентности. Анализируя санкции вышеуказанных статей, можно сделать вывод о том, что умышленное разглашение банковской тайны по Уложению считалось значительно более тяжким преступлением, чем разглашение коммерческой тайны, за совершение которого по ст. 424, 1187, 1355 назначались идентичные наказания. Чиновники и должностные лица государственных кредитных установлений, общественных и частных банков могли быть привлечены к уголовной ответственности наравне с государственными служащими, что, безусловно, являлось дополнительным регулятором деятельности указанных должностных лиц. В связи с повышением роли местного самоуправления значительная роль в обеспечении социальной и экономической жизни регионов стала отводиться городским общественным банкам. Эти структуры способствовали упорядочению финансовых потоков Российской империи, позволяя перенаправлять их из «глубинки» в центр. Несомненно, деятельность городских общественных банков, как и любых иных учреждений, подлежала нормативному регулированию. В связи с этим в 1857 году было принято первое Положение о городских общественных банках [3], которое позволяло городским общественным банкам выдавать ссуды только местным жителям исходя из принадлежности заемщика к тому или иному сословию.

Каких-либо положений, касающихся регулирования отношений в сфере информации о вкладах и вкладчиках, в данной редакции не содержалось. В связи с усилением позиции городских общественных банков и необходимостью доработки предыдущего положения в 1862 году было принято новое Положение о городских общественных банках, согласно которому сотрудники банков при заступлении на должность обязуются хранить в тайне все вверяемые им банком тайны [4]. Указанные требования распространялись на все категории служащих, в том числе принятых на работу в период деятельности банка, и закреплялись письменным обещанием. Однако при всей нормативности данных положений значительных уголовно-правовых последствий их нарушение не влекло за собой и носило, скорее, характер обычаев делового оборота, действовавших в тот отрезок времени в банковской сфере. Дальнейшее развитие охрана правоотношений в сфере защиты банковской тайны получила уже в постреволюционный, советский период. Нормативное регулирование банковской тайны в СССР осуществлялось в форме законов, которые дополнялись и конкретизировались нормами многочисленных ведомственных правовых документов. Октябрьская революция кроме изменения общественно-политического строя принесла стране еще и представление о полной ненужности каких-либо тайн в сфере экономической деятельности, за исключением государственных.

Отсюда не удивительно, что нормативные акты дореволюционной России были введены в действие лишь в той части, которая не противоречила революционной идеологии Советской республики. В связи с этим институт банковской тайны, не успевший к тому времени принять законченную и понятную форму, потерял свою актуальность как пережиток буржуазного прошлого. Однако построение новой социалистической экономики потребовало создания банковской системы, обслуживающей интересы предприятий, учреждений, организаций и граждан. Правда, самого термина «банковская тайна» в законодательстве советского периода не существовало. Вместо него употреблялся термин «тайна вклада». Впервые процессуальный порядок получения сведений, содержащих банковскую тайну, был заложен декретом СНК РСФСР от 30.06.1921, устанавливающим, что сведения о состоянии вкладов и счетов выдаются исключительно их владельцам либо следственным или судебным властям [5]. Перечень лиц, которым могли выдаваться дан-

ные сведения, был расширен в положении Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26.06.1922, к таковым стали относить и законных представителей вкладчиков [6]. Кроме того, данное положение установило уголовную ответственность служащих государственных сберегательных касс за сообщение сведений о тайне вклада посторонним лицам. Декрет СНК РСФСР от 25.02.1925 [7] вновь расширил объект правовой охраны путем распространения режима охраняемой законом тайны на все операции клиентов. Справки по ним могли выдаваться кроме самих клиентов только судебным и судебно-следственным органам. Необходимо отметить, что нормы, регулирующие тайну вкладов, счетов и операций по ним, содержались и в ряде других нормативных актов. Так, например, ст. 16 Положения о кооперативном кредите предусматривала обязанность членом органов управления кредитно-кооперативной организации, всех их сотрудников хранить тайну вверенных им дел и счетов. Все справки о вкладах, переводах и других операциях клиентов могли выдаваться только самим клиентам, их законным представителям, а также судебно-следственным и судебным органам с точным соблюдением установленного порядка только по делам, находящимся у них в производстве. Иные государственные органы, в том числе и налоговые инспекции, не обладали правом требования указанных справок [8]. Исключение из данного правила содержалось в постановлении ЦИК и СНК СССР «О принципах построения кредитной системы» [9], согласно которому Государственный банк мог требовать от кредитных учреждений сведения об открытых кредитах и задолженностях отдельных клиентов, а также о текущих счетах и вкладах государственных органов. Казалось бы, вопрос обеспечения сохранности тайны вклада получил свое нормативное регулирование. Однако Уголовный кодекс РСФСР 1926 года не содержал самостоятельных норм, устанавливающих ответственность за посягательства на тайну вклада. Тем не менее ст. 121 «Разглашение, сообщение, передача или собирание в целях передачи должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению», которая на первый взгляд не имела прямого отношения к охране тайны вклада, могла быть применена к должностным лицам, разгласившим тайну вклада, ставшую им известной при исполнении служебных обязанностей. Совершение этих деяний влекло за собой назначение наказания в виде лишения свободы или дисциплинарного взыскания, налагаемого соответствующими органами [10].

Из вышеизложенного следует, что основное внимание законодатель уделил охране конфиденциальных сведений в сфере служебной деятельности должностных лиц органов государственной власти при осуществлении ими своих функций. Вопрос регулирования «тайны вклада» затрагивался такими нормативными актами, как Устав Центрального сельскохозяйственного банка СССР от 1927 года [11], положение «О государственных трудовых сберегательных кассах» от 1925 года [12], положение «О кооперативном кредите» от 1927 года [13]. Они отчасти уточняли перечень сведений, составляющих банковскую тайну, а в отдельных случаях – даже расширяли его. Так, в соответствии со ст. 23 Устава государственных трудовых сберегательных касс СССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 20.11.1948 [14], государственные трудовые сберегательные кассы сохраняли в тайне сведения о совершаемых ими операциях и состоянии счетов по вкладам. Также было предусмотрено, что сведения о вкладах могли получить кроме самих клиентов и их представителей только суды, органы предварительного следствия и дознания. Тайна вклада могла быть раскрыта как в том случае, когда вкладчик привлечен по уголовному делу в качестве обвиняемого, так и тогда, когда это было необходимо судебно-следственным органам для проведения следствия, помогало раскрыть преступление и изобличить преступника, выявить способы и мотивы совершения преступления, обеспечить удовлетворение гражданского иска, вытекающего из уголовного дела. При этом требования направлялись в центральную сберегательную кассу города или района независимо от того, в какой из подчиненных ей сберегательных касс находился вклад [15, с. 42–44]. Установленные в ст. 23 устава правила распространялись и на облигации, сданные гражданами на хранение в сберегательные кассы. Однако действие данной статьи не распространялось на вклады организаций. Кредитные учреждения обязаны были хранить в тайне сведения о самих вкладчиках и тех гражданах, которые внесли вклады на имя другого лица либо распоряжались вкладами по доверенности вкладчика или по закону, а также сведения о вкладах, как действующих, так и закрытых, сведения о состоянии текущих счетов и совершаемых по ним операциях: прием дополнительных взносов, выдача, перевод вкладов, безналичные перечисления и т. д. Это положение, в частности, было закреплено в ст. 6 Устава Внешторгбанка СССР [16]. Для обеспечения сохранности

тайны вкладов ст. 23 Устава сберегательных касс закрепляла положение о том, что лица, работавшие в сберегательных кассах или производившие ревизии и обследования сберегательных касс, а также должностные лица судебных и следственных органов, нарушившие правила указанной статьи, привлекались к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 25 Устава сберегательных касс правила ст. 23 указанного Устава распространялись также на облигации, сданные гражданами на хранение в сберегательные кассы. До появления специальных законов, регулирующих банковскую деятельность, положения о банковской тайне в обязательном порядке включались в уставы коммерческих, кооперативных банков, регистрируемых Госбанком СССР. Помимо вышеперечисленных нормативных актов сохранность тайны вкладов гарантировала также и ст. 87 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик [17]. Впоследствии государство гарантировало тайну вкладов физических лиц в ст. 395 принятого в 1964 году Гражданского кодекса РСФСР. Устав государственных трудовых сберегательных касс 1977 года [18] расширил перечень органов, которым было предоставлено право на получение сведений, составляющих тайну вклада, дополнив перечень таковых финансовыми органами и нотариальными конторами по находящимся в их производстве наследственным делам о вкладах умерших вкладчиков. Несмотря на то, что вопросы защиты банковской тайны выделялись одной из важных задач развития экономики, общественным отношениям в данной области, по нашему мнению, недоставало культуры и устойчивости отношений между банками, потребителями банковских услуг и контролирующими органами. Ряд авторов того времени считает, что право на тайну вкладов преподносилось вкладчикам сберегательных касс и других кредитных учреждений не в качестве обязательного элемента отношений в данной сфере, а в качестве льготы [19, с. 56]. Общественно-политические преобразования, происходившие в стране во второй половине 80-х годов XX века, обусловили необходимость коренной перестройки

экономики, выводя ее на рыночные отношения, а также создания реально действующих институтов прав и свобод граждан. Все это потребовало существенного реформирования соответствующих отраслей законодательства, в том числе тех, которые бы обеспечивали надлежащее правовое обеспечение различных видов тайн, включая банковскую.

Подводя итог исследованию истории развития отечественного уголовного законодательства в сфере охраны банковской тайны, представляется возможным сделать следующие выводы: уголовное законодательство в сфере защиты банковской тайны зародилось и получило свое развитие в эпоху перехода от феодального к капиталистическому укладу, когда во главу угла как фундамент развития экономической деятельности государства начали ставиться интересы страны в целом и отдельных хозяйствующих субъектов; впервые нормы, регламентирующие ответственность за разглашение конфиденциальных сведений в сфере банковской деятельности, были введены в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции от 1866 и 1885 годов) и устанавливали ответственность за посягательства на различные виды производственных тайн, в том числе и на тайну кредитных установлений. При этом чиновники и должностные лица банков несли уголовную ответственность на общих основаниях; анализ российского уголовного законодательства об ответственности за противоправные посягательства на банковскую тайну выявил преемственность и взаимосвязь правовых норм в области охраны банковской тайны, содержащихся в Уложении о наказаниях и его приемнике – современном Уголовном кодексе Российской Федерации. Основным локомотивом развития данных норм явилось развитие совокупности экономических и демократических правоотношений в обществе; постреволюционная доктрина принесла с собой представление о вредности каких-либо тайн в сфере экономической деятельности, в связи с чем своего развития институт банковской тайны и меры его охраны уголовно-правовым путем не получили.

Литература

1. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2005.
2. Бараева О. В. Банковская тайна в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Bibliography

1. Russian criminal law. General part / ed. by V. S. Komissarov. St. Petersburg, 2005.
2. Barayeva O. V. Banking secrecy in criminal law: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2004.
3. Complete collection of laws of the Russian

3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXII № 31967. 1857.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVII.
5. Об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операций: декрет СНК РСФСР от 30.06.1921 // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1921. № 52. Ст. 351.
6. Собрание уголовного законодательства. 1923. № 1. Ст. 13.
7. О дополнении декрета Совета Народных Комиссаров от 30 июня 1921 года об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операций статьям 4-а, 4-б и 4-в: декрет СНК РСФСР от 25.02.1925 // Изв. ВЦИК. № 51. 03.03.1925.
8. Об утверждении Положения о кооперативном кредите: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 18.01.1927 // Собр. законодательства СССР. 1927. № 4. Ст. 43, 44.
9. О принципах построения кредитной системы: постановление ЦИК и СНК СССР // Собр. законодательства СССР. 1927. № 35. Ст. 364.
10. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 148.
11. Устав Центрального сельскохозяйственного банка СССР от 1927 года // Собр. законодательства СССР. 1927. № 4. Ст. 426.
12. О государственных трудовых сберегательных кассах: положение от 1925 г. // Собр. законодательства СССР. 1925. № 81. Ст. 612.
13. О кооперативном кредите: положение от 1927 г. // Собр. законодательства СССР. 1927. № 4. Ст. 44.
14. Собрание постановлений СССР. 1948. № 7. Ст. 89.
15. Седугин П. И. Вклады граждан в кредитных учреждениях. М., 1964.
16. Устав Внешторгбанка СССР // Собр. постановлений СССР. 1982. № 18. Ст. 6
17. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 08.12.1961 // Вед. Верховного Суда СССР. 1961. № 50. Ст. 525.
18. Собрание постановлений СССР. 1977. № 21. Ст. 131.
19. Маркелова К. А. Банковская тайна: правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
- Empire. Meeting 2. Vol. XXXII. № 31967, 1857.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 2. Vol. XXXVII.
5. On the abolition of restrictions of money and measures to develop the Deposit and conversion operations: decree of the SNK RSFSR from 30.06.1921 // Meeting of legalizations and orders of the labor and peasant government of the Russian Federation. 1921. № 52. Art. 351.
6. A meeting of the criminal law. 1923. № 1. Art. 13.
7. On amendments to the decree of the Council of people's Commissars of June 30, 1921, on the abolition of restrictions of money and measures to develop the Deposit and conversion operations articles 4-a, 4-b and 4-in: decree of the SNK RSFSR from 25.02.1925 // Izvestiya VCEC. № 51. 03.03.1925.
8. About the statement of Regulations about co-op credit: decision of the CEC of the USSR SNK from 18.01.1927 // Collection of legislation of the USSR. 1927. № 4. Art. 43, 44.
9. On the principles of the credit system: decision of the CEC and SNK USSR // Meeting of the legislation of the USSR. 1927. № 35.
10. Criminal code of RSFSR 1926 // Meeting of legalizations and orders of the labor and peasant government of the Russian Federation. 1926. № 80. Art. 148.
11. Charter of the Central agricultural Bank of the USSR from 1927 // Collected legislation of the USSR. 1927. № 4. Art. 426.
12. On the state labour savings banks: decision from 1925 // Meeting of the legislation of the USSR. 1925. № 81. Art. 612.
13. On cooperative credit: regulation 1927 // Collected legislation of the USSR. 1927. № 4. Art. 44.
14. Collection of decisions of the USSR. 1948. № 7. Art. 89.
15. Sedugin P. I. Deposits in credit institution. Moscow, 1964.
16. Charter of Vneshtorgbank of the USSR // Collection of decisions of the USSR. 1982. № 18. Art. 6.
17. On approval of the Fundamentals of civil legislation of the USSR and the Union republics: Law of the USSR from 08.12.1961 // Bulletin of the USSR armed forces. 1961. № 50. Art. 525.
18. Collection of decisions of the USSR. 1977. № 21. Art. 131.
19. Markelov K. A. Bank secrecy: legal aspects: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2000.

© 2017 г. М. С. Колосович,

докторант Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: 270619@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА

В статье анализируется правовая регламентация гласности предварительного следствия Советского государства довоенного периода, а также рассматриваются негативные последствия игнорирования принципа гласности уголовного судопроизводства в деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: гласность предварительного следствия, Советское государство, довоенный период.

M. S. Kolosovich – Doctoral Candidate, Volgograd Academy of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

PROBLEMS OF REALIZATION OF PUBLICITY OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN SOVIET RUSSIA OF PRE-WAR PERIOD

The paper article analyzes the legal regulation of the openness of the preliminary investigation of the Soviet state of the pre-war period, and also discusses the negative consequences of ignoring the principle of the publicity of criminal proceedings in law enforcement.

Key words: publicity of the preliminary investigation, the Soviet State, the pre-war period.

Следствием Октябрьской революции 1917 года стало полное уничтожение юстиции Российской империи и приостановление действия институтов мировых судей, судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры, а также упразднение общих судебных установлений (пп. 1–3 декрета «О суде»). В этой связи в первый год существования советской власти система органов предварительного следствия не имела четкой нормативной регламентации, а их деятельность осуществлялась на основе революционного правосознания.

В соответствии с декретом «О суде» суды образовывались на основе выборов, а предварительное следствие осуществлялось местными судьями единолично (п. 3). Кроме того, для осуществления следствия при районных и городских Советах были созданы следственные комиссии, а для борьбы с контрреволюционными силами – особые следственные комиссии (п. 8).

В соответствии с декретами «О суде» № 2 (ст. 21) и № 3 (ст. 6), предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда, производилось следственными комиссиями из трех лиц, избираемых до назначения прямых выборов, – Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Вопросы гласности предварительного следствия в этих трех декретах не рассматривались.

Одновременно при Революционном трибунале создаются следственные комиссии в составе шести человек, избираемых Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ведению которых подлежали дела о контрреволюционных деяниях, о сообщении ложных сведений о Рабоче-крестьянском правительстве, о вредящем или дискредитирующем советскую власть использовании служебного положения, о разглашении военной тайны иностранным державам или контрреволюционным организациям и др. (п. «е» ст. 3 инструкции Наркомюста РСФСР от 19.12.1917 [1], ст. 9 положения «О революционных трибуналах» 21.02.1919 [2]). По делам, подлежащим передаче в Верховный трибунал, создавалась следственная комиссия из трех лиц, избираемых Центральным исполнительным комитетом (ст. 41 положения «О революционных трибуналах» 21.02.1919). Перечисленные нормативные правовые акты также не затрагивали вопросов гласности предварительного следствия.

Совмещение членами трибунала судебной и следственной деятельности не допускалось (примечание положения «О революционных трибуналах» 21.02.1919). К сожалению, данное правило было проигнорировано при создании трибуналов печати, наделенных полномочиями производства расследования и разбирательства преступлений и проступков против народа, совершаемых путем исполь-

зования печати, и состоящих из трех человек, избираемых Советом рабочих и солдатских депутатов (п. 3 инструкции Наркомюста РСФСР от 18.12.1917 [3]).

Принятый в 1918 году декрет СНК РСФСР от 28.01.1918 [4] изменений в численность следственной комиссии и ее полномочия не внес. Решения о производстве ареста, обыска, выемки и освобождении арестованных (п. «з» ст. 3 инструкции Наркомюста РСФСР от 19.12.1917, п. «в» ст. 4 декрета СНК РСФСР от 28.01.1918), прекращении дела, привлечении в качестве обвиняемого (ст. 11 положения «О революционных трибуналах» 21.02.1919) были действительны только при их коллегиальном принятии всеми членами следственной комиссии.

Заседания трибуналов печати, осуществляющих расследование и разбирательство преступлений, проводились публично, без каких-либо дополнительных условий и ограничений (п. 6 инструкции Наркомюста РСФСР от 18.12.1917, ст. 7 декрета СНК РСФСР от 28.01.1918).

Комментируя вопросы следственного производства первых трех лет существования Советского государства, идеолог проведения массовых репрессий, наказания по политическим основаниям, массовых арестов и внесудебных преследований Н. В. Крыленко отмечал, что до 1920 года действовали, хотя и слабо нормативно закреплённые, но молчаливо воспринятые всеми принципы гласности, проявляющиеся в деятельности следственных комиссий, камер предания суду и состязательности сторон. Вопрос о полноте следствия и достаточности улик для направления уголовного дела в суд разрешался гласно, с участием обвиняемого и допущением сторон, с прениями последних, а иногда и вызовом свидетелей. Гласная камера предания суду являлась заключительным этапом предварительного расследования и состояла из двух частей – предъявления материалов для ознакомления и вручения обвинительного акта [5].

Здесь отметим, что сначала учеными Российской империи [6, с. 50, 56; 7, с. 37; 8, с. 103–104], несколько позже некоторыми советскими [5, с. 153–154; 9, с. 372; 10, с. 76], а затем и российскими процессуалистами гласность уголовного судопроизводства разделялась на общую гласность (возможность присутствия на судебных заседаниях всех желающих) и гласность сторон (право присутствия при

процессуальных действиях только тех лиц, которые участвуют в деле в качестве сторон). В наши дни А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, признавая некую автономность гласности сторон, указывают, что под ней понимают «...право обеих сторон присутствовать при проведении процессуальных действий, знакомиться со всеми материалами дела и делать заявления» [11, с. 78–79].

Складывающаяся практика открытости уголовного судопроизводства Советского государства формировалась под воздействием идеологии В. И. Ленина, которая обусловила развитие общественных отношений страны на последующие 70 лет (чем и объясняется наш интерес к его работам). Комментируя антиправительственные выступления в Петрограде (3–5 июля 1917 года), В. И. Ленин рассматривал гласность как обязательный элемент предварительного расследования, требуя проведения «гласного, открытого для публики, допроса свидетелей... с немедленной публикацией протоколов допроса» участников названных действий [12, с. 26]. В сентябре 1917 года В. И. Ленин в очередной раз высказался за гласность, требуя гласного и независимого от власти «расследования дела корниловцев, как и всех прочих» [12, с. 236], отметив, что при наличии гласности расследования и независимости членов комиссии, его осуществляющих, становится незначительным субъект возбуждения уголовного дела.

Коллегиальность осуществления следственной комиссией расследования и участие в ее деятельности представителей народа позволили Н. В. Крыленко [5, с. 151], а значительно позже и О. А. Сегал [12, с. 15] сделать поспешный вывод о проявляющейся таким образом гласности предварительного следствия. Представляется, что сам факт избрания членов следственной комиссии из круга политически активных и революционно настроенных представителей народа еще не дает нам права делать вывод о наличии гласности предварительного следствия или всего судопроизводства.

К сожалению, гласность предварительного следствия постепенно начала терять свои позиции. Уже в мае 1918 года в п. 7 декрета СНК РСФСР от 04.05.1918 [14] было закреплено указание на разрешение вопросов осуществляемого следственной комиссией трибунала расследования в закрытых заседаниях, причем безальтернативно.

Фактически одновременно с трибуналами и следственными комиссиями, входящими в их состав, при Совете народных комиссаров РСФСР создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). На начальном этапе образования деятельность ВЧК была обращена в первую очередь на «печать, саботажников и стачечников», для чего она наделялась правом ведения предварительного следствия, в ходе которого разрешалось применять конфискацию, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и др. (пп. 3–4 постановления «О создании ВЧК» 1917 года [15]).

Однако со временем рассматриваемая структура получила практически безграничные полномочия по внесудебному «правосудию», реализуя их в соответствии с принципом «революционной необходимости». Первым шагом к этому стало принятие декрета «Социалистическое отечество в опасности!» 1918 года [16], впервые закрепившего право ВЧК расстреливать, указав в п. 8 следующий тезис: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

В этом же году к праву ВЧК на незамедлительный расстрел классовых врагов добавляется полномочие по их изолированию в концентрационных лагерях и других местах заключения (постановление «О Красном терроре» 1918 года [17]). Кроме того, указывалось на необходимость опубликования имен всех расстрелянных, а также оснований применения к ним этой меры наказания, тем самым информируя общественность о принятых решениях.

Полномочия ВЧК в 1919 году были сокращены (постановление ВЦИК от 17.02.1919 [18]), однако право осуществления расследования и непосредственной расправы с «врагами народа» у них сохранилось (ст. 3–4). Еще через несколько дней в структуре ВЧК появляется особый отдел, «ведущий активной борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и тылу», наделенный правом «ведения следствий и всех связанных с ними действий, как-то: обысков, выемок и арестов» (ст. 5, 10 положения «Об Особых Отделах при ВЧК» от 21.02.1919 [19]).

По мнению Н. В. Крыленко, коренным переломом для гласности в деятельности трибуналов стало внесение в 1919 году измене-

ний в их полномочия, когда в переданном ВЧК следствии было «упразднено коллегиальное начало в организации следственных дел и введены единоличные народные следователи». Констатируя произошедшие изменения, автор поспешил заявить об их целесообразности, отметив, что в условиях гласности и состязательности следствия обвиняемым предоставлялось неоправданно много возможностей для уклонения от преследования [5, с. 156].

Постановлением ВЦИК от 06.02.1922 ВЧК реорганизуется в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, а уже 16.10.1922 наделяется полномочиями расстрела лиц, задержанных на месте преступления при совершении бандитских налетов и вооруженных ограблений, и в 1927 году – правом репрессий по делам о «вредительстве». В 1929 году в структуре ГПУ появляются «тройки», осуществляющие рассмотрение окончанных следственных дел и последующего доклада на судебных заседаниях коллегии или особого совещания [20].

Несмотря на активное развитие репрессивного «правосудия», в 1922 году принимается Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, формально не содержащий термина «гласность», однако по факту впервые после Октябрьской революции 1917 года нормативно закрепивший не только гласность судебного заседания и приговора суда, но и основания ограничения ее действия (ст. 19–21, 443).

Нововведения допускали удаление публики из зала на все время судебного заседания или только на его часть. Основаниями такого ограничения являлись: 1) необходимость сохранения военной, дипломатической и государственной тайны; 2) рассмотрение дел о преступлениях, связанных с нарушением права на половую неприкосновенность; 3) недостижение лицом 14-летнего возраста. Независимо от оснований проведения закрытого судебного заседания приговор провозглашался публично (ст. 21 УПК РСФСР 1922 года).

Созданием механизмов реализации гласности судебного разбирательства законодатель в данном случае не ограничился, предоставив и следователю право самостоятельно определять объем публичного оглашения данных, добытых в ходе предварительного следствия, при этом обозначив преследование законом несанкционированное следователем их опубликование (ст. 118 УПК РСФСР

1922 года). Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года данное полномочие следователя повторно закрепил в ст. 115.

К средствам обеспечения гласности предварительного следствия Н. В. Крыленко отнес также предусмотренное в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года право обвиняемого (потерпевшего) присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. Данное право не безусловно и могло быть ограничено отказом следователя в его реализации в случае признания присутствия и участия названных лиц при производстве следственных действий, препятствием раскрытия истины или сохранения в тайне тех сведений, преждевременное оглашение которых могло помешать ходу предварительного следствия (ст. 117), по сути, реализуя ранее нами рассмотренную гласность сторон.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года уже не регламентировал возможность участия обвиняемого в производстве открытых следственных действий.

В продолжение политики упрощения процесса в 1926 году принимается Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре [21], определившее процессуальные особенности производства дел в военных трибуналах. Отступление от начал гласности и состязательности судопроизводства по некоторой категории преступлений небольшой тяжести состояло в необязательности осуществления следствия (ст. 25 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 года).

Продолжающаяся в условиях диктатуры рабочего класса культивация репрессивных начал уголовного судопроизводства обусловила появление в 1934 году ускоренного порядка расследования и незамедлительного рассмотрения судом дел о террористических организациях и террористических актах (постановление ЦИК СССР от 01.12.1934 [22]). Аналогичные изменения были внесены и в уголовно-процессуальные кодексы республик СССР [23], узаконившие расследование и рассмотрение дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти в особом порядке: 1) упрощенное предварительное следствие сроком до 10 дней; 2) обязательность вручения обвиняемому за сутки до рассмотрения дела в суде обвинительного заключения; 3) запрет на участие сторон в слушании дела, по сути, уст-

ранивший гласность судебного заседания; 4) запрет кассационного обжалования приговоров и подачи ходатайств о помиловании; 5) незамедлительное исполнение приговора о высшей мере наказания.

Со временем политика двойных стандартов в уголовном судопроизводстве (связанная с особым порядком рассмотрения дел против советской власти) была фактически признана некоторыми официальными лицами страны. Так, заместитель наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко в 1928 году писал: «... в критические моменты борьбы пролетарская власть предпочитает прибегать к процессуальной технике ВЧК и ГПУ, где, как известно, формальные гарантии отсутствуют почти совершенно». Выступая за верховенство принципа «революционной необходимости», Н. В. Крыленко предлагал сделать процесс еще более жестким, давая возможность «без лишних слов бороться с покушениями на революцию». Достижение названной задачи он видел в нормативном закреплении двух процессов, один из которых соответствовал «процессуальной технике ВЧК и ГПУ» [5].

В условиях фактического отсутствия следствия (право расстрела сотрудниками ВЧК задержанного на месте преступления, а также по некоторым преступлениям, совершенным военнослужащими) или упрощенного порядка его производства возникают сомнения в возможности реализации его гласности. Последующее применение упрощенной формы процесса стало свидетельством неспособности ее существования совместно с гласностью уголовного судопроизводства.

Продолжая развитие упрощенной формы судопроизводства, советская власть принимает значительное количество ведомственных нормативных актов, диссонирующих, а в некоторых случаях – даже подменяющих действующее уголовно-процессуальное законодательство (например, ст. 19–21 УПК РСФСР 1923 года), окончательно сформировавших два основных порядка производства: «развернутый, или широкий, порядок и сокращенный, или упрощенный, ... понимая под первым рассмотрением дела с участием обвинения и защиты, вызовом по делу необходимых свидетелей, допущением прений сторон и т. д., и под вторым порядком – слушание дела без свидетелей, без защиты и обвинения, с одним только допросом обвиняемого самим председателем трибунала, с предостав-

лением обвиняемому последнего слова... Второй порядок должен быть усвоен как общее правило для большинства дел...» [5].

В 1934 году ранее созданное при НКВД особое совещание было наделено правом применения в отношении лиц, признанных общественно опасными, мер административного порядка, в виде высылки, ссылки, заключения в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылки за пределы СССР (ст. 1 постановления ЦИК СССР, СНК СССР 1934 года № 22 [24]). Такое же полномочие зафиксировано и в приказе НКВД СССР 1937 года № 00486.

В 1938 году полномочия внесудебного органа были расширены правом ускоренного рассмотрения дел, не подлежащих гласному судебному разбирательству. Препятствием для гласного разбирательства стала «опасность расшифровки ценного агента, невозможность в судебном порядке использовать доказательства, изобличающие виновность арестованного, в то время как виновность арестованного несомненна и т. д.». Интересно, что несмотря на предпринятые меры безопасности конфиденнта, следователям предписывалось агентурные материалы подследственному не предъявлять и в следственные дела не подшивать, особо храня их в отдельном деле (п. «б» ст. 7, примечание к ст. 8 приказа НКВД СССР 1938 года № 00762).

Издаются и другие ведомственные приказы, регламентирующие ускоренное производство. Так, в период с июня по сентябрь 1937 года подписывается сразу четыре секретных приказа, оказавших крайне негативное воздействие на судьбы многих десятков тысяч человек. В соответствии с приказами НКВД СССР от 25.06.1937 № 00439, от 30.07.1937 № 00447, от 11.08.1937 № 00485 и от 20.09.1937 № 00593 страна была разделена на оперативные сектора, руководство которыми возлагалось на начальника оперативной группы. Названное должностное лицо объединяло полномочия по выявлению и учету лиц, подлежащих репрессированию, руководству следствием, утверждению обвинительных заключений и приведению приговоров в исполнение. После проведения негласного ускоренного предварительного следствия уголовное дело предписывалось направлять на рассмотрение «тройки» (ч. 5 ст. III, ст. IV приказа НКВД СССР 1937 года № 00447).

Отсутствие гласности следствия, а значит

и общественного контроля за ним, повлекло за собой безнаказанное нарушение действующего законодательства и незаконное ограничение прав и законных интересов участников процесса. Негласное упрощенное производство подвергалось критике и самой советской властью, которой неоднократно отмечались случаи выявления «крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры», связанных с недопущением незаконных арестов, обысков, конфискаций или изъятия имущества [25, с. 216–218; 26].

Кроме того, к наиболее распространенным нарушениям власти также относили: отсутствие допроса арестованных в течение месяца и более после ареста; отсутствие протокола допроса арестованных; запись следователем показаний в виде заметок; позднее (через декаду, месяц и даже больше) составление следователем протокола допроса арестованного, общего и в нарушение требований ст. 138 УПК РСФСР 1923 года, не дословного; составление протоколов только после признания арестованного в совершении преступления; отсутствие в протоколах допроса показаний обвиняемого, опровергающих те или иные данные обвинения; оформление протоколов дела карандашами, наличие в них исправлений записей данных показаний; наличие в деле протоколов показаний, неподписанных допрашиваемым и незаверенных следователем; приобщение к материалам дела не подписанных и не утвержденных обвинительных заключений и т. п.

Таким образом, к началу 40 годов XX столетия сформировалось два основных порядка уголовного судопроизводства: 1) упрощенное – по уголовным делам о преступлениях, которые направлены на подрыв устоев советской власти, называемое репрессивным, и 2) расширенное – производство общегражданских судебных процедур по оставшейся категории дел. Упрощенное производство осуществлялось в условиях игнорирования принципа гласности уголовного судопроизводства. Гласность же предварительного следствия по другим категориям уголовных дел реализовывалась лишь в праве ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела и вручении обвинительного акта по окончании расследования.

Судопроизводство, осуществляемое в условиях формально провозглашенной, однако постфактум отсутствующей гласности, привело к безнаказанному нарушению закреплен-

ной процедуры расследования и судебного разбирательства, а подмена уголовно-процессуального законодательства ведомственными

нормативными актами – к системным нарушениям прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний: инструкция Наркомюста РСФСР от 19.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170. URL: <http://lawru.info/dok/1917/12/19/n1206315.htm>
2. Положение о революционных трибуналах РСФСР от 21.02.1919. URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/08-22-pologenie-revtribunal-1919.shtml>
3. О революционном трибунале печати: инструкция Наркомюста РСФСР от 18.12.1917. URL: <http://lawru.info/dok/1917/12/18/n1206320.htm>
4. О Революционном Трибунале Печати: декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 28.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 362.
5. Крыленко Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроения, судопроизводства и материального уголовного права СССР. М.; Л., 1927. Ч. 1, 2.
6. Случевский В. К. Судопроизводство: учеб. русского уголовного процесса. СПб., 1892.
7. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. СПб., 1912. Т. 1.
9. Чельцов-Бebutov М. А. Уголовный процесс. М., 1948.
10. Якупов Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993.
11. Уголовный процесс: учеб. / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
12. Ленин В. И. Ответ // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 34.
13. Сегал О. А. Проблемы реализации гласности в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
14. О революционных трибуналах: декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 04.05.1918. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381083>
15. О создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК): постановление Совета

Bibliography

1. The Tribunal, its composition *Revoljucionnom', delah', podlezhashhih', vedeniju it nalagaemyh' them nakazaniyah' and vedenija his zasedanij*: people's Commissariat of Justice of the RSFSR from 19.12.1917 // SU. 1917. № 12. Art. 170. URL: <http://lawru.info/dok/1917/12/19/n1206315.htm>
2. The position of the revolutionary tribunals of the RSFSR from 21.02.1919. URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/08-22-pologenie-revtribunal-1919.shtml>
3. About revolutionary Tribunal of the press: statement people's Commissariat of Justice of the RSFSR from 18.12.1917. URL: <http://lawru.info/dok/1917/12/18/n1206320.htm>
4. The Revolutionary Tribunal: decree of the Council of people's commissars of the RSFSR from 28.01.1918 // SU. 1918. № 28. Art. 362.
5. Krylenko N. V. Court and law in the Soviet Union: a theoretical and practical commentary on the basics of judiciary proceedings and substantive criminal law of the USSR. Moscow; Leningrad, 1927. Part 1, 2.
6. Sluchevsky V. K. Proceedings: tutorial of the Russian criminal procedure. St. Petersburg, 1892.
7. Hessen I. V. Judicial reform. St. Petersburg, 1905.
8. Foinitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1912. Vol. 1.
9. Cheltsov-Bebutov M. A. Criminal process. Moscow, 1948.
10. Jakupov R. H. Enforcement in criminal proceedings in Russia. Moscow, 1993.
11. Criminal Procedure: textbook / A.V. Smirnov, K. B. Kalinowski; under the general editorship A. V. Smirnova. 4 edition, revised and expanded. 2008.
12. Lenin V. I. Response // Complete edition. 5 edition. Moscow, 1969. Vol. 34.
13. Segall O. A. Transparency implementation issues in criminal procedure of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Izhevsk, 2004.
14. The revolutionary tribunals: decree of the Council of people's commissars of the RSFSR from 04.05.1918. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381083>
15. On the establishment of the all-Russia extraordinary Commission (the CHEKA): decision of

народных комиссаров от 20.12.1917. URL: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-24-postanovlenie-snk-vchk-1917.shtml>

16. Социалистическое отечество в опасности: декрет от 21.02.1918 // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I.

17. О красном терроре: постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 05.09.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.

18. О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: постановление ВЦИК от 17.02.1919 // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

19. Об Особых Отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (Положение): постановление Всерос. центрального исполнительного комитета от 21.02.1919. URL: <http://istmat.info/node/35566>

20. Исаев М. А. История Российского государства и права: учеб. / МГИМО (Университет) МИД России. М., 2012.

21. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.08.1926. URL: <http://consultant.ru>

22. О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов: постановление ЦИК СССР от 01.12.1934 // Проведено опросом членов Президиума ЦИК СОЮЗА ССР: протокол № 112 заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 01.12.1934. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009096>

23. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: постановление ЦИК СССР от 01.12.1934 // Собр. законодательства СССР. 1934. № 64. Ст. 459.

24. Об Особом Совещании при НКВД СССР: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 05.11.1934 № 22 // Собр. законодательства СССР. 1935. № 11. Ст. 84.

25. О революционной законности: постановление ЦИК и СНК СССР от 25.06.1932 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 гг. М., 1997.

26. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия: постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 17.11.1938 № 81. URL: <http://consultant.ru>

the Council of people's of 20.12.1917 Komisarov. URL: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-24-postanovlenie-snk-vchk-1917.shtml>

16. The Socialist fatherland is in danger: decree of 21.02.1918 // Decrees of Soviet power. Moscow, 1957. T. I.

17. Of the red terror: resolution of the Council of people's commissars of the RSFSR from 05.09.1918 // SU RSFSR. 1918. № 65. Art. 710.

18. The all-Russian extraordinary Commission: ALL-Ruling from 17.02.1919 // SU RSFSR. 1919. № 12. Art. 130.

19. On the Special Departments under all-Russian Extraordinary Commission (Position): resolution of all-Russian Central Executive Committee of 21.02.1919. URL: <http://istmat.info/node/35566>

20. Isayev M. A. The history of Russian State and law: textbook / MGIMO (University) MFA Russia. Moscow, 2012.

21. The situation of military tribunals and the military prosecutor's Office: decision of the CEC of the USSR Ruling, SNK from 20.08.1926. URL: <http://consultant.ru>

22. On the order of doing things on the preparation or perpetration of terrorist acts: the decision of the CEC of the USSR dated 01.12.1934. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009096>

23. Amending existing penal procedural codes of the member republics of the USSR: decision of the CEC of the USSR from 01.12.1934 // Collected legislation of the USSR. 1934. № 64. Art. 459.

24. The special meeting of the NKVD: CEC resolution of the USSR council of people's commissars of 05.11.1934 № 22 // Collected legislation of the USSR. № 1935. № 11. Art. 84.

25. The revolutionary legality: decision of the CEC and SNK the USSR from 25.06.1932 // Reader on the history of the domestic State and law 1917–1991 years. Moscow, 1997.

26. About arrests, prosecutorial oversight and the conduct of the investigation: decision of the CPC of the USSR, the CPSU (b) from 17.11.1938 № 81. URL: <http://consultant.ru>

© 2017 г. С. В. Мельник,

доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: m809sv@yandex.ru

Д. А. Мальбин,

адвокат юридической фирмы «ЮСТ» кандидат юридических наук.
E-mail: dm_malbin1504@list.ru

ИСК О ВСТУПЛЕНИИ ВО ВЛАДЕНИЕ В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются предусмотренные законопроектом о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации способы защиты владения, а также их аналоги, существовавшие в римском частном праве. Авторы приходят к выводу о том, что наряду с исками о возврате утраченного владения и о прекращении действий, нарушающих владение, в систему гражданско-правового законодательства также должен быть включен иск о вступлении во владение.

Ключевые слова: владение, защита владения, иск, римские интердикты, вступление во владение.

S. V. Melnik – Associate Professor, Department of Civil and Economic Disciplines, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, PhD in Law, Associate Professor.

D. A. Malbin. – Attorney, Law Firm «YUST», PhD in Law.

CLAIM FOR POSSESSION IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the ways of protecting possession, as well as their analogues, that existed in Roman private law, envisaged by the draft law on amending the Civil Code of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that, along with claims for the return of lost possession and for the termination of actions that violate possession, a claim for entering possession should also be included in the system of civil law.

Key words: possession, protection of possession, lawsuit, Roman interdicts, entry into possession.

Прошло уже восемь лет с начала реформы гражданского законодательства, проводимой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] и разработанной на его основе Концепции развития гражданского законодательства [4]. Вместе с тем следует признать, что реформа гражданского законодательства не доведена до конца, поскольку важная ее составляющая – реформа вещного права, так и не была воплощена в жизнь.

Как известно, проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект) [3] был разделен на несколько законопроектов, которые рассматривались и принимались отдельно, что законодательно представлялось

правильным. Вместе с тем такой подход не только привел к некоторым противоречиям при введении отдельных законопроектов в действие в различное время, но и не позволил провести полноценную реформу гражданского законодательства.

Вещное право – одна из центральных подотраслей гражданского законодательства, и стагнация, которая возникла в связи с выборочной реформой законодательства, может иметь негативные последствия и в области иных частных правоотношений. По изложенным причинам полагаем, что законодателю следует обратить особое внимание на данную проблему и завершить реформу гражданского законодательства.

Причины, по которым важна реформа вещного права, состоят не только в собственно модернизации и приведении в соответствие с текущими рыночными потребностями права собственности и иных вещных прав, но и

в необходимости введения известного развитием правопорядком института владения как факта и его защиты.

Так, законопроект предусматривает введение в действующий Гражданский кодекс Российской Федерации [2] отдельного подраздела, регулирующего отношения владения и его защиты. По смыслу ст. 209 ГК РФ в редакции законопроекта под владением следует понимать фактическое господство лица над объектом владения.

Квалификация владения в качестве факта является традиционной и преобладающей точкой зрения в отечественной [12, с. 292; 15, с. 113; 6, с. 92; 17, с. 564; 16, с. 50] и зарубежной юридической науке [9, с. 3; 7, с. 312]. Данный подход представляется верным, так как определение владения в качестве факта дает возможность отделить фактическое владение от субъективных прав, которые позволяют лицу владеть имуществом.

Законопроект предусматривает пять способов защиты фактического владения:

1) иск о восстановлении утраченного владения – п. 1 ст. 215 ГК РФ;

2) иск о прекращении действий, нарушающих владение, – п. 4 ст. 216 ГК РФ;

3) самозащита владения – п. 3 и 4 ст. 215 ГК РФ;

4) обращение к уполномоченным государственным органам – п. 3 и 5 ст. 215 ГК РФ;

5) иск о признании недействительным ненормативного акта государственного органа или органа местного самоуправления – п. 7 ст. 215 ГК РФ.

В данном случае следует оговориться, что часть из названных способов защиты относится к частно-правовым, а другие – к публично-правовым. Отсутствуют сомнения в том, что обращение к уполномоченным государственным органам с просьбой защитить владение или в суд с требованием признать недействительным ненормативный правовой акт не могут выступать частно-правовым средством защиты, так как данный вопрос относится к сфере публичного (административного) права и связан не со спором о защите владения частного лица, а с правом государства на установление общественного порядка и исключением всякого самоуправства – при обращении субъекта владения к уполномоченным государственным органам, и невозможностью принятия государственными органами незаконных ненормативных

правовых актов – для случаев обращения в суд с требованием о признании ненормативного правового акта недействительным. При этом представляется довольно очевидным, что для признания ненормативного правового акта недействительным самого по себе нарушения или ограничения таким актом фактического владения недостаточно, а необходимым условием признания акта недействительным является его противоречие вышестоящему нормативному акту.

Оставшиеся три способа, бесспорно, относятся к сфере частного права, и их с уверенностью можно назвать гражданско-правовыми способами защиты владения. Однако исследование самозащиты владения не входит в предмет настоящей статьи и, по нашему мнению, не имеет содержательной специфики, которая бы отличала самозащиту владения от самозащиты иных благ.

Иски о возврате утраченного владения и о прекращении действий, которые нарушают владение, закрепленные в законопроекте, вне всякого сомнения, являются аналогами римских посессорных интердиктов: *interdicta retinendae* и *interdicta recuperandae possessiones* [13, с. 102]. *Interdicta retinendae possessiones* имели целью охрану существующего владения и преимущественно служили для решения вопроса о том, кто в данное время должен считаться владельцем, а *interdicta recuperandae possessionis* были направлены на возврат уже утраченного владения и предъявлялись к тому лицу, которое неправомерно завладело вещью.

Вместе с тем иногда упускается из виду тот факт, что римское право знало также и третью категорию владельческих интердиктов, именовавшихся *interdicta adipiscendae possessionis*, к числу которых относились:

– *interdictum quorum bonorum* – интердикт, посредством которого наследник добивался владения телесными вещами, которые на момент смерти наследодателя находились во владении третьих лиц;

– *interdictum quod legatorum* – интердикт о выдаче вещи, которой завладел легатарий;

– *interdictum bonorum emptor* – интердикт о вступлении во владение вещью, приобретенной по конкурсу или на публичных торгах [9, с. 42; 11, с. 57; 8, с. 317].

Отличительной особенностью интердиктов *adipiscendae* являлось то, что лицо, требовавшее защиты владения, не владело ранее

имуществом, а требовало вступления во владение вещью, которая по каким-либо причинам находилась у третьих лиц.

Е. А. Флейшиц объясняла происхождение *interdictum quorum bonorum* следующим образом: «первоначально этот интердикт давался лицам, которых претор, после суммарного рассмотрения их претензий, считал вероятными наследниками по цивильному праву. Это облегчало положение цивильных наследников, которые нередко были заинтересованы в изъятии наследственного имущества из рук посторонних лиц до разрешения спора о правах на наследство по существу» [14, с. 342].

А. Тон в свою очередь приходил к выводу о том, что в основе *interdictum quorum bonorum* лежит идея об общем запрете удержания третьими лицами вещей, которые относятся к наследственной массе [19, с. 271].

Иное обоснование дается применению *interdictum quod legatorum*. Названное средство защиты использовалось в тех случаях, когда отказополучатель завладел вещью до смерти наследодателя. Принимая во внимание тот факт, что права легатария в отношении отказанной в его пользу вещи возникали не ранее открытия наследства, соответственно, завладение вещью до этого момента признавалось нарушением владения, в связи с чем владение подлежало защите. При этом следует предположить, что возврат вещи от легатария в наследственную массу имел целью также сохранить *status quo* имущества до определения правовой судьбы вещи, в том числе для случаев возможного обременения вещи правами или притязаниями третьих лиц (кредиторов, залогодержателей и т. д.).

Изложенное свидетельствует о том, что основной сферой применения интердиктов *adipiscendae possessionis* выступали правоотношения наследования, их появление, вероятно, было вызвано жизненной необходимостью, так как владение наследодателя прекращалось с его смертью, и присвоение наследуемых вещей со стороны третьих лиц, таким образом, не подходило под понятие нарушения владения, а потому интердикты *retinendae* и *recuperandae possessionis* не могли иметь места.

По свидетельству У. У. Бакланда, *interdictum bonorum emptor* является наименее изученным из всех интердиктов [5, с. 733]. Однако известно, что *interdictum bonorum emptor* применялся для защиты прав лица, кото-

рое приобрело (купило) вещь на публичных торгах, но вещь по каким-либо причинам не была передана покупателю. В этом смысле *interdictum bonorum emptor* представляется аналогом современной ст. 398 ГК РФ.

Так, согласно ст. 398 ГК РФ в случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь в собственность, в хозяйственное ведение, оперативное управление или возмездное пользование кредитору последний вправе требовать отобрания этой вещи у должника и передачи ее кредитору на предусмотренных обязательством условиях.

Вместе с тем внешняя схожесть конструкций не свидетельствует об их внутреннем тождестве, при этом различия между названными институтами весьма существенные.

Д. В. Дождев указывает, что в соответствии с древнеримскими представлениями покупатель, который приобретал вещь на торгах, замещал личность должника и в этом качестве становился его правопреемником и, следовательно, собственником вещи [10, с. 218–219]. И. С. Розенталь, анализируя положение победителя торгов, отмечал, что последний содержательно выступал в качестве представителя имущества должника [14, с. 401], в том числе при расчетах с иными кредиторами должника. Однако покупатель становился лишь номинальным собственником вещи, так как в соответствии с древнеримской правовой системой переход права собственности на вещь был связан с передачей вещи – *traditio* [18, с. 151] от другого лица.

Таким образом, следует признать, что приобретатель вещи на торгах становился полноценным собственником вещи только со вступлением во владение ею, а добиться владения можно было только соответствующим интердиктом – *interdictum bonorum emptor*. Данный интердикт напрямую приводит к возникновению права собственности у лица, от передачи вещи которому уклоняется третье лицо. При этом победитель торгов, предъявляя указанный интердикт, действовал не в качестве кредитора должника, а будучи номинальным собственником и представителем должника, как лицо, которое вправе распоряжаться вещью. Следовательно, покупатель в данном случае имел вещно-правовую, а не обязательственную позицию.

Как следует из ст. 398 ГК РФ, право лица

требовать передачи ему индивидуально-определенной вещи отпадает, если вещь уже передана третьему лицу, имеющему право собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, что лишний раз свидетельствует об обязательственной позиции кредитора по отношению к должнику при приобретении вещи по договору.

Вместе с тем права и интересы покупателя вещи, с которым договор об отчуждении вещи заключен, но вещь не передана, в том числе когда вещь передана другому лицу, остаются ущемленными, так как очевидно, что, вступая в договор, покупатель имел намерение приобрести вещь, а не рассчитывать на возмещение убытков должником в случае неисполнения им обязательства. Разрешить такую ситуацию в рамках действующего законодательства в пользу добросовестного покупателя, уплатившего покупную цену и не получившего вещь, практически невозможно, если вещь была передана третьему лицу. Ситуация осложняется в случае обоюдного не-

добросовестного поведения должника и третьего лица, которому вещь передана в собственность. Способом разрешения правового конфликта могло бы стать закрепление в действующем законодательстве аналога древнеримского интердикта *bonorum emptor*.

Вышесказанное указывает на более широкие возможности применения *interdictum bonorum emptor* по сравнению со ст. 398 ГК РФ и, соответственно, актуальность включения аналога *interdictum bonorum emptor* в законопроект. При этом мы исходим из того, что конструкция *interdictum bonorum emptor* может быть спроецирована не только на ситуации уклонения от передачи вещи победителю торгов, но и всякому лицу, приобретающему вещь, от должника по договору.

Остается только сожалеть о том, что в законопроекте, содержащем иски о возврате утраченного владения и защите спокойного владения от нарушений, не осталось места для исков о вступлении во владение, аналогичных интердиктам *adipiscendae possessionis*.

Литература

1. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 18.07.2008 № 1108 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 21.07.2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федер. закона Рос. Федерации № 47538-6. URL: <http://consultant.ru>
4. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации. 2009. № 4.
5. Buckland W. W. Text-Book of Roman Law: From Augustus to Justinian. Cambridge, 2007.
6. Васильковский Е. В. Учебник русского гражданского права. СПб., 1896.
7. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. СПб., 1874.
8. Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: казусы, иски, институты.
9. Дернбург Г. Пандекты. Т. II: Вещное право. СПб., 1905.

Bibliography

1. On improving the Civil code of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation from 18.07.2008 № 1108 // Collected legislation of the Russian Federation. 21.07.2008. № 29 (part1). Art. 3482.
2. Civil code of the Russian Federation (part 1) from 30.11.1994 № 51-FL // Collected legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.
3. About modification of parts the first, second, third and fourth Civil code of the Russian Federation and to certain legislative acts of the Russian Federation: draft Federal law of the Russian Federation № 47538-6. URL: <http://consultant.ru>
4. The concept of development of legislation on property law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. № 4.
5. Buckland W. W. Text-Book of Roman Law: From Augustus to Justinian. Cambridge, 2007.
6. Vaskovsky E. V. Textbook of Russian civil law. St. Petersburg, 1896.
7. Windsheild B. Textbook pandectae law. St. Petersburg, 1874.
8. Garsna Garrido M. H. Roman private law: incidents, claims, institutions.
9. Dernburg G. Pandecta. T. II: Property law. St. Petersburg, 1905.
10. Dozhdev D. V. Roman private law. Moscow, 1996.

Гражданско-правовые исследования

10. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1996.
11. Иеринг Р. Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении. М., 1883.
12. Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1864.
13. Римское право: учеб. / И. Б. Новицкий. М., 2009.
14. Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2004.
15. Синайский В. И. Русское гражданское право. Киев, 1912.
16. Скловский К. И. Владение в Гражданском кодексе // Закон. 2009. № 5.
17. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М., 2010.
18. Слыщенко В. А. Договор купли-продажи и переход права собственности: сравнительно-правовое исследование. М., 2011.
19. Тон А. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права (ч. 4) // Вестн. гражд. права. 2012. № 5.
11. Iering R. On the basis of tenure security. The revision of the doctrine of possession. Moscow, 1883.
12. Meyer D. I. Russian civil law. St. Petersburg, 1864.
13. The Roman right: textbook / I. B. Novitsky. Moscow, 2009.
14. Roman private law: textbook / ed. by I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. Moscow, 2004.
15. Sinaisky V. I. Russian civil law. Kiev, 1912.
16. Sklovsky K. I. Possession in the Civil code // Law. 2009. № 5.
17. Sklovsky K. I. Property in civil law. Moscow, 2010.
18. Slyshenkov V. A. Contract of purchase-sale and transfer of ownership: a comparative legal study. Moscow, 2011.
19. Tone A. law and subjective right. Research on the General theory of law (part 4) // Bulletin of civil law. 2012. № 5.

© 2017 г. Г. С. Захарова,

профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: galina.zakharova.64@mail.ru

Ж. Б. Киреева,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат философских наук.
E-mail: janna7575@bk.ru

НЕУСТОЙКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье анализируются некоторые теоретические вопросы, связанные с понятием неустойки, ее двойственной правовой природой, стимулирующей и обеспечительной функциями, рассматривается правоприменительная практика взыскания неустойки и размера взыскиваемых сумм.

Ключевые слова: неустойка, мера ответственности, способ обеспечения обязательств, функции, проценты, компенсация, должник, кредитор, пеня.

G. S. Zakharova – Professor, Department of State and Civil Law Disciplines, Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

Zh. B. Kireeva – Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Philosophy.

PENALTY: SOME QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

The article considers some theoretical issues associated with the concept of a penalty, its dual legal nature, the stimulating and protective functions, attention is drawn to the law enforcement practice on the recovery of damages and the size of the amounts levied.

Key words: forfeit, measure of responsibility, method of providing of obligations, function, percents, indemnification, debtor, creditor, fine.

Понятие неустойки известно еще с древних времен. Упоминание о ней встречается в римском праве. Заимствование же положений о неустойке в отечественном гражданском законодательстве произошло из источников Австрийской империи. Вместе с тем эта информация в большей степени представляет интерес для историков, а мы в рамках настоящего исследования обратимся к современному пониманию данной правовой категории.

В условиях продолжающегося обновления гражданского законодательства хотелось бы выделить некоторые аспекты толкования понятия неустойки, проанализировать современный подход к определению ее природы, соотношения с другими видами имущественной ответственности, рассмотреть судебную практику взыскания неустойки в современных условиях.

Понятие неустойки в действующем законодательстве содержится в ст. 330 Гражданского кодекса Российской Федерации. Законодатель четко устанавливает, что неустойка является способом обеспечения исполнения обязательств, при этом не раскрывая самого понятия способа.

Если подходить к рассматриваемой категории с позиции обязанности должника совершить определенные действия в пользу кредитора, который в свою очередь имеет соответствующее право требования, то неустойку можно определить и как вид гражданского-правового обязательства. В этом случае уместно, на наш взгляд, распространить на обязанность по уплате неустойки действия общих норм об исполнении обязательств и о прекращении обязательств. Опуская рассуждения о соотношении неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств с другими способами (залог, задаток, поручительство, удержание, независимая гарантия, обеспечительный платеж), так как этот вопрос выступает предметом другого самостоятельного исследования, тем не менее следует обратить внимание на то, что может их объединить.

Общим признаком способов обеспечения исполнения обязательств является то, что они относятся к мерам, гарантирующим исполнение основного обязательства и стимулирующим должника к надлежащему поведению. В одних случаях данные меры направлены на резервирование имущества должника

ка, за счет которого может быть достигнуто соглашение, например залог, удержание, в других случаях – на привлечение к исполнению наряду с должником третьих лиц, например поручительство, наконец, на возложение дополнительных обременений на должника в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им своего обязательства, что и представляет собой неустойка.

Неустойка выполняет не только свои обеспечительные, но и определенные стимулирующие функции. Так, если в договорных обязательствах предусмотрена неустойка в виде уплаты пени, то должник в случае нарушения обязательства будет стремиться скорейшим образом погасить долг и уплатить пеню, которая с истечением времени будет только увеличиваться. Налицо обеспечительная и стимулирующая роль неустойки. Если обеспечительное значение неустойка не теряет практически никогда, то о стимулирующей ее роли этого сказать нельзя. Допустим, что в договоре предусмотрена неустойка в виде твердого штрафа, тогда в случае нарушения обязательства кредитор может взыскать этот штраф независимо от дальнейшего поведения должника, в связи с чем стимулирующее значение неустойки может быть потеряно [1].

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что взыскание неустойки в виде пени не лишает ее стимулирующей функции, а уплата фиксированного штрафа при взыскании с должника снижает стимулирующую роль неустойки. В последнем случае более четко проявляется компенсационное значение неустойки. Так или иначе, неустойка, стимулирующая и не стимулирующая должника к реальному исполнению, является мерой обеспечения и может быть отнесена к способам обеспечения исполнения обязательств.

Вместе с тем, обращаясь к определению природы неустойки, следует отметить, что в современной правовой доктрине России [2] поддерживается мнение о ее двойственном характере, который выражается не только в определении неустойки как способа (меры) обеспечения обязательства, но и как меры имущественной ответственности. Двойственность характера неустойки неоднократно подтверждалась и Конституционным Судом Российской Федерации, который в целом ряде своих определений указывал, что неустойка является и мерой ответственности, и мерой обеспечения обязательства [3; 4; 5; 6]. По рассматриваемому вопросу встречаются и другие точки зрения, например, И. И. Пучковская пытается опровергнуть двойственную природу неустойки, утверждая, что

она не является способом обеспечения исполнения обязательств [7].

На наш взгляд, для подтверждения правовой природы неустойки было бы логичнее рассудить, в каких ситуациях неустойка является мерой ответственности, а в каких – способом (мерой) обеспечения. Некоторые ученые склоняются к мнению о том, что до самого факта нарушения обязательства неустойка – это мера обеспечения, а в случае наступившего нарушения – мера ответственности.

Неустойка как мера имущественной ответственности подробно освещена в трудах ученых разных лет [8]. Сформировавшаяся общая позиция по рассматриваемому вопросу сводится к следующему: наличие правонарушения в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства и других условий гражданско-правовой ответственности (п. 2 ст. 330 ГК РФ), несение дополнительных обременений, которые могут быть обеспечены государственным принуждением, включение неустойки в один из способов судебной защиты гражданских прав.

В исследуемых правоотношениях необходимо четко разделять обязанности, вытекающие из договора как реализация стороной своей части договорных условий и возникающие в качестве меры ответственности за нарушение договора. В любом случае первые выступают долгом, гражданско-правовым обязательством в классическом значении этого слова и остаются таковыми даже после их нарушения. Защита прав кредитора на такое исполнение обеспечивается иском об исполнении в натуре, в соответствии с которым кредитор не требует ничего более того, на что он был вправе рассчитывать исходя из условий данного обязательства, а должник не исполняет ничего сверх того, что был должен. Меры же ответственности возникают в связи с нарушением этих договорных условий и, как указывал О. С. Иоффе, поскольку они составляют определенный вид отношений, всегда должны выражаться в каком-то дополнительном бремени, тем самым вызывая у нарушителя определенные отрицательные последствия [9].

Несколько слов следует сказать также о соотношении неустойки и иных видов имущественной ответственности. Общее правило закреплено в ст. 394 ГК РФ, предусматривающей, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (зачетная неустойка). При этом законом или договором могут быть предусмотрены и другие варианты: взыскивает-

ся только исключительная неустойка, без убытков; штрафная неустойка предполагает взыскание как убытков, так и неустойки; альтернативная неустойка означает выбор кредитора в пользу неустойки или убытков.

В случае когда за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена ограниченная ответственность, убытки, подлежащие возмещению в части, не покрытой неустойкой, либо сверх нее, либо вместо нее, могут быть взысканы до пределов, предусмотренных таким ограничением (ст. 400 ГК РФ).

При этом ответственность за нарушение денежного обязательства, определенная ст. 395 ГК РФ, рассматривается как самостоятельный вид имущественной ответственности наряду с неустойкой. В силу п. 4 ст. 395 ГК РФ в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, установленные данной статьей проценты не подлежат взысканию, если иное не указано в законе или договоре.

Что касается судебной практики, то в подавляющем большинстве имущественных споров рассматривается вопрос о взыскании неустойки. Действующее российское гражданское законодательство устанавливает право суда на снижение взыскиваемой неустойки.

Интересным, на наш взгляд, является пример из судебной практики, касающийся правомерности начисления и размера неустойки [10]. В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 25.05.2016 № Ф09-2820/16 по делу № А50-13557/2015 предусмотрено, что государственное учреждение (региональное отделение Фонда социального страхования РФ) обратилось в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью (ООО) о взыскании пеней за просрочку исполнения обязательств в сумме около 1 млн руб. Решением суда иски удовлетворены частично, с ООО в пользу учреждения взыскана неустойка в размере около 300 тыс. руб. Апелляционная и кассационная инстанции поддержали данное решение.

Судебный спор был вызван нарушением сроков поставки товара по контракту, заключенному по итогам проведенного электронного аукциона между истцом (заказчиком) и ответчиком (поставщиком).

Контрактом предусмотрено, что в случае нарушения поставщиком сроков поставки заказчик направляет поставщику требование об уплате пеней в размере не менее 1/100 действующей на дату их уплаты ставки рефинанси-

рования Банка России от цены контракта, уменьшенной на сумму пропорционально объему обязательств, предусмотренных контрактом и фактически исполненных поставщиком.

По утверждению истца, ответчик нарушил согласованные сроки поставки продукции, что послужило основанием для начисления истцом неустойки в размере около 1 млн руб. и направления в адрес ответчика претензии с требованием уплатить указанную сумму.

Суд первой инстанции, удовлетворив иски частично, исходил из обоснованности требования о взыскании пеней в связи с нарушением ответчиком условий контракта, снизив при этом размер неустойки в три раза по ходатайству ответчика о применении ст. 333 ГК РФ.

Судами установлено, что имеет место факт нарушения ответчиком сроков поставки товара по контракту (на 45 дней). Учитывая, что контрактом предусмотрено начисление неустойки, они пришли к верному выводу о правомерности требования истца о взыскании неустойки.

Что касается размера неустойки, приняв во внимание, что ООО считает данную неустойку несоразмерной последствиям нарушения обязательства, установив, что в материалах дела отсутствуют доказательства возникновения убытков на стороне заказчика, учитывая высокий процент неустойки, судьи пришли к выводу о несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства, вследствие чего сочли возможным на основании ст. 333 ГК РФ уменьшить неустойку в три раза.

Другой пример из судебной практики касается также размера взыскиваемой неустойки. В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.04.2016 № Ф01-1339/2016 по делу № А11-293/2015 рассмотрен случай, когда подразделение органа местного самоуправления (комитет по управлению городским имуществом) обратилось в арбитражный суд области с иском к ООО о взыскании неустойки в размере около 2,5 млн руб. за несоблюдение сроков выполнения первого этапа работ по инвестиционному договору. Арбитражный суд области своим решением, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, частично удовлетворил иски, взыскав с ответчика в пользу истца 900 тыс. руб. неустойки, уменьшив ее размер по правилам ст. 333 ГК РФ на основании заявления ООО. В удовлетворении остальной части иска суд отказал.

Кассационная инстанция, куда обратилось ООО, полностью поддержала своих коллег.

Предметом спора в данном случае стало нарушение ООО сроков выполнения первого этапа работ по инвестиционному договору. Решением суда договор был расторгнут. Договором определено, что в случае несоблюдения инвестором проекта (ООО) сроков выполнения первого этапа работ инициатор проекта вправе взыскать с него неустойку в размере 1 МРОТ с каждого квадратного метра общей площади объекта за каждый месяц просрочки. Из материалов дела следует, что ООО нарушило сроки выполнения первого этапа работ, факт невыполнения ответчиком как инвестором обязательств по инвестиционному договору также подтвержден вступившим в законную силу решением суда.

В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа определено, что согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в определениях от 22.04.2004 № 154-О и от 21.12.2000 № 263-О, при применении ст. 333 ГК РФ должен быть установлен баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности (неустойкой) и оценкой действительного (а не возможного)

размера ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения. Степень соразмерности заявленной истцом неустойки последствиям нарушения обязательства является оценочной категорией, в силу чего только судьи вправе дать оценку указанному критерию исходя из своего внутреннего убеждения и обстоятельств конкретного дела в соответствии с требованиями Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Оценив имеющиеся в материалах дела доказательства, суды первой и апелляционной инстанций с учетом компенсационного характера неустойки, ее повышенного размера и частичного выполнения работ по первому этапу инвестиционного проекта на основании ходатайства ответчика и ст. 333 ГК РФ обоснованно сочли возможным снизить подлежащую взысканию неустойку до 900 тыс. руб.

Приведенные примеры доказывают, что на практике не сложилось единообразного подхода относительно размера взыскиваемой неустойки, как, впрочем, и многих других теоретических вопросов, касающихся данной правовой категории.

Литература

1. Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2005.
2. Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учеб. / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07.10.1999 № 137-О. URL: <http://cjnsultant.ru>
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000. URL: <http://consultant.ru>
5. Определение Конституционного Суда РФ от 10.01.2002 № 11-О. URL: <http://consultant.ru>
6. Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 № 13-О. URL: <http://consultant.ru>
7. Пучковская И. И. Неустойка не является способом обеспечения исполнения обязательств // Юрист. 2013. № 7.
8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М., 2003.
9. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975.
10. Тишин А. П. О правовом регулировании неустойки // Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2016. № 9.

Bibliography

1. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law. Book 1: General provisions. Moscow, 2003.
2. Anisimov A. P. The Civil law of Russia. General part: textbook / A. P. Anisimov, A. Ya. Ryzhenkov, S. A. Charkin; under the general editorship of A. Ya. Ryzhenkov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow, 2014.
3. Ruling of the constitutional court of the Russian Federation dated 07.10.1999 № 137-O. URL: <http://consultant.ru>
4. Ruling of the constitutional court of the Russian Federation dated 21.12.2000. URL: <http://consultant.ru>
5. Ruling of the constitutional court of the Russian Federation dated 10.01.2002 № 11-O. URL: <http://consultant.ru>
6. Ruling of the constitutional court of the Russian Federation dated 22.01.2004 № 13-O. URL: <http://consultant.ru>
7. Puchkovsky I. I. The Penalty is not the way to ensure fulfillment of obligations // Lawyer. 2013. № 7.
8. Braginskaya M. I., Vitryansky V. V. Contract law. Book 1: General provisions. Moscow, 2003.
9. Ioffe O. S. The Liability law. Moscow, 1975.
10. Tishin A. P. The legal regulation of liquidated damages // Simplified tax system: accounting and taxation. 2016. № 9.

© 2017 г. С. В. Михайлов,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, доцент кафедры гражданского права Донского государственного технического университета кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (905) 439-09-03.

Н. В. Пономарева,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
Тел.: 8 (988) 991-18-00.

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ СПОСОБА ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов правового регулирования процедурных аспектов защиты вещных прав субъектов предпринимательской деятельности. Основной акцент авторы делают на формулировании рекомендаций по определению специфики того или иного способа защиты прав. Исследование базируется на обобщении материалов судебной практики.

Ключевые слова: защита собственности, вещно-правовые иски, способы защиты гражданских прав, предпринимательская деятельность, иск.

S. V. Mikhailov – Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Rostov branch of Russian Customs Academy, Associate Professor, Department of Civil Right, Don State Technical University, PhD in Law.

N. V. Ponomareva – Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.

TO THE QUESTION OF THE PROTECTION OF MATERIAL RIGHTS OF BUSINESS ENTITIES

The article is devoted to the issues of legal regulation of the procedural aspects of the protection of proprietary rights of subjects of entrepreneurial activity. The main focus of the study, the authors made on the formulation of recommendations for the definition of the specificity of a particular method of enforcement. The study is based on a synthesis of materials of court practice.

Key words: property protection, proprietary claims, ways to protect civil rights, entrepreneurship, sue.

Актуальность проблем выбора способа защиты вещных прав значительно выросла в последние годы в связи с расширением частного сектора в гражданском обороте ввиду интенсификации приватизационных процессов, а также реформирования гражданского законодательства. Это обстоятельство привело к столкновению интересов многочисленных собственников, которые в определенной степени вызваны закреплением дозволенных начал в российском гражданском праве, усилением государственного вмешательства в частные дела, ростом преступности, а также низкой эффективностью исполнения судебных решений по вещно-правовым искам.

Получила распространение практика противоправных захватов объектов собственности. Незаконная деятельность должностных лиц, вступающих в сговор с миноритарными акционерами, использование пробелов в механизме правового регулирования отношений собственности также позволяют государству деприватизировать имущество у граждан

на основе статей Гражданского кодекса РФ о принудительном отчуждении объектов частной собственности для государственных и муниципальных нужд. В этом случае возникают острые проблемы по выявлению критериев определения размера компенсации изымаемых объектов права собственности либо установления самого факта наличия государственных или муниципальных нужд.

Для наиболее эффективного и квалифицированного разрешения конфликтной ситуации в каждом конкретном случае необходимо провести всестороннюю оценку возможных способов защиты прав в рамках выбранной формы защиты на предмет целесообразности их применения. В подтверждение сказанного видится возможным проиллюстрировать механизм и особенности применения тех или иных способов защиты на примере защиты в исковой форме прав предпринимателей в сфере нарушений права собственности на недвижимое имущество.

В первую очередь, необходимо отметить,

что выбор способа защиты права зависит от вида объекта недвижимости и характера нарушения. Если ошибиться и воспользоваться ненадлежащим способом защиты, это может привести к потере времени и недостижению искомого результата.

Наиболее распространенным в юридической практике является иск о признании права. Иск о признании права можно подать, если у стороны имеются доказательства права собственности на объект недвижимости. Требование предъявляется к тому, кто нарушает или может нарушить право. Ответчиком выступает лицо, которое:

- заявляет о своих правах на вещь;
- не признает за истцом права на имущество.

В таких спорах необходимо:

- документально подтвердить право собственности на спорный объект;
- доказать, что существует спор о праве между ним и ответчиком;
- обосновать невозможность государственной регистрации права.

Если заявитель не докажет вышеуказанные обстоятельства, суд откажет в иске. В случаях когда вещные права на объект не подтверждаются, суды указывают на неправомерность требования. Если выяснится, что ответчик не имеет материальной заинтересованности, суд посчитает, что иск предъявлен ненадлежащему лицу.

Приведем пример: ООО «В.» обратилось с иском к ООО «Т.» и потребовало признать право собственности на объект недвижимости. ООО «Т.» не отрицало прав истца, противоприязаний на объект не имело.

Рассмотрев дело, суд пришел к выводу о том, что истец предъявил требование к ненадлежащему ответчику, который не оспаривает его право собственности [1]. При этом заявитель не пытался оформить право на объект в соответствии с Федеральным законом от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», устанавливающим заявительный характер регистрации права собственности на недвижимое имущество. Суд в своем решении отдельно отметил, что он не вправе подменять установленный законом порядок регистрации прав.

Также следует отметить, что невозможно реализовать данный способ защиты гражданских прав в судебной форме, если заявитель ранее обращался за регистрацией прав и получил мотивированный отказ от регистрирующего органа. В таких случаях суд отказывает в иске о признании права собственности, обос-

новывая это тем, что истец не может доказать невозможность зарегистрировать права на спорное имущество и подготовить все необходимые документы для оформления права. При этом представляется целесообразным направить в суд требование о признании недействительным отказа государственного органа в регистрации права. Вместе с тем данный способ защиты прав относится уже к другой категории способов.

Еще одним примером применения рассматриваемого способа защиты прав является признание права на самовольную постройку. Реализация данного способа защиты в судебном порядке возможна при наличии следующих обстоятельств:

- наличие права на земельный участок под спорным объектом;
- соответствие постройки требованиям градостроительной и иной документации;
- отсутствие нарушений прав других лиц.

Рассмотрим пример из судебной практики.

Фабула дела: компания построила здания на земельном участке, который принадлежал ей на праве постоянного бессрочного пользования. Она пыталась оформить разрешение на строительство и ввод объектов в эксплуатацию, но это ей не удалось. Хотя она получила технические условия на присоединение мощности, подготовила проектно-конструкторскую документацию, направляла обращения о выдаче разрешения с приложением документов.

Требования истца: компания обратилась с иском к Департаменту городского имущества и потребовала признать за ней право собственности на возведенные объекты недвижимости.

Выводы суда: строительство велось без нарушения строительных норм и правил, объект не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан. Суд удовлетворил иск [2].

При этом важно отметить, что данный способ защиты прав не применим, если лицо не обращалось в установленном порядке за получением разрешения как на строительство спорного объекта, так и на ввод его в эксплуатацию, а также если заявлено требование о признании права собственности на часть объекта самовольной постройки. Так, если самовольно пристроить к зданию дополнительные помещения, обратиться за признанием права собственности можно будет только в отношении всего объекта в реконструированном виде, а не в отношении пристройки.

Применение такого способа защиты, как признание права, имеет целый ряд особенно-

стей. Право собственности признается в силу приобретательной давности, если несобственник добросовестно, открыто и непрерывно владеет недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет (п. 1 ст. 234 ГК РФ). При этом добросовестность означает, что лицо не знало и не должно было знать о правах других лиц на объект [3].

Однако данный способ защиты прав не может быть применен в случае, если приобретатель знал, что право на объект у него отсутствует. Например, истец заявил, что владеет имуществом на основании договора купли-продажи. Суд установил, что продавец был не вправе совершать такую сделку, это следует из материалов ранее рассмотренного дела. Заявитель был участником данного спора и знал, что приобрел объект у ненадлежащего продавца. Суд отказал в иске и не признал право собственности в силу приобретательной давности [4].

Владение имуществом считается открытым, когда владелец не скрывает этого. Например, суд признал право собственности на объект, которым владела компания. Она обеспечивала исправное состояние помещений и несла расходы по его содержанию [5].

Владение имуществом признается непрерывным, если оно не прекращалось в течение всего срока приобретательной давности. Владение имуществом как собственным означает владение им не по договору [3]. По смыслу закона такое владение должно быть фактическим и беститульным.

Иск о признании права собственности в силу приобретательной давности предъявляется к прежнему собственнику имущества. Если он не известен давностному владельцу, последний вправе обратиться в суд с заявлением об установлении факта добросовестного, открытого и непрерывного владения имуществом как собственным в течение срока приобретательной давности.

В рамках рассматриваемого объекта защиты крайне важным представляется такой способ защиты прав, как признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления. Чаще всего данный способ реализуется применительно к решениям Федеральной регистрационной службы кадастра и картографии Российской Федерации (далее – регистрационная служба) и ее территориальных представительств.

Как следует из разъяснений пленумов высших судов (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Верховного

Арбитражного Суда РФ № 8 от 01.07.1996, постановления Арбитражного суда Московского округа от 24.06.2016 № Ф05-6551/2016 по делу № А40-18196/2015), решение регистрационной службы можно признать недействительным, доказав, что оно не соответствует закону или иному правовому акту и нарушает интересы заявителя.

Такой способ защиты часто используют заявители, которым отказали в регистрации прав на недвижимое имущество. Он применим в случае, если отказ в регистрации не соответствует требованиям закона и если заявитель передал все необходимые для регистрации документы.

Например, заявитель оспорил отказ в регистрации его прав на объект недвижимости. Права продавца на передаваемый объект были подтверждены решением суда, а также свидетельством о государственной регистрации права на недвижимое имущество. Суд пришел к выводу о том, что свидетельство содержало все необходимые ориентиры, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю. В такой ситуации регистрирующий орган незаконно отказал заявителю в связи с отсутствием доказательств, подтверждающих возникновение прав на оспариваемый земельный участок [6].

Также, отказ в регистрации прав может влиять на имущественное положение лица. Заявитель вправе не только оспорить отказ, но и взыскать убытки, таким образом комбинируя два различных способа защиты прав. Например, суд признал незаконным отказ в регистрации прав и взыскал убытки с регистрирующего органа за счет казны. Суд принял во внимание то обстоятельство, что заявителю пришлось повторно готовить документы и уплачивать госпошлину за регистрацию прав. Это повлекло за собой дополнительные расходы [7].

Причиной отказа в регистрации может стать техническая ошибка, в частности, если отличается адрес регистрируемого объекта. Устранить сомнения в подлинности правоустанавливающих документов помогут письменные разъяснения. Например, суд удовлетворил иск и признал незаконным отказ в регистрации прав на объект. Регистрирующий орган не внес изменения в реестр, поскольку сомневался в подлинности правоустанавливающих документов. Причиной этого стала ошибка в адресе объекта. В результате документы на спорный объект указывали на раз-

ные адреса. Исправить техническую ошибку помогли письма Мосгосстройнадзора. Суд признал незаконным отказ в регистрации данного права [8].

Еще одним способом защиты прав применительно к выбранному объекту является восстановление права.

Восстановить право возможно только в том случае, когда оно не прекратилось полностью в результате нарушения. Например, собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ). Для этого истцу необходимо подтвердить:

1) законный титул на истребуемое имущество, которое сохранилось и обладает индивидуально-определенными признаками. Это возможно, если право подтверждалось ранее принятым судебным актом. Доказать права на имущество можно также с помощью пояснений третьих лиц. Например, Департамент городского имущества г. Москвы как собственник спорного объекта недвижимости подтвердил факт передачи имущества истцу [9];

2) утрату фактического владения вещью. Под лишением владения понимается именно утрата владения имуществом, а не лишение права собственности.

Перед тем как обращаться в суд, следует направить требование лицу, у которого находится спорное имущество, и доказательства этого факта приложить к иску. Например, компания истребовала имущество из незаконного владения. С помощью акта визуального осмотра она подтвердила, что объект недвижимости находится у ответчика. До обращения в суд заявитель направлял требование вернуть имущество [10];

3) нахождение имущества в незаконном владении ответчика. Данный факт возможно доказать, в частности, с помощью обстоятельств, которые имеют преюдициальное значение. Например, в рамках уголовного дела

суд установил факт хищения имущества, принадлежащего истцу. Арбитражный суд на основании этого удовлетворил иск и истребовал имущество из незаконного владения [11].

Так, владелец автодороги (истец) потребовал снести заграждение, находящееся на ней. Ответчик не доказал законность его размещения, и суд удовлетворил требования истца [12].

Истец вправе указать на отсутствие у ответчика законных оснований для владения имуществом. Например, суд истребовал имущество, поскольку у ответчика отсутствовали документы, которые подтверждали право на спорный объект [13]. При этом если заявитель не докажет, что спорное имущество находится у ответчика, судом в иске будет отказано [14].

Чтобы устранить препятствия в пользовании объектом, необходимо доказать, что ответчик нарушает права истца. Суд может запретить ответчику совершать определенные действия или обязать его устранить последствия правонарушения.

Обычно такой способ защиты прав используется, когда речь идет о длящемся нарушении, которое само по себе не лишает лицо субъективного права, но мешает ему пользоваться объектом, в частности, если ответчик возвел объект на участке истца [15].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что выбор каждого конкретного способа защиты прав зависит от значительного количества факторов: грамотной квалификации рассматриваемого правоотношения, верного выбора нормы законодательства, регулирующего данную сферу, результатов обобщения материалов судебной практики, разъяснений правоприменительных органов и т. д. Игнорирование вышеуказанных требований при определении способа защиты права приведет к невозможности его применения либо к существенным трудностям в формировании доказательственной базы.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.12.2015 № Ф08-8523/2015 по делу № А32-1211/2015. URL: <http://consultant.ru>

2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.04.2016 № Ф05-4193/2016 по делу № А40-38479/2015. URL: <http://consultant.ru>

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Верховного Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010. URL: <http://consultant.ru>

Bibliography

1. The decision of Arbitration court of the North Caucasian Federal district from 03.12.2015 № Ф08-8523/2015 on case № А32-1211/2015. URL: <http://consultant.ru>

2. The decision of Arbitration court of the Moscow district from 21.04.2016 № Ф05-4193/2016 in the case № А40-38479/2015. URL: <http://consultant.ru>

3. Resolution the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation № 10, the Plenum of the Russian Federation № 22 from 29.04.2010. URL: <http://consultant.ru>

4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.04.2016 № Ф07-1860/2016 по делу № А56-71541/2014. URL: <http://consultant.ru>
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.05.2016 № Ф05-6099/2016 по делу № А41-103358/15. URL: <http://consultant.ru>
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.07.2015 № Ф08-4611/2015 по делу № А63-12721/2014. URL: <http://consultant.ru>
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2016 по делу № А41-25762/15. URL: <http://consultant.ru>
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2016 № Ф05-19314/2015 по делу № А40-2583/15. URL: <http://consultant.ru>
9. Постановление Федеральной антимонопольной службы Московского округа от 29.01.2014 № Ф05-16949/2013 по делу № А40-126562/12-53-1192. URL: <http://consultant.ru>
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.05.2016 № Ф04-1579/2016 по делу № А27-9413/2015. URL: <http://consultant.ru>
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.01.2016 № Ф09-9507/15 по делу № А50-22561/2012. URL: <http://consultant.ru>
12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.01.2016 по делу № А33-22624/2014. URL: <http://consultant.ru>
13. Постановление Федеральной антимонопольной службы Западно-Сибирского округа от 27.06.2014 по делу № А27-9654/2013. URL: <http://consultant.ru>
14. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.10.2015 по делу № А06-11490/2014. URL: <http://consultant.ru>
15. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.04.2016 № Ф06-7329/2016 по делу № А65-6210/2015. URL: <http://consultant.ru>
16. Астапова Е. В., Вакула А. И. Новеллы законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 3 (76).
4. The decision of Arbitration court of the North Caucasian Federal district The from 06.04.2016 № F07-1860/2016 in the case № A56-71541/2014. URL: <http://consultant.ru>
5. The decision of Arbitration court of the Moscow district from 30.05.2016 № Ф05-6099/2016 in the case № А41-103358/15. URL: <http://consultant.ru>
6. The decision of Arbitration court of the North Caucasian Federal district from 15.07.2015 № Ф08-4611/2015 on business № А63-12721/2014. URL: <http://consultant.ru>
7. The resolution of the Moscow district from 09.02.2016 in the case № А41-25762/15. URL: <http://consultant.ru>
8. The decision of Arbitration court of the from 21.01.2016 № Ф05-19314/2015 in the case № А40-2583/15. URL: <http://consultant.ru>
9. The decision of the Federal Antimonopoly service of the Moscow district from 29.01.2014 № Ф05-16949/2013 on business № А40-126562/12-53-1192. URL: <http://consultant.ru>
10. The decision of Arbitration court of the West Siberian district from 20.05.2016 № F04-1579/2016 in case number А27-9413/2015. URL: <http://consultant.ru>
11. The decision of Arbitration court of the Ural district from 21.01.2016 № F09-9507/15 in case № А50-22561/2012. URL: <http://consultant.ru>
12. The decision of Arbitration court of the East-Siberian district from 19.01.2016 in the case № А33-22624/2014. URL: <http://consultant.ru>
13. The decision of the Federal Antimonopoly service of the West Siberian district from 27.06.2014 in case № А27-9654/2013. URL: <http://consultant.ru>
14. The decision of Arbitration court of the Volga district from 22.10.2015 in case № А06-11490/2014. URL: <http://consultant.ru>
15. The decision of Arbitration court of the Volga district from 14.04.2016 № Ф06-7329/2016 on the case № А65-6210/2015. URL: <http://consultant.ru>
16. Astapova E. V., Vakula A. I. legislation about state registration of rights to real estate // Jurist-Pravoved. 2016. № 3.

© 2017 г. **А. В. Кравченко,**

старший научный сотрудник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
E-mail: ugrrost@rambler.ru

Т. Е. Еременко,

заместитель начальника отдела морально-психологического обеспечения – начальник отделения психологической работы Ростовского юридического института МВД России кандидат психологических наук.
E-mail: t-eremenko.79@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАДЕЖНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

В статье обосновывается необходимость применения личностно-профессионального моделирования для повышения эффективности мероприятий профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел. Делается вывод о целесообразности дальнейшего использования системно-ситуативного анализа деятельности как одной из технологий обеспечения надежности участковых уполномоченных полиции.

Ключевые слова: личностно-профессиональное моделирование, личностная надежность, профессиональный психологический отбор, системно-ситуативный анализ.

A. V. Kravchenko – Senior Research Assistant of an Educational – Scientific Complex of Psychology of Service Activity, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

T. E. Eremenko – Deputy Chief, Department of Moral and Psychological Support–Head of Department of Psychological Work, Rostov law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Psychology.

MODELING OF PERSONAL AND PROFESSIONAL RELIABILITY OF THE DIVISIONAL INSPECTORS

The article substantiates the necessity of applying the personal-professional simulation to improve the efficiency of activities of professional psychological selection of candidates on service in bodies of internal Affairs. The conclusion about expediency of further use of the system-situational analysis activities as one of the technology to ensure the reliability of police officers.

Key words: person-professional modelling, personal reliability, professional psychologic selection, the system-situational analysis.

На всех исторических этапах развития органов внутренних дел была и остается актуальной задача формирования профессионально компетентного сотрудника органа внутренних дел, отвечающего требованиям, предъявляемым к нему обществом и государством.

В связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов включены в сложные социально-правовые отношения, которые предъявляют повышенные требования к их профессионально важным качествам, профессиональным компетенциям, умению успешно решать оперативно-служебные задачи, нередко в экстремальных ситуациях, необходимость регулярного и обоснованного профессионального психологического отбора на

службу в органы внутренних дел признана сегодня как руководителями, так и самими сотрудниками.

Современный подход к формированию кадрового потенциала органов внутренних дел не учитывает специфику специальностей и соответствия ей профессионально важных качеств (ПВК) кандидата на службу. В связи с этим возникает необходимость дифференцировать кандидатов при проведении мероприятий профессионально-психологического отбора по критерию личностно-профессиональной надежности к той или иной специальности (должности). Решение этой актуальной задачи возможно научным методом моделирования в профессиональные диагностики.

Для профессиональной диагностики важными являются методологические принципы системности, целостности и принцип развития.

В доказательство вышесказанного было проведено исследование по разработке модели профессионально-психологической надежности (пригодности) участковых уполномоченных полиции (УУП).

Профессиографический анализ деятельности УУП позволит выявить и описать специфические требования к профессиональным компетенциям специалистов [1, с. 45].

Исследование проводилось с использованием методик, входящих в тестовую батарею отбора на службу в органы внутренних дел. Исследуемую выборку составили сотрудники УУП – 40 человек, образование высшее, стаж работы – от 3-х до 5-ти лет, средний возраст – 30 лет. Для сбора данных и всестороннего анализа результатов эмпирического исследования применялся следующий комплекс методов:

1. Качественный анализ оперативно-служебной деятельности с разработкой профессиограммы сотрудника УУП подразделения.

2. Личностно-профессиональная диагностика на аппаратно-программном психодиагностическом комплексе с использованием психологических методик, рекомендованных приказом МВД России.

3. Оценка результативности оперативно-служебной деятельности (внешний критерий) сотрудников.

4. Метод многомерной статистической обработки результатов – коэффициент линейной корреляции Пирсона (R_{xy}).

Профессиографическое исследование сотрудников УУП проводилось на основе элементаристского подхода. Экспертиза охватывала три главных этапа:

1. Конструирование профессиографической анкеты.

2. Подбор экспертов и их инструктирование.

3. Организацию экспертизы, обработку и интерпретацию данных.

В качестве экспертов привлечено 5 сотрудников из числа руководящего состава. В ходе исследования использовалась профессиографическая анкета, включающая в себя 106 личностных качеств, необходимых для успешного выполнения служебной деятельности УУП.

Процесс экспертизы представлял собой заполнение экспертами бланков профессиографической анкеты, в которой отмечается признак исследуемой специальности, являющийся профессионально важным в реальной деятельности. Во время обработки и анализа результатов экспертной оценки опросника ПВК рассчитывалась средняя оценка каждого свойства личности по всей группе экспертов, а также средний балл по каждой группе свойств. Затем выписывались свойства, набравшие наибольшее количество баллов, устанавливалась иерархия свойств и сопоставлялись выделенные ПВК с профессиональными задачами подразделения [2]. По результатам был составлен ориентировочный перечень профессионально значимых признаков специальности. Этот перечень обсуждался со всеми экспертами, далее группировался в отдельные факторы.

Основу профессиограммы составила психограмма. По окончании исследования ПВК были сгруппированы в отдельные диагностические блоки.

Проведение вышеописанной процедуры позволило выявить 35 личностно-профессиональных качеств, наличие которых предполагает успешное выполнение служебных функций УУП. Данные ПВК обозначили состав личностной структуры, составляющей модель личностно-профессиональной надежности (пригодности): речемыслительные качества (РМК), эмоционально-волевые (ЭВК), коммуникационно-организаторские (КОК), деловые (ДК) и нравственно-этические (НЭК) качества личности.

После процедуры подсчета, основанной на методологии И. Н. Носса [3], были получены следующие результаты:

1. Подсчитаны средние значения по диагностическим блокам:

ЭВК= 42; РМК=33,4; КОК=33; НЭК=29, 2; ДК=28.

2. Составлена обычная пропорция для получения суммарного значения оценок: 42 (ЭВК)+33,4 (РМК)+33 (КОК) +29,2 (НЭК)+28 (ДК)= 165,6.

3. Для разработки модели личностно-профессиональной пригодности персонала определены весовые вклады элементов предметно-содержательной модели отбора (Y_i). Весовые вклады рассчитывались на основе экспертной оценки.

Расчет Y_i по суммарному значению оценок соответствующей группы ПВК относительно

Юридическое образование

других групп ПВК, полученной в результате профессиографического исследования:

ЭВК=42/165,6=0,25; РМК=33,4/165,6=0,2;

КОК= 33/165,6=0,19;

НЭК= 29,2/165,6=0,17; ДК =28/165,6=0,17.

По результатам психограммы была составлена предметно-содержательная модель личной профессиональной пригодности УУП по основным направлениям служебной деятельности.

Таким образом, в структуре предметно-содержательной модели личностно-профессиональной надежности (пригодности) по параметру значимости для эффективности оперативно-служебной деятельности УУП испытуемой выборки доминируют ЭВК, за ними следуют РМК, КОК, затем НЭК и ДК (см. рис.), ЛПП = 0,25 (ЭВК)+0,2 (РМК)+0,19 (КОК)+0,17 (НЭК)+0,17(ДК).

– критерии профессионализма (профессиональная компетентность, способность выполнять должностные функции самостоятельно, без помощи руководителя или старшего по должности, способность четко организовывать и планировать выполнение порученных заданий, умение рационально использовать рабочее время, расставлять приоритеты, творческий подход к решению поставленных задач, активность и инициатива в освоении новых компьютерных и информационных технологий);

– критерии оценки потенциала (профессиональный уровень, специальные знания и навыки, ответственность, исполнительская дисциплина, самостоятельность, инициативность, способность к работе в условиях неопределенности).

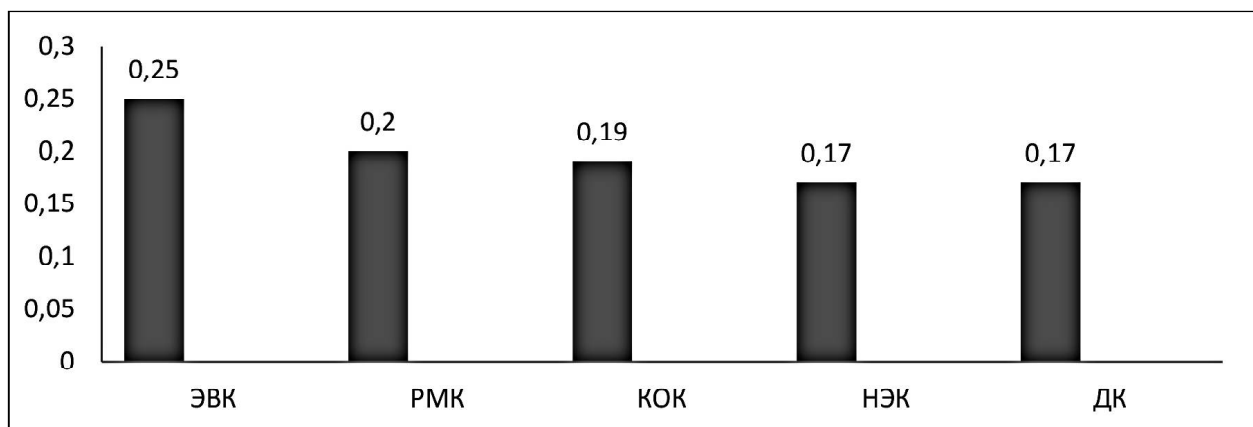

Рис. Модель ЛПП сотрудника УУП

Оценка результативности оперативно-служебной деятельности (ОСД) (внешнего критерия) экспериментальной выборки проводилась с использованием «Бланка экспертной оценки профессиональных знаний, умений и навыков сотрудника» [4].

В систему критериев и показателей эффективности ОСД входили:

– критерии результативности (производительность, результативность, интенсивность труда, соблюдение служебной дисциплины, своевременность и оперативность);

– критерии качества (сложность решаемых задач, степень напряженности работы, соблюдение сроков выполняемых работ, отсутствие замечаний со стороны руководства и соисполнителей по содержанию подготовленных документов или качеству выполнения заданий);

Как показал опрос, категория успешности сотрудников распределилась в диапазоне: 30–25 ср. баллов – высокоуспешные, 24–18 ср. баллов – среднеуспешные, 17–12 ср. баллов – малоуспешные. Объективный показатель успешности УУП составил: высокоуспешные – 13 человек (40 %), среднеуспешные – 27 (60 %), малоуспешные – 0.

Данные результаты объективного показателя успешности экспериментальной выборки были соотнесены с показателями психологических методик, при помощи которых оценивались ПВК сотрудников для сопоставления реальной деятельности сотрудника с особенностями его психики.

Расчет нормальности распределения эмпирических данных проводился по результатам выявления величин асимметрии, эксцесса и критериев согласия Пирсона (Хи-квадрат).

Коэффициент асимметрии (As) показал величину смещения вершины эмпирической кривой относительно расчетной вершины по горизонтали. Коэффициент эксцесса (Ex) определил смещение по вертикали практической кривой.

Таким образом, определенные нами категории пригодности для сотрудников УУП учитывают степень соответствия их личных и деловых качеств критериям личностно-профессиональной надежности (пригодности), отражающих основные виды их оперативно-служебной деятельности. Использование личностно-профессионального моделирования

позволило сделать более качественным профессиональный психологический отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел, учитывая их личностно-профессиональную предрасположенность к конкретной деятельности.

Для более глубокого изучения психологических детерминант этого и других основных видов деятельности сотрудников органов внутренних дел в дальнейших исследованиях будет использоваться системно-ситуативный анализ деятельности как одна из технологий обеспечения надежности сотрудника полиции.

Литература

1. Пряхина М. В., Душкин А. С. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России: учеб.-метод. пособие. М., 2013.

2. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека: учеб. пособие. М., 1986.

3. Носс И. Н. Качественные и количественные методы исследования в психологии: учеб. для бакалавриата и магистратуры. М., 2015.

4. Носс И. Н. Профессиональная психодиагностика. Психологический отбор персонала. М., 2009.

Bibliography

1. Pryakhin M. V., Dushkin A. S. Professional graphic description of the main activities in the Ministry of internal Affairs of Russia: textbook. Moscow, 2013.

2. Shadrikov V. D. Psychology of activity and abilities of the person: textbook. Moscow, 1986.

3. Noos I. N. Qualitative and quantitative research methods in psychology: textbook. for undergraduate and graduate programs. Moscow, 2015.

4. Noos I. N. Professional psychodiagnostics. Psychological selection of personnel. Moscow, 2009.

© 2017 г. Н. В. Солдатова,

доцент кафедры иностранных языков Ростовского филиала Российской таможенной академии

кандидат филологических наук, доцент.

E-mail: bsoldatov@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ КОМПОНЕНТ

Вхождение России в Болонский процесс требует разностороннего развития личности, которое подразумевает наличие у молодых специалистов навыков владения иностранным языком. Владение иностранным языком – это показатель не только конкурентоспособности специалиста в области юриспруденции, но и качества личности, ответственной за свои результаты обучения и способной к самооценке. Автор рассматривает такие средства формирования коммуникативной компетенции студентов-юристов, как «Европейский языковой портфель», научно-исследовательские и творческие проекты.

Ключевые слова: Болонский процесс, владение иностранным языком, языковой портфель, модульное обучение, самооценка, метод проектов, научно-исследовательский проект, творческий проект.

N. V. Soldatova – Assistant Professor, Department of the Foreign Languages, Rostov Branch of the Russian Customs Academy, PhD in Philology, Assistant Professor.

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF LAW STUDENTS: PROFESSIONAL AND APPLIED COMPONENT

Russia's entering the Bologna process requires individual's multifaceted development implying young professionals' proficiency in foreign language. Mastering a foreign language is both the indicator of law specialist's competitiveness and of the personality responsible for learning results and capable of self-assessment. The author considers the means of students' communicative competence forming including the European Language Portfolio, research and creative projects.

Key words: Bologna process, mastering a foreign language, language portfolio, modular training, self-assessment, project method, research project, creative project.

Одной из отличительных особенностей функционирования мирового сообщества в конце XX – начале XXI века явилось интенсивное развитие международных отношений на экономическом, политическом, культурном и многих других уровнях [1, с. 23]. Эти процессы проявились в углублении международного разделения труда, увеличении открытости стран, развитии и укреплении региональных международных структур в области права. Они свидетельствуют о стремлении стран к политической независимости, укреплению национальных приоритетов, с одной стороны, а с другой – все к большей интернационализации правовых систем, открытости национальных юридических институтов, углублению международного разделения труда, что и подразумевает глобализационные изменения, возрастание масштабов расширения рамок всех международных связей.

Развитие международных экономических отношений и глобализационных изменений

в жизни всего мирового сообщества актуализирует участие России в данных процессах. Это не только непосредственное участие в реализации процессов движения к мировому экономическому, финансовому и правовому пространству, обуславливающих снижение государственных барьеров на пути информационного обмена, международных перемещений товаров и услуг, но и к общему гуманитарному пространству, что прежде всего оказывает трансформирующее влияние на нормы и ценности, присущие модели национальной культуры.

Вхождение России в Болонский процесс требует разностороннего развития личности, которое подразумевает наличие у молодых специалистов навыков владения иностранным языком. Владение иностранным языком – это показатель не только конкурентоспособности специалиста в области юриспруденции, но и качества личности, ответственной за свои результаты обучения и способной к самооценке. Поэтому студентам

необходимо предоставить надежные и практические инструменты самооценки, такие как «Европейский языковой портфель».

«Европейский языковой портфель» – это пакет документов, при помощи которых студенты отображают свои достижения и опыт в изучении иностранных языков, собирают образцы выполненных работ, полученные свидетельства и сертификаты. При помощи «портфеля» студенты самостоятельно отслеживают свой опыт и прогресс в изучении языков, информируют о получении языковых квалификаций и содержании языковых курсов, планируют цели дальнейшего обучения.

Самооценивание – неотъемлемая часть вдумчивого подхода к обучению. Во-первых, студенты должны быть способны оценить, насколько успешно они движутся вперед на том или ином этапе обучения. Такой вид самооценки субъективен, поскольку основывается на их ощущениях, однако объективных критериев самооценки не существует. Во-вторых, студентам необходимо уметь оценивать свой коммуникативный уровень владения язы-

ком и лингвистическую компетенцию согласно шкалам Совета Европы (см. табл. 1) [2].

Самооценивание не может заменить оценивание студента преподавателем. Самооценивание и внешнее оценивание должны дополнять друг друга.

Цели типовой программы могут быть трансформированы в утверждения «я умею/могу», которые являются основой самооценки студента. По примеру «Европейского языкового портфеля» преподавателем исходя из этих утверждений создается языковой портфель, состоящий из трех разделов: «Языковой паспорт», «Языковая биография» и «Досье».

«Языковой паспорт» – это перечисление официальной информации о студенте, уровень владения иностранными языками в данный момент и во время обучения, что отмечается в таблицах самооценки как студентом, так и преподавателем. В блоке самооценки студенту предлагается оценить знания иностранного языка в начале обучения, в начале первого курса, в конце программы обучения и в течение всей жизни (см. табл. 2).

Таблица 1

Уровни знания иностранного языка

Элементарный пользователь	A 1 – интродуктивный
	A 2 – средний
Независимый пользователь	B 1 – рубежный
	B 2 – продвинутый
Опытный пользователь	C 1 – автономный
	C 2 – компетентный

Таблица 2

«Языковой паспорт»

	A 1	A 2	B 1	B 2	C 1	C 2
Аудирование Listening						
Чтение Reading						
Диалогическая речь Spoken interaction						
Монологическая речь Spoken production						
Письмо Writing						
Перевод Mediating						

В «портфеле» предоставляются шкалы самооценки как общих, так и профессиональных языковых умений. Шкалу самооценки общих языковых умений рекомендуется использовать в начале обучения. Шкала самооценки профессиональных языковых умений применяется во время обучения студентов и после окончания обучения для юристов, работающих по специальности. Раздел паспорта «Блок оценки преподавателем» является необходимым только в том случае, если «портфель» выступает как единственный официальный источник информации о прогрессе студента в вузе. В случае если портфель используется только для самообразования, необходимость в этом разделе исчезает.

Языковая биография помогает студентам организовать собственную учебно-познавательную деятельность, наблюдать за своими успехами и достижениями и оценивать результаты. Структура раздела включает в себя описание процесса изучения языка, контрольные листы для самооценки, формулировку целей, описание опыта международного культурного общения. Данный раздел побуждает студента фиксировать события и связанный с ними прогресс в изучении иностранных языков (информацию об обучении на языковых курсах, о написании тестов, поездках за границу, дополнительных занятиях иностранным языком, о просмотре фильмов), что позволяет систематизировать свой опыт и оценить усилия.

В контрольных листах для самооценки студенты должны сами определить свой уровень владения профессионально ориентированным иностранным языком (см. табл. 3).

Студенты имеют возможность выбирать профессионально ориентированные навыки, которыми они хотят овладеть и планировать этапы своей работы в подразделе «Мои цели». Преподаватель помогает студенту определить порядок действий и установить конечный срок овладения навыком. В подразделе «Опыт международного культурного общения» студент описывает случаи реального использования им иностранного языка. В формате таблиц студенты сообщают о прочитанных книгах, статьях, просмотренных телепрограммах на юридические темы, художественных фильмах и написанных научных статьях, тезисах, деловых письмах. В разделе «Досье» студент имеет наибольшую свободу, поскольку решает самостоятельно, какими материалами проиллюстрировать уровень достигнутых навыков наилучшим образом: перечисляются официальные свидетельства и сертификаты, учебные материалы и собственные работы. С целью проверки успешности самостоятельной работы преподаватель просматривает «портфель» студента один раз в четыре–шесть недель. Представляется целесообразным проводить отчет по работе с «портфелем» в конце каждого учебного модуля в форме конференции.

Поскольку заполнение «портфеля» происходит во внеаудиторное время, тогда как в аудиторное время осуществляется контроль со стороны преподавателя и консультации по интересующим студентов вопросам, в начале учебного года необходимо провести вводное занятие для ознакомления студентов с этим новым видом работы. В частности, следует обсудить со студентами такие организационные вопросы, как:

Таблица 3

Структура контрольных листов для самооценки

Профессиональные умения, которые я способен осуществлять на иностранном языке / Professional skills I can do in the foreign language	Да, я умею / Yes, I can do	Мнение преподавателя / Teacher's opinion	Я хочу научиться / I want to gain	Я уже научился / I have gained	Примечания / Comments

– структура курса дисциплины «Иностранный язык» (модули, балльно-рейтинговая система оценки успеваемости, направление внеаудиторной самостоятельной работы);

– мотивация использования «языкового портфеля»;

– структура и функции «языкового портфеля»;

– критерии заполнения;

– период проверки «портфеля» преподавателем;

– время проведения конференций по результатам обучения каждого студента согласно данным, внесенным в «языковой портфель»;

– критерии внесения материалов в «языковой портфель».

Следующим этапом занятия должно быть детальное рассмотрение «языкового портфеля». Студенты получают домашнее задание пересмотреть все компоненты «языкового портфеля» для юристов и инструкции к ним самостоятельно, заполнить раздел «Языковой паспорт» и первую рефлексивную форму. На первом занятии по первому модулю рабочей программы целесообразно использовать следующие приемы:

– определение студентами в группах тех сфер и ситуаций, в каких они будут использовать иностранный язык, пользуясь профессиональными навыками, указанными в «Контрольных листах для самооценки профессионально ориентированных языковых навыков»;

– обсуждение правил заполнения «Контрольных листов для самооценки профессионально ориентированных языковых навыков»;

– определение при помощи преподавателя основных целей обучения в каждом из видов языковой деятельности;

– ознакомление студентов с пояснительной запиской к подразделу «Мои цели»;

– выяснение студентами разницы между данными в графах «Как я планирую приобрести умения» и «Этапы выполнения».

Для внеаудиторной работы студентам на данном этапе предлагается установить разницу между таблицами самооценки общих и профессионально ориентированных навыков и контрольными листами для самооценки профессионально ориентированных языковых навыков; технологию использования подраздела «Мои цели» для организации само-

стоятельной работы; выявить необходимые для овладения коммуникативные навыки.

На последующих занятиях студенты знакомятся с подразделами «Биография изучения иностранного языка» и «Опыт межкультурного общения», определяют возможное содержание каждого из аспектов указанных подразделов, обсуждают с преподавателем возможные варианты описания прогресса в изучении иностранного языка. Студенты обобщают и систематизируют всю информацию, проверяют правильность заполнения данных в «Языковом паспорте» и работают над формированием раздела «Досье». На этом этапе происходит выяснение цели и функций внедрения каждого из подразделов языкового портфеля, обсуждаются трудности в работе с портфелем, в частности с разделом «Досье», творческий характер заполнения которого вызывает много вопросов у студентов.

Таким образом, каждый модуль начинается с вводного занятия, в ходе которого студенты определяют спектр профессиональных навыков, план работы и приемы овладения данными навыками. С этого момента студенты проводят самостоятельную работу по овладению выбранными профессиональными навыками, собирают материал для их обработки исходя из своих потребностей, интересов, этапов овладения ими. Предпоследнее занятие модуля проводится в форме итогового тестирования с целью проверки результатов обучения. На итоговом занятии оцениваются результаты работы с портфелем за весь период обучения [3, с 98]. В «Блок оценки преподавателем» вносятся результаты итогового тестирования и оцениваются достижения студента за весь учебный год. Каждый студент отчитывается о результатах обучения, после чего следует обсуждение своей работы по «Контрольным листам для самооценки профессионально ориентированных языковых навыков». Такая форма отчетности способствует реализации как контроля, так и самоконтроля работы студентов.

Также с целью развития профессионально ориентированных коммуникативных умений у студентов-юристов в рамках аудиторных и внеаудиторных занятий по иностранному языку активно используются проектные технологии, способствующие повышению самообразовательной компетентности обучающихся. Под проектными технологиями понимается научно-познавательная, творческая

деятельность студентов, направленная на самостоятельное исследование поставленной задачи, которая требует от них не только самостоятельности в обосновании и решении поставленных проблем, но и детального структурирования содержательной части проектной работы.

Проектная деятельность студентов-юристов, осуществляемая на иностранном языке на практических занятиях и публичных презентациях в рамках международного сотрудничества, способствует развитию навыков монологической и диалогической речи, а также систематизации языковых знаний и умений при написании содержательной части проекта. Поводом к выполнению научно-исследовательского (учебного) проекта может служить изучаемая тема соответствующей дисциплины, личный интерес студента (индивидуальный проект) или профессиональная заинтересованность группы студентов (групповой проект), желающих более детально и подробно изучить отдельно взятый материал, творчески подойдя к учебному процессу.

Преимущества выполнения индивидуального проекта:

- независимость при составлении плана проекта;
- индивидуальная ответственность за выполнение всего проекта;
- формирование индивидуальных исследовательских, презентационных и оценочных умений и навыков.

Преимущества выполнения группового проекта:

- выработка навыков группового сотрудничества при составлении плана проекта;
- формирование командной ответственности за выполнение проекта;
- распределение обязанностей на всех участников на основе персональной компетентности;
- разностороннее и более глубокое исследование проекта.

Результатом проекта должен явиться конечный материал, демонстрирующий лингвистическую компетенцию участника (группы участников) и его осведомленность в вопросах изучаемой темы. Подготовленный материал требует вербальной и визуальной презентации с максимальной убедительностью, что должно стать показателем верного решения поставленной задачи проекта.

Важным компонентом при определении сформированности самообразовательной компетентности у студентов-юристов выступает оценка качества научно-исследовательского или творческого проекта, демонстрирующая готовность выпускника вуза к профессиональной деятельности.

Таким образом, использование проектных технологий в учебном процессе создает условия для саморазвития и самосовершенствования студентов-юристов, позволяет развивать их творческий потенциал и содействует развитию коммуникативной компетенции будущих специалистов в области юриспруденции.

Литература

1. Куликова Э. Г. Юридически значимые номинации и «ключевое слово эпохи»: семантика и актуальная прагматика // Филос. права. 2015. № 6 (73).
2. Европейская система уровней владения иностранным языком. URL: http://linha.ru/evropeiskaya_sistema_urovnei_vladieniya_inostrannim_yazikom.htm
3. Солдатов Б. Г. Модульное обучение в педагогическом процессе по иностранному языку // Акад. вестн. Ростов н/Д, 2013. № 1 (14).

Bibliography

1. Kulikova E. G. Legally meaningful categories and the «epoch keyword»: semantics and topical pragmatics // *Philosophy of Law*. 2015. № 6 (73).
2. The European system of foreign language proficiency levels. URL: http://linha.ru/evropeiskaya_sistema_urovnei_vladieniya_inostrannim_yazikom.htm.
3. Soldatov B. G. Modular training in the foreign language teaching process // *Academic Bulletin*. № 1 (14). Rostov-on-Don, 2013.

© 2017 г. Л. А. Брусенская,

профессор кафедры русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор филологических наук, профессор.
E-mail: brusensk@yandex.ru

Э. Г. Куликова,

заведующая кафедрой русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор филологических наук, профессор.
E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ: НОВЫЕ ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЛИНГВИСТИКИ И ПРАВА*

В статье рассматриваются вопросы формирования нового уровня соединения юриспруденции и лингвистики. Отмечается, что лингвистические знания позволяют решать актуальные задачи, которые связаны с совершенствованием формы изложения правовых норм.

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвоюридические дисциплины, правовая норма, обучение юристов.

L. A. Brusenskaya – Professor, Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics, Doctor in Philology, Professor.

E. G. Kulikova – Head of the Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State University of Economics, Doctor in Philology, Professor.

PROMISING AREAS OF LANGUAGE TRAINING FOR LAWYERS: NEW FORMS OF INTEGRATION OF LINGUISTICS AND LAW

In the article the questions of forming a new connection-level of jurisprudence and linguistics. It is noted that linguistic knowledge allow to solve actual problems that are associated with the improvement of the form of presentation of legal norms.

Key words: law linguistics, law linguistics disciplines, norms of law, lawyers Training.

В настоящее время уже стало общим местом положение о том, что на стыке наук формируется новое перспективное знание, и у всех на слуху наименование пограничных дисциплин, которые черпают арсенал, методологию из двух или нескольких гуманитарных дисциплин. Дифференциация наук по частным отраслям компенсируется созданием и взаимовлиянием находящихся на стыке дисциплин, которые позволяют исследовать не изолированные друг от друга феномены, а комплексы связанных каузально явлений.

В конце XX века произошел общенаучный поворот в сторону языка. Современные гуманитарии (и не только) усматривают в лингвистике то же, что интеллектуалы XIX века видели в биологии. С помощью языка пытаются найти ответы на свои вопросы философы и историки, психологи и социологи.

Существует единое поле с лингвистикой и у юриспруденции, потому что по своему про-

исхождению право связано с языком, в нем объективируется, посредством него познается. Естественный язык – субстрат языка юридического. Юридическая реальность дана нам словами в виде текста. Право в его фактичности есть текст. Поэтому справедливо утверждение о том, что нет ничего юридического, что бы ни было лингвистическим. Проблема соотношения права и языка возникла с момента принятия первых законов. Но хотя связь языка и права замечена давно, радикальные выводы, объясняющие сущность, значение права, судебное доказательство, истину с точки зрения лингвистики, из этого положения не делались. Сегодня можно говорить о сложившейся пограничной, интегративной дисциплине – юридической лингвистике. На Западе эта дисциплина существует в течение нескольких десятилетий. Первая международная конференция по юридической лингвистике состоялась в Бонне в 1993 году, тогда же

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00037.

стал выходить в свет научный журнал «Язык и право». В нашей стране интерес к данному научному направлению возник позднее. Свою роль в этом сыграла идеологически обусловленная закрытость правовой системы и гуманитарных наук. Юридическая лингвистика в России существует около двух десятилетий, но это время интенсивного развития. Отставание преодолевается, а достижения западной лингвистики охотно используются. В настоящее время опубликовано 11 выпусков сборников научных статей по юридической лингвистике с самым широким спектром проблем. При этом наиболее популярными направлениями являются: язык законодательных актов, инвективное использование языка и дела об оскорблении чести и достоинства (на Западе предмет научного интереса со времен Античности). В исследованиях зарубежных ученых больше внимания уделяется таким аспектам, как юридическая аргументация средствами естественного языка с учетом его многозначности, семантической расплывчатости слов, герменевтика и логика (интерпретация, аргументация).

Одинаково интересны лингвистам и в России, и на Западе вопросы оценки языковой ситуации и формирования языковой политики, защита конституционного права на пользование родным языком. Поскольку существуют так называемые «языковые преступления» – оговор, подстрекательство, угроза, лингвисты напрямую участвуют в их квалификации. В ведении языкознания всегда была терминология любой науки, включая юридическую, так же как и юридический дискурс – правовые тексты. Так, 10 лет назад впервые была высказана идея, согласно которой язык права должен рассматриваться как самостоятельный функциональный стиль. Действительно, право – одно из самых главных завоеваний человеческой цивилизации, и логично, если эта особая сфера находит языковое воплощение в особом стиле, который в свою очередь реализуется в различных жанрах (как беллетристический стиль реализуется в романах, повестях, поэмах).

Сегодня можно констатировать лавинообразное увеличение количества работ по юридической лингвистике, но фундаментальной наукой она еще не стала. Тем не менее вопросы возникают сами: как язык влия-

ет на право, насколько неразрывны связи языка и права, могут ли разные правовые системы получить эквивалентное выражение одним языком, можно ли найти языковые универсалии права.

В последнее время юрислингвистика приобретает институциональный характер – действуют центры, исследовательские группы. Почти двадцатилетний опыт существования юридической лингвистики нуждается в осмыслении. Стало очевидным, что нужно тщательно изучать специфику юридического и лингвистического мышления. Оказывается, что далеко не всегда словарное и законодательное толкование слов совпадает. Ч. Дж. Филмор в статье «Об организации семантической информации в словаре» писал, что юридический язык обладает собственными семантическими закономерностями. Различие между *simple assault* (простое применение насилия) и *aggravated assault* (применение насилия, повлекшего за собой тяжкие последствия) зависит от того, подверглась ли жертва насилия госпитализации и продолжалась ли эта госпитализация больше 72 часов [2]. Ясно, что в естественном языке слова не обладают такой жесткостью в семантике. Возникающая при этом асимметрия рассматривается на лексическом и синтаксическом уровнях. Многочисленные статистические данные свидетельствуют об отсутствии абсолютной лексической асимметрии языка права и публицистической речи. Автор справедливо говорит о «наложении лексических масс», которое осуществляется сразу в нескольких направлениях. Вместе с тем для языка права характерно использование своеобразных структурно-коммуникативных микроэлементов, во многом определяющих его специфику, например в связи с этим становится важным анализ термина «сбыт», используемого в 15 статьях Уголовного кодекса РФ, что свидетельствует о расхождении его словарного и законодательного толкования, и следование только лингвистическому определению вызовет ошибки в правоприменительной деятельности. Так, в 2003 году с внесением изменений в регламентацию ответственности за незаконный оборот наркотических средств были разделены понятия «изготовление» и «производство», что закономерно, так как при этом учитывается разная сте-

пень их общественной опасности. На основе изучения лингвистического и юридического мышления может быть создана общая эпистемологическая база для решения сложных междисциплинарных задач. Пока же лингвисты активно формируют художественно-медийный макет судопроизводства, не имеющий ничего общего с реальностью, а юристы с иронией относятся к возможности полноправного взаимодействия лингвистики и права. Лингвистам нужно научиться понимать стиль мышления юристов, их профессиональное видение. Препятствия могут возникать в результате недостаточной компетентности юристов в лингвистике, а лингвистов – в юриспруденции. Нужны специалисты, умеющие мыслить и как лингвисты, и как юристы. Важнейшей проблемой является совершенствование формы изложения правовых норм. Лингвистические знания позволяют решать актуальные задачи, которые связаны с этим совершенствованием. Перманентное изменение законодательства сопровождается резким увеличением объема правовой информации – это неизбежно сказывается на качестве текста закона, тогда как главное требование к закону состоит в том, что закон должен быть точен и логичен.

Сегодня можно ставить вопрос о формировании нового уровня соединения юриспруденции и лингвистики – соединении, а не использовании одного для нужд другого. Очевидно, что неизбежна взаимная адаптация лингвистического и юридического аппарата, установление прямых корреляций между фактами языка и фактами права. При этом в высшей степени интересны идеи А. С. Александрова [1], изложенные в его докторской диссертации по судебной лингвистике. Право понимается им не как действующий закон с установленным раз и навсегда смыслом, который субъект использует относительно некоторого объекта, а как дискурс, текст, то есть совокупность самопроизводных, приходящих на смену другу другу, друг с другом конкурирующих коммуникативных практик. Автор, связывая онтологию и гносеологию права с языком, предлагает совершенно новый ракурс исследования права и его институтов: право рассматривается в качестве текста с постоянным становлением значения – как в ходе создания правовой нормы, так и в ходе применения права. Это текст

с его неустранимой многозначностью, актуализацией разных значений при взгляде с различных точек зрения. Право как текст подвижно, не догматично, творимо каждый раз заново, оно живет и обрастает новыми идеями, дает возможность диалога общества с властью, возможность конкурирующих между собой прочтений. Текстовая реальность права делается при таком подходе основным объектом изучения и методологическим принципом. А. С. Александров предлагает концепт «право – текст».

Однако, по нашему мнению, концепт «право – текст» позволяет предположить несколько иное толкование корреляций между текстом закона, правом и интерпретацией. Мы рассматриваем их в качестве единого неразрывного целого. Право не может мыслиться вне и без текста закона, средой его существования являются различные интерпретации смыслов текста права, проговаривание. Норма «умирает», если ее не используют, если она не получает толкования в процессе судебного разбирательства. Если право получает толкование, то это свидетельствует не только о том, что правовая норма «востребована», но и о том, что она наделена определенным смыслом, и смысл этот «работает», его «ищут». Юристы обычно относятся к праву как тому, что имеет реально-объективный характер, внешний относительно текста, его означающего, понимают его как что-то объективное, позитивное, а языковую форму существования этого права считают чем-то относительным, преходящим, служебным. Юридическая техника оказывается средством наделения определенной идеи права подлинным смыслом, заботливо вложенным в закон каким-то совершенным законодателем, следовательно, получается, что некий смысл существует сам по себе. Юридическая техника может рассматриваться, с одной стороны, в качестве правопорождающей, правосоздающей деятельности, а с другой – в качестве набора договорных гипотез, утверждений – правовых топосов, то есть оформившихся, традиционно используемых фигур правовой мысли и в конце концов – в качестве способности при помощи языковых средств создавать «право – текст» на основании указанной правовой топики.

Текст закона – это фактура, которая с помо-

пью средств юридической техники препарируется юристом для создания «собственного интерпретационного прочтения права». Но такому субъективному мнению могут составить конкуренцию другие. И судьей-рефери, который сравнивает интерпретации в ходе юридической состязательности, делается вывод о подлинном смысле нормы, которую следует применить, или, наоборот, вывод о ее малоприспособленности для разрешения. Игры означают бесконечны, у текста множество смыслов, интерпретации текста, создаваемого законодателем, могут быть продолжены интерпретатором в бесконечность. Текст «творит игру» в процессе юридической состязательности, игры с текстом порождают смысл. Право познается только посредством толкования текста закона. Каждый прочитывает текст на такую глубину, которая лично ему оказывается доступной. Право является текстом закона, помноженным его интерпретацию, то есть это такой текст закона, который «начитан». Юрислингвистика останавливается «на пороге» юриспруденции, она не занимается вопросами права. Но крайне важно, чтобы юрислингвистика дотягивалась до решения правовых вопросов – как подвести те или иные случаи использования языка к существующему законодательству или судебной практике.

Рассмотрение многих из видов преступлений, которые предусмотрены Уголовным кодексом Российской Федерации (ст. 129, 130, 280, 282, 354 УК РФ и др.), требует специальных лингвистических познаний, чтобы установить объективную сторону правонарушения посредством речи. Электронные и печатные средства массовой информации довольно часто озвучивают сведения, которые порочат честь и достоинство граждан, распространяют откровенную клевету, наносят оскорбления, призывают к насилию и агрессии. Сегодня усилился спрос на рекомендации о том, как избежать правовых рисков, – нужны превентивные меры. В этом также без помощи лингвистов не обойтись. Манипулятивное использование языка все больше трансформируется в сильнейшее средство борьбы за власть, и пока эта проблема не юридизирована. Нарботки лингвистов по манипулятивной коммуникации в высшей степени будут полезными. Лингвисты могут помочь при рассмотрении исков к производителям продуктов и лекарств, если недоста-

точными оказываются эксплицитные сведения о составе и побочных эффектах.

В реальную правоприменительную практику широко вовлекают филологов с целью получения лингвистических заключений по текстам различной тематики и функционально-стилистической принадлежности. Основная роль юридической лингвистики – повышение правовой культуры граждан. В основе правовой культуры лежит умение воспринимать и интерпретировать тексты законов. Тексты права в правовом государстве играют очень важную роль, человек выступает в разных ипостасях – истец, ответчик, учредитель общественной организации – везде он сталкивается с правовыми текстами, поэтому необходимость филологического обеспечения правовой деятельности имеет массовый характер. Итак, потребность в слиянии языка и права продиктована сугубо практическими соображениями и приобретает массовый характер. Нужны более совершенные законы и успешная правовая коммуникация. При этом присутствует постоянная неудовлетворенность языком права. Язык не обслуживает право, он вырастает вместе с ним. Обладая изоморфизмом, он придает праву собственные черты, внутреннюю форму, дух и, наоборот, право придает языку свои черты.

Решение этих проблем возможно в том числе за счет расширения междисциплинарной общегуманитарной базы, и огромную роль здесь могут сыграть лингвоюридические дисциплины в подготовке будущих юристов. Юридическое образование лингвистично по своей природе. Юрист – это человек, профессиональный говорящий и пишущий. Профессиональное письмо и говорение входят в компетенцию самих юристов. Но чтобы достичь такой степени владения общим и профессиональным языком, нужна тщательно продуманная система обучения будущих юристов.

Для бакалавриата и магистратуры необходимо ставить разные задачи.

1. В системе подготовки бакалавров жестким условием должна быть профессиональная ориентация в преподавании русского и иностранного языка, без соблюдения которого будет совершена неудачная попытка объять необъятное. Студентов нужно вовлекать в обучение эмоционально – даже посредством триллеров и детективов.

2. Юридический язык – это особая подсистема (стиль), следовательно, при обучении юристов необходимо делать акцент на юридических различиях разных жанров (например, язык и стиль допроса, судебных прений и даже таких деталей, как судебный этикет и т. п.). Таким образом, в подготовке будущих юристов важна юридическая стилистика.

3. Для юриста особое значение имеет официально-деловой стиль. Официально-деловой стиль консервативен, но сейчас в нем обозначились изменения. Стало ясно, что необходимо не только освоение экономики и права новых отношений, но и особенностей производных от данных отношений документов. Все эти сведения может дать документальная лингвистика.

4. Необходимо возрождение юридической риторики. Содержание риторики в классическом понимании ускользает от многих. Полагают, что это нечто связанное с русским языком, с культурой речи. Однако она имеет неисчерпаемые возможности – относится к разряду таких мозгообразующих дисциплин, как математика и логика, а в большинстве случаев играет огромную цивилизующую роль. Еще античная цивилизация первой частью риторики считала инвенцию (от лат. *inventio* «изобретаю») – изобретение идей. Сфера риторической инвенции – само понятийное поле: для убедительной речи необходимо умение изнутри увидеть проблему, проанализировать ряд альтернатив, выстроить аргументы и контраргументы, без которых и знания о правильных ударениях в словах не пригодятся. Лингвисты могут помочь в формировании содержательной стороны речи, этого они еще не предлагали юристам, а теперь могут предложить [4]. При этом особое внимание нужно уделять активным методам обучения – не ограничиваться изучением речей великих ораторов (а если изучать – то не пассивно).

Так, на юридическом факультете Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) используется такая форма проведения занятий, как театрализованное воспроизведение фрагментов судебных заседаний, фрагментов речей, – студентам предлагается самим составлять речи, вначале подражая великим образцам, и выступать перед слушателями.

Наряду с этим необходимо совместить двухуровневую подготовку юристов. В магистратуре нужно изучать широкое диалектическое взаимодействие языка и права, на этом уровне подготовки должно быть сформировано понимание права как совокупности дискурсов и дискурсивных практик. Необходимо сформировать понимание того, что юрист – профессия с повышенной речевой ответственностью.

Во-первых, в магистратуре специализация может быть по юридической лингвистике. Такая специализация уже существует во многих вузах.

Во-вторых, специализация может быть по экологической лингвистике, исследующей именно те вопросы, которые потенциально являются предметом судебного разбирательства (инвективы, неправомерное использование иноязычия, манипуляция, а тем более экстремизм и прочие) [5].

В-третьих, специализация может быть по судебной экспертизе: судебные лингвисты сродни экспертам-криминалистам, привлекаемым правоохранительными органами для проведения различных экспертиз. Но если для проведения экспертизы оружия или отпечатков пальцев обращаются к специалистам именно в этой сфере, то для проведения лингвистических экспертиз – к учителям, корректорам, преподавателям вуза и т. д. В результате одно и то же словоупотребление трактуется с взаимоисключающих позиций и с взаимоисключающими последствиями: в одной экспертизе как криминальное, а в другой – как не выходящее за рамки закона, не соответствующее диспозиции какой-либо статьи соответствующего кодекса. Между тем производству экспертиз нужно специально учиться. Тогда не будет конфликта экспертиз, несовпадений как хода экспертизы, так и юридического результата [3].

В-четвертых, юристам, которые уже состоялись в профессии, можно предложить программу повышения квалификации «Русский язык для судейских работников» (в Саратовской юридической академии преподается такая дисциплина).

Лингвисты готовы модифицировать свои курсы в соответствии с запросами юристов. Россия заимствует Болонскую систему образования, но важно заимствовать и то лучшее, что имеется в западных университетах, где

особое внимания уделяется подготовке специалистов на родном языке. Вряд ли большинство юристов будет вести свою профессиональную деятельность на иностранном языке, хотя трудно переоценить и знание иностранного языка в этой профессии. Языковая культура не является врожденным качеством

человека. Ее надо целеустремленно, последовательно формировать. Комплекс лингвистических дисциплин дает возможность воспитать людей личностного склада, которые смогут ярко, смело, самостоятельно мыслить, убеждать и побуждать к действию своим неординарным словом.

Литература

1. Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
2. Голев Н. Д. Труды по лингвистике. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v81.html>
3. Факторович А. Л. Конфликт филологических экспертиз // Язык в контексте социально-правовых отношений современной России. Ростов н/Д, 2009.
4. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г., Беляева И. В. Юридическая риторика: учеб. М., 2015.
5. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика: моногр. М., 2016.

Bibliography

1. Alexandrov A. S. Language of Criminal Legal Proceedings: dis. ... Doctor of Law. N. Novgorod, 2003.
2. Golev N. D. Works on linguistics. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v81.html>
3. Faktorovich A. L. The Conflict of Philological Examinations // Language in the Context of Social Legal Relations of Modern Russia. Rostov-on-Don, 2009.
4. Brusensky L. A., Kulikov E. G., Belyaeva I. V. Legal rhetoric: studies. Moscow, 2014–2015.
5. Brusensky L. A., Kulikov E. G. Ecological linguistics: monograph. Moscow, 2016.